

2

РУССКАЯ РЕЧЬ 1980

МАРТ Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

АПРЕЛЬ

В номере:

К 110-летию со дня рождения В. И. Ленина

- П. Н. Денисов. Слово и стиль. Вчитываясь в ленинские строки 8
- В. П. Даниленко, Е. Л. Лилеева. «В нем всегда жил ярый полемист» 10

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Г. Д. Ахметова. Преображение жизни (по повести К. Г. Паустовского «Кара-Бугаз») 16
- Л. А. Качаева. «Купринская» манера письма 20
- А. Т. Кунгурова. «Звени, звени, золотая Русь...» 26
- М. А. Бакина. Фразеологизмы в поэзии 30
- Н. В. Федорова. «Внезапное добрососедство» (архаизмы в современной поэзии) 35
- А. А. Кожин. Самобытность басенного слова 40

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

- В. М. Мокиенко. *Старая карга и белая ворона* 45
- В. Н. Вакуров. Труд кормит, безделье портит 49

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- Н. И. Формановская. Речевой этикет. Приветствие 52
- Ю. А. Вельчиков. «Говорить просто и ясно...» 56

МАСТЕРСТВО ПРОПАГАНДИСТОВ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ

- Н. Н. Кохтев. Живое слово Я. М. Свердловва 62

СРЕДИ КНИГ

- Стиль ленинской «Искры» и газеты «Новая жизнь» 68

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- К. С. Горбачевич. О нормах современного русского литературного языка 70

ЛЕКСИКА. ГРАММАТИКА

В. П. Ковалев. НТР и новое в художественной речи	77
К. П. Сидоренко. От термина — к фразеологизму	82
И. Г. Милославский. <i>Купил пальто</i> — одно или несколько? (Грамматическое и реальное число)	85
В Институте русского языка АН СССР	88

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

В. А. Иванова, В. М. Панькин. Русский язык в семье братских народов	90
Н. Г. Колесник. Семинар «Принципы и методы билингвистических исследований» (хроника)	95

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Н. А. Кондрашов. Измаил Иванович Срезневский (1812—1880)	97
Л. В. Бондарко. Лев Владимирович Щерба (1880—1944)	103

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

В. А. Грихин. Древнерусские княжеские жития	106
А. Ю. Мазилова. Разрядные книги	111
В. И. Максимов, А. Л. Максимова. Откуда пошли Петр Петрович и Комар Комарович	117

АРЕНЫ ОЛИМПИАДЫ-80

Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. Мытищи	121
Я. Э. Симм. Таллин и Пирита	125

ОЛИМПИСКИЕ ВИДЫ СПОРТА

В. Н. Сергеев. Баскетбол	128
------------------------------------	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Н. Ю. Меркулов. Селигерские ветры	132
Н. В. Таранов. Как назывались деревья в древней Руси?	136
Л. И. Балахонова. Чем вы разливаете суп?	142
А. В. Варандеев. Почему вода в колодце <i>колодезная</i> ?	146

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	150
---	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Воротниковский переулок; Кошт; Почему <i>авиопочта</i> стала <i>авиапочтой</i> ? «С начала та ж я и с конца»	154
Кроссворд	153

На обложке рисунок В. Толстоногова

К 110-летию
со дня рождения
В. И. Ленина

С Л О В О
И
С Т И Л Ъ

Вчитываясь в ленинские
строки

В данной статье развиваются мысли, высказанные ранее о стиле газетных статей В. И. Ленина «Поспевать за событиями...» («Русская речь», 1980, № 1). Только здесь от наблюдений стилистических переходим к лексикографическим выводам. В частности, как представить в словаре с его специфическим лаконизмом и обобщенностью слова, характерные для стиля В. И. Ленина.

Известно, что стиль определяется, главным образом, выбором слов и синтаксисом. По-видимому, не всякое слово и не всякая синтаксическая конструкция несет в себе одинаковый стилистический заряд. Слово и предложение в тексте прежде всего коммуникативны, служат для обозначения, выражения и сообщения мысли.

В. И. Ленин высоко ставил «умение подойти» к аудитории, что означает стремление к общепонятности, доступности стиля: «где бы ни говорил коммунист, он должен думать о массах»; поэтому можно предположить, что, выбирая слова, В. И. Ленин предпочитал общеупотребительное слово специальному, советовал другим не злоупотреблять заимствованиями, мудреными терминами. Но ведь В. И. Ленину приходилось писать для народа и говорить с ним о сложных политических и экономических вопросах, когда трудно избежать специальных терминов. Как же

разрешается, в частности, противоречие между стремлением к простоте стиля при крайней сложности излагаемой темы?

Есть три стилистики современного русского литературного языка: две речевых, функциональная и экспрессивная, и одна обобщенно-языковая. Функциональность стиля — это его целенаправленность, например, в науке — к ясному, точному и объективному выражению и сообщению мысли, в публицистике — к отстаиванию определенной точки зрения, в художественной литературе — к образному эмоционально-насыщенному отображению природы и ее состояний, человека и его поступков. Экспрессивная стилистика связана с функциональной хотя бы в том смысле, что эмоция и экспрессия противопоставлены науке, в публицистике же необходимы как дополнительные средства в идейной борьбе, а достигают максимума в эстетической устремленности художественного слова.

Обобщенно-языковая стилистика отмечает постоянную стилистическую окрашенность слов в больших толковых и иных словарях современного русского литературного языка. В них встречаются пометы *Разг.*, *Простореч.*, с одной стороны, и *Книжн.*, *Высок.* — с другой, которые отмечают стилистическую сниженность или приподнятость слова, а помета *Спец.* — включение слова из профессиональной сферы. Каждой теме, предмету речи соответствует определенный стиль.

В разных разрядах лексики таятся различные семантические и стилистические «секреты» и вскрыть их просто.

Возьмем, например, имена существительные конкретного значения и попытаемся вскрыть их распределение по текстам, характер их частотности и, если удастся, экспрессивно- и функционально-стилистические особенности. Известно, какую роль в жизни В. И. Ленина играли газеты. В соответствии с этим слово *газета* очень часто встречается в ленинских работах. Так, в статье «С чего начать?», которая была опубликована в мае 1901 года в «Искре» (№ 4), слово и понятие *газета* трактуются широко как орган, рупор, голос класса и его партии. Естественно, что здесь оно высокочастотное и тематическое. Более того, В. И. Лениным в этой работе сформулировано научное понимание роли газеты, печати вообще.

«По нашему мнению, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой орга-

низации, наконец, основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, — должна быть постановка общерусской политической газеты» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, Т. 5, с. 9). Само повторение слова *газета* является функциональным стилистическим приемом внедрения в сознание читателей — рабочих, революционеров, социал-демократов того времени мысли о необходимости общерусской политической газеты. «Нам нужна прежде всего газета... нам нужна именно общерусская газета... нам нужна непременно политическая газета» (Т. 5, с. 9, 10). Важность тезиса подчеркивается и повтором синтаксического рисунка фраз.

Здесь же содержится развернутая характеристика роли и места газеты в деятельности партии: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор» (Т. 5, с. 11).

Исходя из этого, мы должны предполагать, что слово *газета*, являясь именем существительным конкретного значения и не помечаемое в словарях никакими экспрессивно-стилистическими пометами, должно, тем не менее, занимать в стиле В. И. Ленина особое место, приобретать особую смысловую емкость, функциональную значимость и даже экспрессию.

Несмотря на то, что 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» дает слово *газета* в одном единственном значении: «Периодическое, обычно ежедневное, издание в виде больших листов, имеющее целью сообщение о текущих событиях в различных областях жизни и обсуждение их», — внимательное рассмотрение ленинских контекстов наводит на мысль о том, что оно в употреблении В. И. Ленина расширяет свою семантику, по крайней мере, до четырех отчетливо выделяемых значений: 1) исходное конкретное номинативное значение (см. определение 17-томного Словаря, например: «Вырезки из русских газет присылайте» (Т. 46, с. 102—103); 2) Перен. (метонимия, перенос по смежности) газетное дело, газетная работа, например: «Приехать решительно не могу: на мне теперь и газета вся лежит...» (Т. 46, с. 160); 3) Перен. (метонимия, часто олицетворенно) орган, политическое орудие какой-либо группы, партии, например: «Геройская борьба берлинской газеты коммунистов „Красное Знамя“ вызывает полный восторг» (Т. 39, с. 213); «Читатель видит, что нового в речах новой газеты

нет ничего» (Т. 17, с. 140); «Неправда, если газеты кричат, будто в России царит беспорядок» (Т. 32, с. 176); 4) абстрактное значение; слово *газета* обозначает выработанное В. И. Лениным научное понятие, которое включает в себя все существенные, на его взгляд, признаки этого средства массовой информации, пропаганды и агитации. Именно оно признано образцовым определением газеты в нашей журналистике. И 17-томный академический словарь, и словарь под редакцией Д. Н. Ушакова и другие прошли мимо этой многозначности. Функциональная потребность в слове привела к возрастанию его смысловой емкости. Если допустимо считать слово *газета* однозначным в современном русском литературном языке (по данным словарей), то в ленинском употреблении на базе исходного прямого значения развились два переносных и одно обобщенно-абстрактное.

Наконец, об экспрессивных обертонах слова *газета*. 17-томный Словарь фиксирует такое гнездо: *газета, газетка, газетный, газетчик, газетчица*. В настоящее время в ленинской картотеке не представлено только производное *газетчица*, но зато есть эмоционально окрашенное *газетина*: «Вот коли примут наше приглашение и заедут к нам, — мы с ними покалякаем, повоюем за взгляды одной газетины...» (Т. 47, с. 221).

Экспрессивно-стилистическая окрашенность поддерживается не только выбором слова *газетина*, но и выбором слов «в тон»: *коли, покалякаем, повоюем*. Такого рода слов много и в окружающем «широком контексте» (см.: Т. 47, с. 221).

Казалось бы, конкретная лексика в наименьшей степени может характеризовать стиль автора, пишущего на абстрактные политические темы. Но это не так. Слово, необходимое в функционально-стилистическом плане, при этом может подвергнуться семантической детализации, попасть в особые контекстные условия, дать необычные производные, стать основой метафоризации и символизации и т. д.

Например, такие слова конкретного значения: *револьвер, ружье, топор, сабля* — часто встречаются в произведениях 1905 и 1917 годов, времен гражданской войны в своих прямых значениях. А вот в «Письме к товарищам», написанном в октябре 1917 года накануне Октябрьской революции, В. И. Ленин использует слово *револьвер* метафорически, говоря о восстании и о Советах. Фигурально

говорится о *револьвере с пулей* (передача власти Советам и подготовка восстания) и о *револьвере без пули*: «Отказ от восстания есть отказ от передачи власти Советам и „передача“ всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая „обещала“ созвать Учредительное собрание...»; «Нашему пессимисту ответили метко: „револьвер без пули?“» (Т. 34, с. 403).

В статье «О чесотке» В. И. Ленин иронически пишет о мучительной болезни — «чесотке революционной фразы». В ней слово *револьвер* фигурирует в составе развернутого метафорического построения, своеобразной притчи: «Положим, Каляев, чтобы убить тирана и изверга, достает револьвер у крайнего мерзавца, жулика, разбойника, обещающая ему за услуги принести хлеб, деньги, водку.

Можно осуждать Каляева за „делку с разбойником“ в целях приобретения орудия смерти? Всякий здоровый человек скажет: нельзя» (Т. 35, с. 362).

Если же револьвер добывается одним разбойником у другого в целях убийства и грабежа, то такую «делку с разбойником» нельзя ни сравнивать, ни отождествлять с каляевской сделкой. Далее сделка Керенского с англо-французскими империалистами, естественно, приравнивается к сделке между разбойниками.

Важно отметить, что пример с Каляевым и револьвером строится В. И. Лениным для того, чтобы раскритиковать фразеров и сделать это «попроще, пояснее» — «без мудреных слов, без непонятного для массы» (Т. 35, с. 362).

Тем самым тематическая группа «Оружие» весьма характерна для стиля В. И. Ленина как революционера. Слова *револьвер*, *ружье*, *топор* и другие не только использовались в прямых и переносных значениях, но и становились подчас словами-ключами, своеобразными символами, знаменем времени.

Именно такой была судьба слова *топор* в литературе русского революционного движения. Н. Г. Чернышевский звал Русь к топору. Слово *топор* и словосочетание *железная рука* фигурируют как символические обозначения диктатуры пролетариата в речах контрреволюционеров, по мнению которых «из нашей революции не выйдет ничего, кроме погромов и анархических бунтов» (Т. 35, с. 171). Полемицируя с ними, В. И. Ленин говорил: «вот наши постоянные речи о топоре — это уж настоящая демагогия» (там же), и разъяснял: «Никто, кроме социалистов-утопистов, не утверждал, что можно победить без

сопротивления, без диктатуры пролетариата и без наложения железной руки на старый мир» (Т. 35, с. 172).

Отвечая своим противникам, В. И. Ленин показывал диалектику диктатуры пролетариата: «Вы упорно не желаете видеть, что эта железная рука, разрушая, и созидает» (Т. 35, с. 172).

Но, пожалуй, самым знаменитым символом революции остался образ «человека с ружьем» — вооруженного народа, вставшего на борьбу. Как свидетельство существенного перелома в сознании масс, в принятии ими диктатуры пролетариата и Советской власти В. И. Ленин в своем «Докладе о деятельности Совета Народных Комиссаров» Третьему Всероссийскому съезду советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 11 (24) января 1918 года приводит один происшедший с ним случай: «Дело было в вагоне Финляндской железной дороги, где мне пришлось слышать разговор между несколькими финнами и одной старушкой. Я не мог принимать участия в разговоре, так как не знал финского языка, но ко мне обратился один финн и сказал: „Знаете, какую оригинальную вещь сказала эта старуха? Она сказала: теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне“.

Когда я это услышал, я сказал себе: пускай сотни газет, как бы они там ни назывались — социалистические, почти-социалистические и пр., пускай сотни чрезвычайно громких голосов кричат нам: „диктаторы“, „насилъники“ и т. п. слова. Мы знаем, что в народных массах поднимается теперь другой голос; они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров» (Т. 35, с. 269).

В. И. Ленин считал этот перелом в сознании масс принципиально важным.

Таким образом, даже, казалось бы, семантически наиболее простая разновидность имен существительных конкретного значения при определенных условиях становится приметой функционального и экспрессивного стиля отдельно взятого автора. У слова может увеличиться смысловая емкость, оно может обрасти переносными — методическими и метафорическими — значениями вплоть до обобщенно-образных, символических.

При этом словари общего языка могут оказаться недостаточно детализированными или даже требующими уточнений в формулировках не только переносных, но и прямых значений. По крайней мере, ясно одно — стилистические «секреты» в ленинских текстах может иметь любое слово. На наш взгляд, конкретные существительные типа *газета, ружье, револьвер, сабля* и другие являются не только коммуникативно, но и стилистически важными, ключевыми, характерными для В. И. Ленина. На них должно быть обращено большое внимание в «Словаре языка В. И. Ленина».

*П. Н. ДЕНИСОВ,
доктор филологических наук,
зав. сектором Словаря языка В. И. Ленина
Института русского языка АН СССР*

...Без ясного, продуманного, идейного содержания агитация вырождается в фразерство.

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или проблемы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи... Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Каждый агитатор и пропагандист нам необходим, он выполняет свою задачу, когда работает в строго партийном духе, но не ограничивается одной только партией, а помнит, что его задача — руководить сотнями тысяч преподавательского персонала, заинтересовать их, побороть старые буржуазные предрассудки, привлечь их к тому, что мы делаем, заразить их сознанием непомерности нашей работы, и, только перейдя к этой работе, мы можем эту массу, задавленную капитализмом, которую он оттягивал от нас, вывести на правильный путь.

В. И. Ленин

«В НЕМ ВСЕГДА ЖИЛ ЯРЫЙ ПОЛЕМИСТ»

О выразительных средствах в языке
произведений В. И. Ленина

Анализ любого произведения с точки зрения особенностей языка и стиля предполагает учет его содержания и жанрово-стилистической направленности. Эти две составляющие — о чем автор пишет и как он пишет — определяют отбор языковых средств, конкретные, индивидуально-авторские приемы их реализации.

Особенно зажигался он [В. И. Ленин] не от родственных идей, а от противоположных. В нем всегда жил ярый полемист.

А. В. Луначарский

Исследователи языка и стиля произведений В. И. Ленина неизменно отмечают органичное сочетание в них научной глубины и эмоциональной выразительности. Эта индивидуальная черта языка всех работ В. И. Ленина ярче всего проявляется в произведениях полемического характера.

К их числу относится работа «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905 г.), где дается критический анализ тактики меньшевиков и позиций представителей других политических направлений и обосновывается тактика большевиков в период первой буржуазно-демократической революции в России.

При исследовании языковых средств этого произведения В. И. Ленина, в том числе и выразительных, необходимо учитывать как теоретический характер его содержания, так и полемический характер его изложения.

Выразительность текста «Двух тактик» достигается самыми разнообразными приемами и средствами.

Использование эмоционально-оценочных и экспрессивно-окрашенных слов: с одной стороны, высокая лексика (благоденствие, владыка, дарование (процесс), всуе, паки и т. п.) и, с другой — сниженная, то есть слова разговорные, разговорно-просторечные, бранные (пугало, прихвостень, расшаркиваться, болтовня, болтун, вилять, дряга, напялить, посулить, ублюдок и т. п.). «Это будет тоже „буржуазная революция“, только выкидыш, недоносок, ублюдок» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 11, с. 46. Далее в скобках будут указаны только страницы). «Франкфуртские болтуны демократической буржуазии — незабвенный исторический образчик такого предательства или такого резонерского тупоумия» (с. 59).

В этих словах эмоциональность содержится в самом их лексическом значении и их стилистической заданности. На фоне общеупотребительной и общественно-политической лексики, составляющей словарное ядро этого произведения, таких слов в целом немного, но тем они заметнее и ярче как средство выразительности, отрицательной экспрессии, необходимой автору в полемике с идейными противниками.

Многие из них представляют собой стилистические синонимы к нейтральным словам. Они имеют экспрессивную окраску и передают тончайшие оттенки авторского отношения: говорить, заявлять, объясняться, болтать, жевать, фразерствовать, разглагольствовать, гласить; идти, волочиться, тащиться в хвосте; разъяснить, объяснить, истолковать, пояснить, разжевать; надеть, напялить; договориться, столкнуться; умереть, околоть; знать, ведать; если, коли; то есть, то бишь и др.

Эффективным средством выразительности текста являются разные виды переноса значения, образно-метафорические значения слов: *этот чудовищный карлик*; *истинно светский лакей* (о Струве); *последовательный выразитель взглядов «болота», гина полукрепостничества*; **...вы так же бессознательно лезли все время и залезли теперь в болото...»; Термин... «превращается в подобных*

случаях в пустую и вредную мишуру, в погремушку» (69) и др.

Слова с неодобительно-оценочным значением часто у В. И. Ленина выступают как основа для острых перифрастических (описательных) выражений. Таких экспрессивно-окрашенных описательных наименований-характеристик в работе встречается много. Приведем только выражения, представляющие собой меткие образные политические характеристики освобожденцев и меньшевиков: *господа освобожденцы, русские Тьеры, освобожденские герои денежного мешка, прирожденные торгаши, наши поклонники Мартынова, интеллигентски-оппортунистическое крыло партии, рыцари, виртуозы филистерства, эпигоны «экономизма», хвостисты социал-демократии, жирондисты современной русской социал-демократии, умники, уважающие своей близорукостью.*

Своеобразна и значительна в создании выразительности текста роль фразеологизмов, крылатых слов, пословиц, поговорок. Характерной особенностью является то, что В. И. Ленин употребляет их в трансформированном виде, органически включая в содержательную ткань своей фразы. Это приближает смысл афоризма к конкретной характеристике лица, события, факта, не снижая его изначальной остроты и яркости.

«Делить шкуру неубитого медведя». Этот афоризм послужил основой для целого полемического суждения о позиции Каутского и немецкой социал-демократии, в котором неоднократно повторяются фрагменты этого афоризма с указанием на конкретные и реальные события.

«И хотя Каутский, например, пробует теперь иронизировать, что наши споры о временном революционном правительстве похожи на дележ шкуры еще не убитого медведя, но эта ирония показывает лишь, как даже умные и революционные социал-демократы попадают впросак, когда говорят о том, что известно им только понаслышке. Немецкая социал-демократия еще не слишком близка к тому, чтобы убить медведя (совершить социалистический переворот), но спор о том, „смеем“ ли мы убивать его, имел громадное принципиальное и практически-политическое значение. Русские социал-демократы не слишком близки еще к тому, чтобы быть в силах „убить своего медведя“ (совершить демократический переворот), но вопрос о том, „смеем“ ли мы убивать его, имеет для всего будущего»

России и для будущего русской социал-демократии крайне серьезное значение» (с. 98—99).

Среди разнообразных синтаксических приемов создания экспрессивности большую роль играют повторы. С их помощью подчеркивается та или иная ключевая мысль, к которой необходимо привлечь внимание читателя.

«В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс *безусловно заинтересован* поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма. Рабочему классу *безусловно выгодно* устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма» (с. 37).

С этой же целью в работе используется и повторение одинаковых или однокоренных слов, как правило, оценочных по своему значению. «Пугают... пугалом „якобинизма“»; «...говоря незабвенными словами незабвенной статьи Петра Струве»; «Тогда кончится дело куцей конституцией или даже — на худой из худых концов — пародией на нее»; «басня о сближении... остается басней».

Одним и тем же словом начинаются рядом стоящие предложения, как правило, построенные по принципу синтаксического параллелизма, имеющие одинаковый ритмико-интонационный рисунок. «У нас не старая, а новая программа... У нас новый лозунг... У нас будут... и новые способы действия» (с. 48). Чаще прием единоначатия (анафоры) характерен для цепи вопросительных или восклицательных предложений. «Значит ли это изобличать правительство...? Значит ли это вотировать против правительства...? Значит ли это отказывать правительству...?» (с. 66); «Освобожденцы... освобожденцы начинают говорить от имени революции! Освобожденцы начинают уверять, что они „не боятся революции“...!!! Освобожденцы выражают претензию „стать во главе революции“!!!» (с. 117).

Тексты, насыщенные повторами, анафорами, вопросами (чаще риторическими), восклицаниями, отличаются ритмичной напряженностью, особой ударностью звучания и эмоционально воздействуют на читателя.

Для разоблачения идейных противников В. И. Ленин широко использовал образные развернутые сравнения: «Ведь это уже прямо вроде знаменитого порошка против мух: поймать муху, посыпать на нее, и околеет» (с. 53).

Следующее предложение, раскрывающее скрытый в сравнении смысл, построено по принципу синтаксического параллелизма, по той схеме, что и вторая часть сравнения: «Разъединить силой депутатов Земского собора, „отстранить консерваторов от правительства“ — и *весь* Земский собор встанет на *революционный путь*... Без всякого „якобинского“ вооруженного восстания, а так себе, благородно, почти по-парламентски, „воздействуя“ на *членов Земского собора*».

Затем опять следует развернутое неожиданное сравнение: «Бедная Россия! Про нее говорили, что она всегда носит старомодные и выкинутые Европой шляпки. Парламента еще у нас нет, его даже и Булыгин не посулил, а парламентского кретинизма сколько угодно» (с. 53).

Необходимо отметить наличие в синтаксисе работы «Две тактики социал-демократии в демократической революции» большого количества разговорных элементов — вопросо-ответный прием изложения, вводные слова и вставные конструкции, обращения, применение особых, индивидуально-авторских знаков препинания, передающих чувство и настроение.

Вставные конструкции выражают меткие, эмоционально насыщенные ленинские оценки, проницательные замечания, непосредственное обращение к читателю.

«Разве тот самый г. Струве, идеально-умеренный и аккуратный г. Струве, не говорит (увы, только говорит, чтобы отговориться!) о том, что „открытый характер революционных действий“ (вот мы как нынче!) „в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы“?» (с. 60—61). «А другая резолюция, так сказать, истекает в многоречивых описаниях этого первого шага и (простите за вульгарное выражение) сосет мысли по поводу него» (с. 27).

Многочисленные вставки, сопровождающие цитаты или изложение взглядов теоретических противников, — один из излюбленных ленинских приемов. Нередко они содержат яркую и гневную иронию. Таков характер вставок в скобках на резолюции кавказской конференции новоискровцев: «„Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления“ (ну, конечно! Надо бы добавить: для мартыновского углубления!) „социал-демократического сознания пролетариата“ (только для углубления сознания, а не для завоевания респуб-

лики? Какое „глубокое“ понимание революции!)» (с. 88) и т. д.

Чувство и настроение, эмоционально-экспрессивные оттенки в письменной речи передаются и с помощью знаков препинания: многоточия, многочисленных вопросительных и восклицательных знаков, кавычек, скобок, тире. Эти знаки, особенно в индивидуально-авторском использовании их, не только выразительны, но и содержательно значимы. Иногда даже представляется, что текст способен передать внешнюю динамику речи, типичные ленинские жесты-призывы. Многоточие заставляет остановиться читателя, готовит его к главной мысли, которую хочет высказать автор: «Разве не видим мы здесь воочию, как бедный тифлисец окончательно сбит с толку резонерски-хвостистским толкованием понятия: „буржуазная революция?“. Он обсуждает вопрос о возможной изолированности пролетариата в демократическом перевороте и *забывает... забывает о мелочи... о крестьянстве!*» (с. 51).

Знаки вопроса, поставленные вместо запятых, передают взволнованность речи автора. «Почему мы должны непременно ждать этого учредительного собрания? станет ли оно на деле учредительным? прочно ли оно будет без предварительного и одновременного учреждения революционных крестьянских комитетов? — все эти вопросы упущены из виду конференцией» (с. 79).

Текст работы «Две тактики социал-демократии в демократической революции» настолько выразителен и эмоционален, что, читая его, мы слышим и видим живого Ленина.

В. П. ДАНИЛЕНКО
Е. Л. ЛИЛЕЕВА

Великий оратор и публицист Ленин употреблял сплошь да рядом насмешку, иронию, придавая сатирический характер своей аргументации. Это тоже художественный прием. Он имеет свою чисто художественную убедительность.

Только тогда, когда речь оратора или революционная агитация являются уже художественным произведением, когда туда вложено что-то от человеческого творчества и трепета нервов, тогда это заражает, а когда заражает — оставляет след...

А. В. Луначарский

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ

По повести К. Г. Паустовского
«Кара-Бугаз»

Константин Георгиевич Паустовский писал, что хотел показать в своей повести не только строительство новой жизни, но (что очень важно) и человека — ее создателя.

Композиционно произведение построено так, что почти каждая глава представляет собой микрорассказ, а многие из них в свою очередь имеют «вставные рассказы». Интересны устные рассказы Бекмета — в прошлом бродячего певца, а теперь десятника, участника строительства комбината в Кара-Бугазе. Показательно, что рассказы появляются в главе, где впервые наглядно показано преобразование пустыни, впервые выведены образы рабочих-туркмен.

Уже с начала главы определяются и получают развитие тема старого и тема нового. Первую тему характеризует лексика, отражающая привычную, понятную туркменам жизнь: кибитки, пшала, арба, арбакеш, аллах, кулаз (плоскодонная лодка), пендинка, решта (названия болезней), кассак («веселящее дерево»). Но в эту старую жизнь вторгается жизнь новая, подчас требующая объяснений: паровой катер, сборочные машины, автомобиль, железная дорога. Человек (инженеры, большевики, ударники), а не аллах преобразует и изменяет пустыню. Вместо кибиток и кочевых стоянок здесь появляются дома, города и заводы.

Остановимся коротко на первом рассказе Бекмета, который вспоминает о паломничестве в Мекку. Этот рассказ максимально приближен к сознанию и восприятию туркмен. В нем Бекмет про-

тиво-поставляет понятия *аллах* и *человек*. Придуманное аллахом ведет к преступлению, ко лжи, созданное же человеком украшает и обогащает жизнь.

Во втором рассказе Бекмета — легенде о Ленине, раскрывается источник преобразования жизни туркмен — Советская власть, партия, Ленин. Легенда композиционно подготовлена всем ходом повествования.

Начала легенды о Ленине читатель не знает, так как Бекмет уже рассказывает ее, когда к собравшимся на первое собрание туркменам подходит заведующая женотделом Бариль: «...Говорит он Файреддину: „Вот люди хвалятся тучной пшеницей и сладким виноградом, кожами и мягкой шерстью, высокими лесами и жирной рыбой. А чем богат твой край?“ Файреддин молчит. Ленин опять говорит: „Вот приехали все на съезд в Москву и рассказывают каждый про свое, а ты один молчишь. Скажи свое слово, друг, не пугайся. Чем живете вы в вашем краю, чего ждете от времени?“».

Речь Ленина в передаче Бекмета строится Паустовским со свойственной ему ориентацией на «литературность». Предельная правильность синтаксических конструкций, отсутствие искажения или упрощения русского языка характеризуют начало легенды, несмотря на то, что речь Ленина передается туркменом на родном языке.

В повествовании Бекмета употребляются такие признаки предметов, как *тучная, сладкий, мягкая, высокие, жирная*, которые прямо антонимичны его предшествовавшему повествованию: *сожженные солнцем, удушливая пыль, самумы соли, едкая пыль, жаркие ветры, плохие травы, невыносимый пожар*. Возможно, при передаче речи Ленина самим Паустовским появились бы какие-то характерные ленинские слова и обороты.

Второй абзац воспроизводит ответ Файреддина: «Заплакал Файреддин: „Товарищ, что могу я сказать, старый туркмен из рода Абдалла, перед всеми вами? Чего мы ждем от времени, когда время ворует у нас последнюю воду из колодцев и засыпает песком вчерашние виноградники? Я из страны, что называется Усть-Курт и еще Кара-Кум. Богаты мы нищетой и жаждой, песком и солью. Ты думаешь, иолдаш, о счастье бедняков, а мы думаем о воде. Но нет воды! Аллах иссушил нашу землю на десять локтей в глубину, и даже дождь высыхает, не успевая достигнуть земли. Реки текут под песками, но вода в них горькая, как кожа персидского апельсина. Что делать, товарищ? Книзу все земли заняты, кверху все

земли заняты, и нет нам места на земле. Ты велик, и ты могуществен. Ты большой человек, у тебя чуткое ухо и острый глаз,— но чем ты можешь помочь нам, туркменам? Потому я и молчу на великом съезде“».

Организация Паустовским речи Ленина и речи Файреддина объединяется одинаковым синтаксическим строением, эпической плавностью. Однако, объединяясь внешним языковым строением, эти две речи различаются характером образности. Специфика восточного «колорита», пышность восточной образности свойственна речи Файреддина. Достигается она характерным набором понятий (колодцы, пески, соль, вода) и образных сравнений и определений (время ворует последнюю воду и засыпает песком виноградники, аллах иссушил землю на десять локтей в глубину, дождь высыхает, вода горькая, как кожа персидского апельсина, нет нам места на земле, ты велик, чуткое ухо и острый глаз, великий съезд). На прямые вопросы Ленина Файреддин дает иносказательные ответы. В них олицетворяются абстрактные понятия.

В ответах Файреддина пустыня и человек объединяются: «А чем богат твой край?» — «Богаты мы нищетой и жаждой, песком и солью».

Трудно предполагать в них изменение к новому, переосмысление старого, по-прежнему его речи свойственны слова и обороты, истари привычные его народу: «Тогда Ленин засмеялся и ответил старому Файреддину: „Чего не может аллах и не может Тимур, то могут сделать большевики, Файреддин“».

Файреддин покачал головой.

„Если ты идешь с горбатым,— ответил он,— то не вытягивайся во весь рост, чтобы горб его не бросался людям в глаза. Если ты говоришь с человеком из Кара-Кума, то не смейся над ним и не обещаешь невозможного“.

Так ответил Файреддин и ушел раздосадованный».

Противопоставление *аллах* — человек, намеченное в первом рассказе Бекмета, получает развитие в легенде: *аллах* — *большевик*.

На вопрос Ленина *Чем богаты вы в вашем краю?* Файреддин не может ответить правильно, ибо не знает еще, что соль, которой так богата его страна,— это сульфат, мирабилит. Из него можно делать великолепный прозрачный камень — стекло.

Вопрос об использовании богатства Кара-Бугаза был поставлен Лениным уже в 1918 году в «Очередных задачах Советской власти»: «Российская Советская республика находится постольку

в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 36, с. 188). В 1921 году Ленин вновь обращается к проблеме разработки богатств Карабугаза.

В последующей части легенды происходят постепенные изменения в сознании Файреддина, он переосмысливает старое, что опять-таки отражено в лексике: «Но чудо совершилось. К осени дошел до кибитки Файреддина слух, что в Хорезм приехало много инженеров, пришли машины, похожие на железных верблюдов, из лодок выгружают цемент, и большевики хотят пустить воду в иссохшее от тысячелетий древнее ложе Аму-Дарьи, называемое Узбой...».

Наряду с традиционными образами (иссохшее от тысячелетий древнее ложе) в легенде Бекмета впервые появляются понятия, отражающие новую жизнь (инженеры, большевики, машины, цемент). Очень важно, что именно в повествовании Файреддина находит отражение то противопоставление старого и нового, которое характерно для всей главы и для всего произведения.

Последняя часть легенды знаменательна. «И вот взошел день великого торжества. Светлая вода из Аму хлынула в Узбой, и песок не украл ни одного ведра ее.

Через ряд лет пески зарастут хлопком и виноградом, карагачами и инжиром. Нищая страна, сухая, как язык пса, издохшего от жажды, будет пить воду, как люди пьют вино.

Файреддин зарезал барана, угощал всех, плакал и подарил маленьким детям на забаву свою зеленую чалму, купленную в Мекке, где Файреддин пролил свою слезу на черный камень пророка. И теперь старый Файреддин служит распределителем воды на новом канале и ходит гордый, как верблюд».

Новое окончательно побеждает: выстроен канал в безводной пустыне, изменился и сам человек.

Под руководством большевиков люди, поверившие в будущее, победили мертвые пески. Они выстроили города и заводы, развели сады, к ним пришла новая, счастливая жизнь.

Г. Д. АХМЕТОВА

«КУПРИНСКАЯ» МАНЕРА ПИСЬМА

Александр Иванович Куприн — замечательный русский писатель, творчество которого отличаются удивительное богатство языка, тонкость и пластическая сила художественных описаний. По словам М. Горького, язык его «ясен и классически правилен»: художник использует огромные возможности русской общенародной речи для создания запоминающихся образов и картин. Мы узнаем «купринскую» манеру письма, его слог так же, как узнаем слог И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького.

А. И. Куприн, подобно И. С. Тургеневу, был певцом горячо любимой им русской природы. Природа у него, по словам В. Воровского, — «не фон, усиливающий настроение картины, как в рассказах М. Горького, а самостоятельный деятель рассказа». Действительно, многие его пейзажи одушевлены: в природе как бы присутствует живая человеческая душа, родная и близкая героям произведения. Вот как воспринимает природу Ромашов, главный герой повести «Поединок»: «Ночь была полна глубокой тишиной, и темнота ее казалась бархатной и теплой. Но тайная творческая жизнь чувствовала в бессонном воздухе. Ромашов шел, не видя дороги, и ему все представлялось, что вот кто-то могучий, властный и ласковый дохнет ему в лицо жарким дыханием». В «Поединке» все время вместе с героями то «кроткое весеннее небо», то «чуткая, крадущаяся тишина», то «внимательные, притихшие деревья», то «невинная прелесть утра, улыбающегося спросонок».

У словесных пейзажей А. И. Куприна есть одна очень важная особенность — их поразительная живописность. Писатель как бы специально подчеркивает связь своих картин природы с произведениями изобразительного искусства, так что они действуют и на зрительное восприятие. Вот, например, описание вечернего неба в рассказе «Лесная глушь»: «Теплый безветренный день угас. Только далеко на горизонте, в

том месте, где зашло солнце, небо еще рдело багровыми полосами, точно оно было вымазано широкими ударами огромной кисти, омоченной в кровь. На этом странном и грозном фоне зубчатая стена казенного хвойного леса отчетливо рисовалась грубым темным силуэтом, а кое-где торчавшие над ней прозрачные круглые верхушки голых берез, казалось, были нарисованы на небе легкими штрихами нежной зеленоватой туши».

Писатель использует в своих пейзажах даже лексикон художников, говоря о «горячих», «холодных» и «теплых» тонах, о «сочных», «густых», «ярких» и «нежных» красках, о «пятнах чрезвычайно яркого небесно-голубого цвета, какого нет в распоряжении художника» (Листригоны).

Своеобразная живописность, «зрительность» купринских пейзажей создается в результате насыщения их цветовыми деталями, причем слова-цветообозначения используются в формах, передающих неполноту признака, и читатель любит мягкими, нежными пастельными красками: «В том месте, где закатилось солнце, осталась неясная длинная розовая полоса, незаметно переходившая паверху в нежный голубоватый оттенок вечернего неба, а внизу в тяжелую сизоватую мглу, поднимавшуюся от земли» (Одиночество). Однако пейзажи Куприна — это не только буйство красок, насыщенность колорита, но в то же время тончайшая игра оттенков, фиксирование мельчайших подробностей в состоянии природы. Для этого он использует, кроме собственно «цветовой» лексики, лексику «световую» (светлый, темнеть, мгла, прозрачный, засверкать, сияние, блестеть и т. п.), а также глаголы «горения» (вспыхнуть, пылать, догорать, тлеть, пламенеть, зажигаться), глаголы изменения состояния (плавиться, переливаться, сгущаться, играть, дрожать, вылинять) и самые различные существительные, обозначающие предметы со стойкими цветовыми признаками (кровь, солома, песок, молоко, небо, бирюза, медь, золото, серебро и т. п.): «На западе за городом горела заря. Точно в жерло раскаленного, пылающего жидким золотом вулкана сваливались тяжелые сизые облака и рдели кроваво-красными, и янтарными, и фиолетовыми огнями. А над вулканом поднималось куполом вверх, зеленея бирюзой и аквамарином, кроткое вечернее весеннее небо» (Поединок). Именно поэтому так выразительны и зримы картины природы в произведениях А. И. Куприна, именно поэтому столь непоэтичными оказываются купринские пейзажи.

Произведения А. И. Куприна отличаются тонким лиризмом и проникновенностью. Удивительно чисты, и в то же время жизненно достоверны произведения, посвященные вечному и животворному чувству любви. Это «Олеся» и «Гранатовый браслет», «Сулamiфь» и «Колесо времени». Многие строки Куприна о любви

полны истинного драматизма и гуманного пафоса и звучат как афоризмы: «Любовь крылата!» (Колесо времени), «Любовь должна быть трагедией, величайшей тайной в мире» (Гранатовый браслет), «Любовь имеет свои вершины, доступные лишь единицам из миллионов» (Поединок).

Живописность, лиричность и романтическая взволнованность описаний — лишь одна сторона дарования А. И. Куприна. Он был и мастером художественной типизации, реалистического изображения быта, разоблачающей сатиры. Все это с особой силой проявилось в наиболее зрелом произведении Куприна — повести «Поединок». «Поединок» был напечатан в 1905 году в горьковском сборнике «Знание» и был посвящен М. Горькому. «Повесть для меня составляет мой главный девятый вал, мой последний экзамен», — писал о ней Куприн. Этот экзамен писатель выдержал блестяще. Повесть содержит суровую критику русского военного сословия, ограниченности офицерства, его оторванности от жизни и общественной борьбы. После поражения царской армии в русско-японской войне «Поединок» прозвучал как гневное разоблачение гнилости царизма.

Куприн населяет свою небольшую по размерам повесть множеством персонажей, прежде всего, офицеров, солдат, «полковых дам», показывая и своеобразную общность их и в то же время наделяя каждого индивидуальными свойствами живых, узнаваемых людей. Как же это удастся автору? Писатель дает меткие сатирические характеристики героям, уподобляя их различным и в то же время в чем-то сходным между собой животным. Вот как обрисованы Куприным офицеры: у поручика Николаева — «большие, темные, *воловь* глаза», у штабс-капитана Лещенко — «грустные и преданные *собачьи* глаза», капитан Слива похож «на большую старую скучную *обезьяну*», поручик Андрусевич — «маленький бойкий человек с острым *крысиным* личиком», у капитана Петерсона — «что-то скверное, низменное, *змеиное* в улыбке». Это — лишь отдельные «мазки» в характеристиках, но и они уже настораживают, так как в ряде случаев соединяются с эпитетами явно оценочными, не оставляющими сомнений в отрицательной авторской позиции. Сюда же примыкают яркие метафорические штрихи: поручик Епифанов во время танца «прыгал *козлом*», а поручик Олизар в ответ на двусмысленное замечание одной из дам не засмеялся, а «коротко и неопределенно *заржал*».

Еще более определенны развернутые характеристики некоторых офицеров. Поручик Бек-Агамалов, красивый, бесстрашный кавказец, «с широко раскрытыми злобными глазами, с горбатым носом и с оскаленными зубами, был *похож на какую-то хищную, злую и гордую птицу*»; во время драки он «ревел, как *взбесивший-*

ся зверь», а собираясь разорвать пашкой чучело во время учебных занятий, он «сжегивался и вбирал в себя шею, как зверь, готовый сделать прыжок». Столь же односторонненна и характеристика наиболее яркого сторонника жестокой палочной дисциплины и ревнителя беспринципной офицерской «чести» капитана Осадчего: Куприн подчеркивает его «львиный крик», его «рыкающий бас». А Ромашову всегда чудилось в его прекрасном сумрачном лице «...что-то напряженное, сдержанное и жестокое, что-то присущее не человеку, а огромному, сильному зверю».

И даже Ромашов, чистый, нежный юноша, протестующий против бесчеловечности армейских порядков, которому отданы в повести симпатии автора и который в конце концов погибает в столкновении с этим миром людей-зверей, даже он во время драки с Николаевым теряет человеческий облик: «С противным, звериным воем ринулся он на Николаева. Они рвали, комкали и тискали друг друга, рыча и задыхаясь». А после драки офицеры боятся прочесть в глазах друг друга свою собственную тоску и вину — «ужас и тоску *маленьких, злых и грязных животных*, темный разум которых вдруг засветился ярким человеческим сознанием». Армейская действительность такова, что даже лучших она затягивает, калечит, лишает человеческих качеств. Эта линия людей-зверей в характеристике офицеров особенно четко и последовательно выступает в тех общих оценках, которые устами Назанского автор «Поединка» дает всей касте военных: «А мы, надувшись, как *индейские петухи*, только хлопаем глазами и надменно болбочем: „Что? Где? Молчать! Бунт! Застрелю!“ И вот этого-то *индюшачье* презрения к свободе человеческого духа нам не простят во веки веков». Куприн не делает никаких исключений, говоря, что все, даже, казалось бы, вне армии хорошие люди, офицеры «на службе делаются *низменными, трусливыми, злыми, глупыми зверюшками*».

Подобные характеристики заставляют читателя увидеть бесчеловечность озверевших «бурбогов», их грубость, бесчувственность.

Другая линия в раскрытии той же бесчеловечности и бесчувственности — уподобление людей вещам. Вот длинный, как жердь, поручик Олизар, у него прямые ноги, «точно *пожки циркуля*», и вообще он весь какой-то неестественный — «длинный, тонкий, прилизанный, напوماженный — *молодой старик*, с голым, но морщинистым, хлыщеватым лицом». Даже оксюморон потребовался Куприну — «молодой старик», чтобы подчеркнуть особую неестественность этого человека. Бесчувственность, неспособность проявить человеческие качества — основное в характеристике председателя офицерского суда чести подполковника Мигунова: говорит он «де-

рвяншим тоном», он «равнодушен, точно каменный»; «равнодушный», «деревянный», «каменный» — все это синонимы «бесчувственного».

Однако дальше всего пошел Куприн в развитии линии античеловеческого в человеке, изображая одного из главных врагов Ромашова — капитана Петерсона. Это — «худой, чахоточный человек с лысым желтым черепом и черными глазами», с «синими, облипшими вокруг рта губами», даже руки у него «желтые, костлявые, с длинными, мертвыми пальцами и синими ногтями». Если Олизар — *молодой старик*, то Петерсон — *человек-мертвец*. Портрет заострен откровенно антиэстетически.

Та же тема продолжается и в женских образах «Поединка». Например, мадам Тальман: она «*похожа* на большую нарядную куклу», а танцует — «с величавым спокойствием *каменного монумента*», кроме того — она «толстая, нежная, *рассыпчатая блондинка*». Особенно показателен эпитет «*рассыпчатая*». Если вспомнить, что дочь одного из офицеров названа «розовой, свежей, *вкусной*», а у жены полковника Шульговича «лицо производило такое впечатление, как будто его наспех, боком, *выпекли из теста*, воткнув изюминки вместо глаз», то так и кажется, что речь идет не о женщинах, а об изделиях из теста.

По-иному показана неестественность Раисы Петерсон, злобной, коварной, хитрой мещанки, она манерна, все у нее напоказ, все наиграно. «Актриса!» — думает о ней Ромашов. И действительно, она не говорит, а вещает — «с преувеличенным театральным сарказмом», «с напускным чувством», «с певучей томностью», вычурным «насморочным» голосом — «как будто у нее хронический насморк или полип в носу». И даже Шурочка, идеальная любовь Ромашова, его «голубая радость», жена поручика Николаева, которую Куприн ни разу не называет «полковой дамой», даже она во время последнего свидания с Ромашовым превращается в бесчувственный манекен, в марионетку, предавшую свою любовь и расчетливо подготовившую убийство любимого человека. Вот как показывает ее Куприн, когда Ромашов видит Шурочку в последний раз в своей жизни: «Ромашов видел, как и тогда в роце, что лицо Шурочки светится странным белым светом, *словно лицо мраморной статуи*».

Линия обреченности человеческого в человеке в условиях царской армии и — шире — всей российской действительности прослеживается и в образах солдат в «Поединке». Куприн, изображая солдат, постоянно подчеркивает их забитость, обезличенность, приниженность, они лишены обычных качеств нормальных, живых, естественных людей. У солдат «*серые, однообразные лица*»; Ромашов вспоминает, что когда эту «*серую скотинку*» «*пригнали*» в

полк, у всех у них были разные лица, а теперь они стоят перед офицерами — «длинной, мертвой шеренгой, серые, деревянные, обезличенные,— солдаты». В «Поединке» почти не слышно живых и разнообразных голосов солдат: если они говорят, то одинаковым «деревянным, сдавленным, бессмысленным криком», даже в их пляске и пении — «что-то деревянное, мертвое, от чего хотелось плакать».

И отдельные солдаты показаны отупевшими, забытыми, плохо соображающими, они, как манекены. Солдат Хлебников — потрясающей силы образ у Куприна! Это «жалкий, заморенный человек, почти карлик», у него «грязное безусое лицо в кулачок» и «бессмысленные глаза, в которых как будто раз навсегда, с самого рождения, застыл тупой, покорный ужас». На занятиях он не может выполнить простое гимнастическое упражнение и беспомощно висит на перекладине, «безобразный, неуклюжий, точно удавленник». Своим видом он напоминает «голодную, опаршивевшую, много битую собаку, пугливо отскакивающую от руки, протянутой с лаской». Ромашов с ужасом чувствует, что никто вокруг не видит, что «сотни серых Хлебниковых с их однообразно-покорными и обессмысленными лицами» — на самом деле живые люди, во всяком случае, должны быть таковыми. В представлении всех офицеров солдаты — лишь «механические величины, называемые ротой, батальоном, полком».

Итак, люди-мертвецы, молодые старики, солдаты — «серая скотинка» и «механические величины», женщины — куклы, актрисы, изделия из теста, люди-животные, люди-звери — вот «герои» «Поединка». Нельзя было сильнее показать процесс разрушения человеческой личности в условиях российской действительности. Куприн нашел для выражения самые, казалось бы, простые и в то же время верные и действенные языковые средства: он использовал их так, что именно они обусловили обличительную силу и разоблачающую правду повести.

Мы показали лишь некоторые особенности мастерства А. И. Куприна, связанные как с лирико-романтическим, так и с сатирически-реалистическим направлением его творчества. Но и это немного позволяет понять, почему Куприн до сих пор остается одним из самых «читаемых» представителей русской классической литературы. Не случайно К. И. Чуковский считал Куприна замечательным русским писателем, «поднявшимся в своем бесмертном «Поединке» и в некоторых других произведениях до тех высот мастерства, изобразительной мощи и гуманного пафоса, какие доступны лишь великим талантам».

Л. А. КАЧАЕВА
Рисунок Ю. Космынина

«ЗВЕНИ, ЗВЕНИ,

Россия — самая большая лирическая тема поэзии С. Есенина. Так, в «Отчете слове» поэт писал: «Моя лирика жива одной большой любовью к родине. Чувство родины — основное в моем творчестве». Глубина и многогранность чувства родины определили и характер ее изображения. Есенин считал поэзию особым видом искусства, который с наибольшей силой способен управлять чувствами и действиями людей, ибо только в словах и звуках можно передать всю глубину ощущений самого поэта. Поэтому, создавая образ родины, он сознательно отбирает такие средства словесной художественной образительности, которые бы воздействовали на самые глубокие эмоции читателя. Поэт сплетает его из изумрудных трав, белой черемухи, яблоневого цвета и багряной метели осенних листьев, алых зорь и пушистого серебра снежинок. Все это просвечивается синевой рязанского, русского неба и золотом поспевающей ржи, освещено то яркими лучами солнца, то бледным сиянием луны.

С образом родины, сотканным из цвета и света, у Есенина гармонически сливается ее звуковой образ. Это своего рода феномен, поэтическое открытие Есенина. В стихах поэта он чрезвычайно сложен и полифоничен по своей структуре, и реалистичен в своей основе. В нем отразился огромный мир звуков в их самых тончайших оттенках, начиная от грохочущего грома, силой которого «чашка неба расколота» и кончая подводным голоском мелкой рыбки, «сплеснувшей на песок». Приемы и способы построения этого образа в стихах Есенина очень разнообразны, поражают изяществом звукового рисунка и смелостью переплетения его отдельных компонентов. Большая часть звуков названы словами. Это визг метели и птичий гомон и

ЗЛАТАЯ РУСЬ...»

щебетня, запоздалый окрик уток, дробь копыт и стук колес, горластый мужицкий галдеж и дремная песня рыбаков. В его стихах отчетливо слышим, как «вьюга с ревом бешеным стучит по ставням свешенным» и «тенькает синица меж лесных кудрей», как «в тихий вечерний час колокол бьет семь раз» и «девочку — крошку байкает мать».

Есенин не просто называет звуки: он нарочито сгущает их названия как в отдельных текстах, так и по всем произведениям в целом. Звуковые образы почти непрерывно поступают в сознание читателя, а сами названия непосредственно служат реализации художественного замысла автора.

Поэт очень часто пользуется метонимией, то есть дает название не звука, а предмета, для которого он характерен: «За окном гармоника и сиянье месяца» (Песня). Явно, что здесь речь идет не о гармонике как инструменте, а о ее музыке. В других текстах этот звук получает конкретную характеристику:

Ах, не с того ли за селом

Так плачет жалостно гармоника:

Таля-ля-ля, тили-ли-гом...

Сорокоуст

Нередко метонимия осложняется метафорой и тогда передает характер движения и звучания предмета. Например, в стихотворении «Гори, звезда моя, не падай...» звук падения осенних листьев и само падение переданы словом **п л а ч е т**:

И золотеющая осень,

В березах убавляя сок,

За всех, кого любил и бросил,

Листовою плачет на песок.

Многообразие звуков, составляющее поэтический образ России, художественно организовано в стройную композицию, части которой внешне соотношены с временами года. Это ярче всего обнаруживается в их образно-эмоциональном противопоставлении. Весной и летом звуки громкие, ликующие, радостные: «В благовесте ветра хмельная весна», «И с хором птичьего молебна поют им гимн колокола»; осенью они печально меркнут: «По-осеннему кычет сова, по-осеннему шепчут листья», «Лес застыл без печали и шума»; становятся в непогоду пронзительно тоскующими: «Листья падают, листья падают. Стонет ветер, протяжен и глух».

Эмоциональная окрашенность звуковых образов усиливается за счет того, что автор свои личные чувства и переживания непосредственно связывает с их тональностью. По словам известного французского художника XIX века Эжена Делакруа, «создать композицию — это значит соединить элементы уже знакомых предметов с другими элементами, принадлежащими внутреннему миру самого художника». Со звуками весны Есенин связывает юношескую свежесть восприятия, молодое «половодье чувств», творческий подъем: «В душе поет весна», «Пой песню, поэт, пой. Ситец неба такой голубой». Горечь утраты, душевная усталость и разочарование находят свое выражение в печальных звуках осени, ненастья:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен!
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем...

Черный человек

Для поэзии Есенина все же более характерны ноты светлой грусти: слишком уж он любил эту землю, людей — все, «что душу облекает в плоть». Два чувства — радость и

грусть — прошли лейтмотивом через всю его поэзию, и она осознается читателем как огромная музыкально-поэтическая симфония с грустью-радостной тональностью.

Так, наиболее ярким воплощением «минорно звучащих мажоров» в стихах Есенина явилось изображение звона. Среди безбрежного моря звуков он выступает как музыкальная доминанта, объединяя их в одно целое определенным настроением. Им пронизаны и природа, и жизнь людей: «Звонкое эхо кричит в синеву», «Под окном от скользких ветел перепелли звоны ветра», «И отзванивают в четки ивы, скромные монашки», «Поет зима — аукает, мохнатый лес баюкает стозвоном сосняка», «Еду. Тихо. Слышны звоны под копытом на снегу» и другие. Кажется, что в стихах Есенина звенит вся Русь: «Звенят родные степи молитвословным ковылем». Поэтому и в думах о родине поэту все слышится «тихий раскованный звон».

Поэт то переводит его в предметно-ощущаемую материю: «Все резче звон, прилипший на копытах, то тонет в воздухе, то липнет на ракетах», то, наоборот, материальное растворяет в этом звуке: «Молочный дым качает ветром села, но ветра нет, есть только легкий звон». Иногда этот звук сближается с восприятием прохлады и влажности: «Приятная хладная звень», «Звенит капель росы холодной и целительной». Часто в поэтическом тексте Есенин сближает звон с цветом, больше всего с голубым или синим: «И звенит голубая звезда», «Не белы снега по-над Доном заматали степь синим звоном».

И как итог всех сложных поэтических ассоциаций обрисовывается образ России, в котором органически сливается и цвет, и звук, как символы:

Звени, звени, золотая Русь...

А. Т. КУНГУРОВА
Рисунки Б. Захарова

фразеологизмы в поэзии

В современной поэзии довольно часто встречаются различные фразеологизмы (устойчивые сочетания). Одно и то же сочетание в зависимости от контекста может одновременно восприниматься и в переносном, и в прямом значениях. Два значения иногда приобретает в стихотворении и один из элементов этого сочетания.

Наиболее распространено в современной поэзии первое из указанных явлений, когда в тексте стихотворения создается «возможность как бы двойного его [фразеологизма] восприятия, то есть одновременно и в значении составляемого им целого, и в индивидуальном значении каждой составной части». (Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. М., СП, 1943, с. 103). При таком употреблении фразеологизма становится прозрачным образ, лежащий в основе значения сочетания, его внутренняя форма.

Так, интересно употреблен фразеологизм *ради Христа* (*подайте* — при обращении за милостыней) в стихотворении О. Фокиной «Я помню соседей по тем временам...»:

Идти по деревне куски собирать
Мы сами решили: страшно умирать.
И шли, и просили — не Ради Христа. (...)
Я криком кричала, молчанье храня:
— Подайте, коль можете, ради меня!
И ради братишек, таких же, как я! —

Здесь обнажению внутренней формы фразеологизма способствует его параллельное употребление с грамматически аналогичными свободными сочетаниями *ради меня*, *ради братишек*, переключкой с которыми и оправдана его инверсионная форма (ср. более привычную форму *Христа ради*).

Устойчивое сочетание *взять свое* — «добиться поставленной цели, желаемого» Б. Слуцкий в стихотворении «Сосед» обыгрывает параллельным употреблением свободного сочетания *прихватит чужое*, имеющим буквальный смысл:

Пепел стряхивает в ладонь.
Пояс стягивает булавкой.

Но в глазах у него — ледынь,
Он еще молодой и ловкий.
Он еще свое возьмет.
Он еще прихватит чужое...

В результате создается смысловая двуплановость.

Восприятию устойчивого сочетания как сочетания фразеологически связанного и как свободного способствует «особая организованность» контекста, реализующая одновременно переносное и прямое значения выражения.

В стихотворении Б. Слуцкого «Полоса неудач» налицо неделимое сочетание *нести (свой) крест* — ‘терпеливо переносить страдания, испытания’, и в то же время каждый компонент этого сочетания имеет самостоятельное употребление и значение, создавая пластическое воплощение значения фразеологизма:

Начинается полоса неудач...
Набираюсь терпенья на всю полосу —
я с запасом его набираю,
положу поудобнее крест и несу,
плечи — все до крови стираю.
Даже если плечи протру до костей,
все равно до хороших дойду новостей.

Такая двуплановость объясняется тем, что часть контекста («Начинается полоса неудач... Набираюсь терпенья на всю полосу») поддерживает метафорическое значение сочетания, другая («...положу поудобнее крест... плечи — все до крови стираю») — прямое. В результате получается сосуществование двух смыслов, органическое сплетение разных тематических сфер. Сравните также двойственное восприятие выражения *повернуться спиной*:

Вышел мальчик
из дому
В летний день
в первый зной.
К миру необжитому
Повернулся спиной.
Улыбнулся разлуке,
На платформу шагнул,
К пыльным поручням руки,
Как слепой, протянул.

Меж и р о в. Защитник Москвы

Приведенный текст поддерживает в сочетании и прямое, и переносное значения (отказаться, отстраниться от чего-н., пре небречь чем-нибудь).

В современной поэзии семантически могут обыгрываться не только готовые устойчивые сочетания, привлеченные в стихотворный текст без их изменения, но и сочетания, каким-либо образом преобразованные. Таково, например, употребление в стихотворении Ю. Мориз «Причины холодов» сочетания *понятно, с какого двора дул сквозняк*, вытекающего из общераспространенного

В стихотворении Винокурова «Мороз на Урале» параллельно употребляются свободное сочетание *отдрать с мясом*, имеющее буквальное значение, и устойчивое сочетание *с мясом (отдирать) 'отказываться от чего-нибудь с болью'*:

Да иней металлических полос
И полоз я лизнул для интереса,
Так как-то просто. И язык прирос
Вдруг намертво к поверхности железа.
Его я с болью, с мясом отдрал. (...)
Ты сердцем только, друг, не прирасти.
Ведь отдирать-то будешь с болью, с мясом.

Столкновение в одном контексте одинаково звучащих сочетаний, одно из которых имеет обобщенно-метафорический смысл, другое — конкретно-предметный, способствует не только раскрытию образной основы фразеологизма, но и усилению его эмоционально-экспрессивного звучания. Ср., например, сопоставление Слуцким фразеологизма *руки опускаются* 'пропадает всякое желание или способность делать что-нибудь' и свободного сочетания:

Руки опускаются по швам.
После просто руки опускаются,
и начальство во всю прыть пускается
выдавать положенное вам.
«Руки опускаются...»

Экспрессивно-стилистическая окраска и смысловое наполнение общеязыковых фразеологизмов настолько сильны и устойчивы, что когда поэт употребляет их как сочетания свободные, то они при определенных условиях могут ассоциироваться в памяти читателя с соответствующим фразеологизмом.

В стихотворении Межирова «Прощание со снегом» перифрастическое соединение слов от *стужи кровь застыла в жилах* с собственным самостоятельным значением, передающим ощущение предельного холода, воскрешает в сознании читателя фразеологизм *кровь стынет в жилах* 'об ощущении ужаса при виде чего-нибудь'.

От стужи кровь застыла в жилах,
Но вдрызг разьежены пути —
Погода зимняя не в силах
От истребления снег спасти.

Структурное совпадение в стихотворении О. Фокиной «Мой хрустальный апрель...» свободного сочетания *сколько лет, сколько зим*, обозначающего буквальное течение времени, и устойчивого сочетания *сколько лет, сколько зим* (формула приветствия при встрече давно не видавшихся людей) создает определенный семантический фон для восприятия собственного смысла свободного сочетания:

«**В**незапное добрососедство»

Архаизмы в современной поэзии

В языке художественной литературы архаизмы уже давно выполняют разнообразные эмоционально-экспрессивные функции. Обладая стилистической окраской широкого диапазона, они позволяют воссоздать речевой колорит исторической эпохи, придать произведению торжественное, патетическое звучание, или наоборот, если необходимо, — создать комический или сатирический эффект.

Особую экспрессию архаизм обретает в тех случаях, когда он бывает включен в непривычное лексическое окружение. Это один из тех приемов, о которых можно сказать словами Леонида Мартынова:

Изобразительные средства,
Неисчислимо их богатство —
Внезапное добрососедство,
Свобода, равенство и братство.

«Внезапное добрососедство» — столкновение слов разной стилистической окраски способствует высвечиванию архаического слова и, акцентируя на нем внимание, будит в сознании те ассоциации, которыми оно обросло в процессе употребления. К приему «внезапного добрососедства» обращаются многие поэты.

Земное притяжение порвав,
От мерзкой глины оторвав шинели,
Вставали парни смертью смерть
поправ,
Ругаясь хрипло в огненной
метели.

С новой силой прозвучал в этих стихах С. Орлова забытый фразеологизм: «смертью смерть поправ». Торжественно-патетический, он столкнулся здесь с конкретным, предметным словом, воспроизводящим пронзительно точную картину реальной действи-

Нередко без намеренного стилистического эффекта употребляется в современной поэзии та часть устаревшей лексики, которая принадлежала поэтическому языку прошлого века. Например, слова *страждать, сетовать, нега, пажити, осенить, сень, обеты, обитель, отринуть, ведать* воспринимаются сегодня как архаизмы. Но есть поэты, которые сегодня широко и свободно используют подобную лексику. В этом отношении наиболее ярким примером может служить творчество Валентина Сидорова, которому присуще тяготение к строгим классическим формам. И в любовной лирике, и в стихах-раздумьях о сущности бытия, о человеческих страстях, о красоте природы естественными и органичными кажутся у него традиционные высокие слова. Создается даже впечатление, что автор как бы и не замечает, что в своем словопотреблении он несколько несовременен. Вот характерные для В. Сидорова строчки: «Да *осенит* тебя прохлада», «Зачем любовь свою *отринул?*», «Над *обителью* вечного снега», «Здесь под *сенью* дремотного неба», «Все от тебя безропотно *приемлю*, все, что моей *даровано* судьбе», «Ведь как бы ты ни мучился, *ни страждал*», «В своих незабываемых правах *восстановись* опять *музыка*» и т. п.

Поскольку вся лексика стихов, из которых выписаны эти строки, в основном традиционно-книжная, устаревшие слова в потоке стихотворной речи не выделяются. Приподнятый, возвышенный характер стихам, выражающим высокий строй чувств и мыслей, придают здесь не столько отдельные архаизмы, которым присущ лишь неуловимый экспрессивный ореол, сколько совокупность всего словарного состава.

Как известно, архаизм может быть использован и в пародийно-ироническом плане. Однако здесь с помощью того же приема «внезапного добрососедства» произойдет обратное: разрушение, низвержение высокого от столкновения с обыденным.

Так сердцевидными устами
Красавица произнесла
И маникюрными перстами
С дурнупушки камни сорвала.

Пародийно звучат в стихах Л. Мартынова *сердцевидные уста* и *маникюрные персты*, или *рифмующиеся голы* и *глаголы* у М. Дудина. Прием этот известен еще со времен Державина, раскрепощавшего слово вольными сочетаниями и поражавшего слух современников, как писал о нем Гоголь, «необыкновенным соединением самых высоких слов с самыми низкими и простыми».

Использование архаической лексики в целях исторической стилизации, создания колорита эпохи, речи персонажей имеет свою давнюю сложившуюся традицию и в русской и советской поэзии. Многие поэты смело и творчески вводят архаическую лексику, оригинально решая проблему соотношения ее с современной. Большой интерес в этом отношении представляет опыт Сергея Наровчатова в его работе над поэмой «Василий Буслаев».

Прекрасное знание древней культуры Руси, ее языка и литературных памятников позволили поэту не только широко и новаторски использовать архаические средства языка как живописные декоративные детали, но и сделать их закономерной органической частью языка поэмы. Поражает их богатство и разнообразие. Рядом с *град, перст, днесь, злато, вежды* встретим и такие, как *бережение, тцание, раздорожье, вежество, полуденный, заморский, разор, бражник*. Семантика этих слов ясна, они не выделяются своей «антикварной» экзотикой, но создают очень естественную языковую атмосферу времени и очаровывают красотой древней русской речи.

Вот несколько примеров:

Заморские доли, леса и недра
Прислали сюда гостинцы свои...

или

С великим он послан был
береженьем
Через Великий шелковый путь.

или

Хоть он вежеству с малых лет
учен,
Видно, все забыл в буйной
вольнице...

Язык расцвечен и тонко стилизован характерными для книжного языка Древней Руси сложными словами: *многоцветовая, стародавний, тридевятьземельный, равноапостольный, старовечный, славолюбие* и фразеологическими сочетаниями: *недреманный колокол, несказанная красота, стоустая молва, вкусив небесный хлеб, грядет и глад и мор, ходить по подоконьям, положить живот*. Встречаются характерные для древнерусского языка морфологические элементы, например форма притяжательного прилагательного: *княжий* крестьянин; звательная форма: — С тобой, *Новограде*, выбора несть. Идти за тобой высокая честь»; старая форма родительного падежа множественного числа: «А кого только Васина сила *на конь* не садила». Употребляется и характерная для древнерусского синтаксиса беспредложная конструкция с инфинитивом:

К богатой Гапае
Ладьи уходят,
Разбег их девам
Следить во сне.

Архаические элементы несут в поэме и стилистическую нагрузку, являясь средством создания художественного образа. Автор включает их в прямую речь, используя как характерологическое средство:

Но тут архиепископ
Смирил хозяйский гнев:
— Ты сам в речах неистов,
Яришься, аки лев.

И не случайно, а соответственно своему духовному сану, герой употребляет вместо древнерусского *яко*, старославянское *аки*.

Поэт использует и свойственный языку древнерусских памятников фольклорный прием повтора однокорневых слов: «счастье-злосчастье», «лихо-лишенько». При всем разнообразии и богатстве архаических элементов, язык исторической поэмы С. Наровчатова «Василий Буслаев» остается современным.

*

Итак, в современной поэзии используется и архаическое слово. Но поэты пзвлекают его из архивов не для простого продления жизни. «Внезапное добрососедство» высвечивает в старом слове новые оттенки, влияющие на колорит всего произведения. Прав писатель Федор Абрамов, сравнивший русский язык с океаном, «который сам неплохо справляется со своими трудностями, сам отправляет на дно все, что ему сегодня не нужно. Как Атлантида, лежат там целые материки.., но если к таинственному земному материку нет дороги, то к языковым пластам, залежам, сокровищам у нас есть доступ. Писатель, жаждущий обновления своего слова, выработки своего стиля, может всегда к ним обратиться».

Н. В. ФЕДОРОВА

Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отречься от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка.

А. С. ПУШКИН

Самобытность басенного слова

Огромна роль И. А. Крылова в развитии русского литературного языка, в поисках и находках новых национальных форм выражения. «Мы, т. е. Грибоедов и я, и даже Пушкин, — писал декабрист В. К. Кюхельбекер, — точно обязаны своим слогом Крылову» (Дневник поселенца. Л., 1929).

Обладая, по словам В. В. Виноградова, необыкновенными лингвистическими способностями и глубочайшим пониманием внутренней структуры и поэтики народного русского языка, И. А. Крылов многое сделал для развития русской речи «во всех ее стилях, разветвлениях и проявлениях» (В. В. Виноградов. И. А. Крылов и его значение в истории русской литературы и русского литературного языка — «Русская речь», 1970, № 4).

К словам и выражениям разговорно-обиходной, простонародной речи обращались многие писатели и баснописцы второй половины XVIII и начала XIX века (А. П. Сумароков, И. И. Хемницер, А. Е. Измайлов, И. И. Дмитриев и др.), но никто из них не мог постичь национальную самобытность этих средств художественного изображения. Так, в баснях А. П. Сумарокова они выступают как национально ограниченные и стилистически не совместимые с тем, что было приметой высокого «штиля». Например, в басне «Кисельник» слова книжно-славянской речи (алтарь, быти, бог, творец, отъемля, взирает) не вписываются в канву бытового рассказа, насыщенного словами обиходно-разговорной речи (гороховой кисель, конопляно масло, воровать, украл, гораздо хлебно, подкосил ремесло, журил, гаже и т. п.). В баснях А. Е. Измайлова они, в основном, охватывают область фамильярно-бытового общения, отражающего грубоватый мир и простоту нравов. Так, «Дворянка-буянка» пересыпана такими, например, словами и выражениями: *жеманится, пыхтит; что ты зеваешь, плут; не может растолкать, урод.* А в баснях И. И. Дмитриева слова и выражения народно-раз-

говорной речи употребляются, но не вызывают представления о жизни и быте трудового народа.

В произведениях великого баснописца слова и выражения народно-разговорной речи — не средство сниженного изображения или показа низменных явлений человеческого бытия, как это было в баснях его предшественников и даже современников, а средство наиболее полного выражения национального своеобразия житейской мудрости народа, неповторимой прелести русской природы. Именно на эту особенность басенного слова И. А. Крылова обратил внимание Н. В. Гоголь: [никто] «не умел сделать свою мысль так ощутительною и выражаться так доступно всем, как Крылов. Поэт и мудрец слились в нем воедино. У него живописно все, начиная от изображения природы пленительной, грозной, и даже грязной, до передачи малейших оттенков разговора, выдающих живьем душевные свойства. Все так сказано метко, так найдены и так усвоены крепко вещи, что даже и определить нельзя, в чем характер пера Крылова. У него не поймешь его слога. Предмет, как бы не имея словесной оболочки, выступает сам собою, натурою перед глазами» (Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1947—1952).

Типичные особенности речи различных слоев русского общества первой половины XIX века нашли свое воплощение в языке басен И. А. Крылова; они придают произведениям великого баснописца национальную самобытность, правдоподобие и реалистичность, образность и пластичность, экспрессивную внушительность и живописность.

Так, например, в басне «Крестьянин и Разбойник» слова и выражения крестьянской речи раскрывают думы и чаяния людей труда, особенности жизни и быта этого многочисленного слоя русского общества. Выражение «заводиться домком» (приобретать все необходимое для хозяйства — домашний скот, хозяйственный

инвентарь, упряжь, посуду и т. п.) дает зримое представление о крестьянской жизни: без коровы немислимо существование, и ее приобретение (покупка на ярмарке подойника и коровы) — это важнейшее событие в жизни крестьянина, сберегавшего копейки, рубли для этого желанного дня:

Крестьянин, заводясь домком,
Купил на ярмарке подойник да корову,
И с ними сквозь дуброву
Тихонько брел проселочным путем.

В басне «Три Мужика» слова и выражения разговорной речи русского народа воссоздают правдивую картину их жизни и быта: *извозом промышлять* — ‘заниматься перевозкой грузов и седоков’; *родина* — ‘место, где родился (деревня, поселок, село, выселки и т. п.)’; *тощим спать* — ‘отойти ко сну без ужина’; *разносол* — ‘изысканная еда (в противоположность повседневной, непрехотливой)’; *пустые щи* — ‘щи без мяса’; *приютиться* — ‘пристроиться, присесть’; *приесть* — ‘все съесть’. В данной басне используются и фонетические особенности народной речи:

Три Мужика зашли в деревню ночевать,
Здесь, в Питере, они извозом промышляли;
Поработали, погуляли,
И путь теперь домой на родину держали.

Сравните слова популярной в то время народной песни: «Нельзя в поле работатъ, Ни боронить, ни пахатъ».

Слово великого баснописца — средство выражения народной мудрости, национальной самобытности и поэтому выступает как часть национальной речевой культуры.

Меткое слово его басен всегда нацелено на врачевание людских пороков и слабостей. Они осмеиваются не ради зубоскальства, а с целью воспитания, так как писатель верит в нравственные силы народа.

Отрицательные стороны общественного зла клеймятся беспощадно, а людские слабости окрашиваются простодушной иронией, — над ними подтрунивает добродушный рассказчик. На эту сторону басенного мастерства И. А. Крылова и обратил внимание В. Г. Белинский: «...вот этим-то умением чисто по-русски смотреть на вещи и схватывать их смешную сторону в меткой иронии владеет Крылов с такою полнотою и свободою» (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. 12, М. — Л., 1926).

Так, добродушной иронией пронизан басенный рассказ о назойливости как человеческой слабости, и это удачно раскрывается подбором слов и выражений из сферы бытового этикета:

«Соседушка, мой свет!
Пожалуй-ста покушай»
— Соседушка, я сыт по горло...
И, полно, что за счеты...
А те во здравье: ешь до дна!

Демьянова уха

Выражения *еще тарелочку, ушница, миленький дружочек, вот лещик, вот стерляди кусочек* определяют эмоционально-оценочное отношение гостеприимного хозяина. Динамична концовка басни:

Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Интересен финал «вещных» манипуляций Мартышки как выражение раздражения, душевной горечи и обиды:

Мартышка тут с досады и печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

Мартышка и Очки

Слово в баснях Крылова дает всестороннее представление о признаках, свойствах, приметах изображаемого, оно как бы срастается с предметами, явлениями реальной действительности, и тем самым воссоздается живая картина, типичная сценка повседневной жизни.

И. А. Крылов восхищался прелестью меткого русского слова и постоянно обращался к жемчужной россыпи народного языка; он «изучал его [язык русского народа] 40 лет, вмешиваясь в толпы народные, в деревнях посещал вечеринки и посиделки, а в городах — рынки и торговые дворы, прислушивался к разговорам народа» (М. Лобанов. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. СПб., 1847).

В баснях Крылова слово — органический компонент различных манер изображения: описания, повествования, рассуждения. Так, в басне «Кот и Повар» характер изображаемого раскрывается искусным употреблением слов и их ролью в различных частях текста. Повествование открывается характеристикой героя (отмечаются служебное положение и склонность к словоохотливости, стремление показать себя грамотеем), затем показывается служба (поварня — поварское дело), противопоставляемая увеселительному заведению (кабак), а это, в свою очередь, акцентирует внимание читателя на слабости героя басни — его желании поучать, увещевать.

Внимание читателя приковывается к последствиям «хозяйничанья» Кота: Повар побежал в кабак, а «дома стеречи съестное от мышей Кота оставил». Слово *съестное* сближается с глаголом *стеречи*, и в этом контексте указывается на круг обязанностей Кота; кроме того, конкретизируется вещное содержание слова *съестное* (объедки пирога, курчонок), а также оттеняются детали кошачьего пиршества (на полу, в углу, за укусным бочонком) и дается определенная оценка поведению Кота (мурлыча и ворча, трудится).

В заключительной части басни раскрывается реакция хозяина повара, возвратившегося из кабака; реплики Повара — это выражение негодования и в то же время поток правоучений, — упреки, укоризна, увещания в адрес неблагодарного Кота (*частицы — ах, как, ахти*; неодобрительные слова — *обжора, злодей, вор, порча, плут, чума*; построения с именным сказуемым, выраженным оценочным словом — *Кот Васька плут! Кот Васька вор!*). Кроме того, используются целостные высказывания, характерные для определенных ситуаций обиходно-бытового общения (*не стыдно ль стен тебе, не только что людей; до этих пор*).

*

Итак, слово великого баснописца стало составной частью речевой культуры русского народа. «Крылов своим басенным языком указал новые пути синтеза литературно-книжной традиции с живой русской устной речью, создав художественные образы глубокого и обобщающего реализма и подготовив Пушкину путь к народности» (В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938).

А. А. КОЖИН

Рисунок С. Гавриловой

Искусство чувствует за всех, грустит со всеми, оно неиссякаемый источник любви и правды, справедливое, как солнце, оно, воспевая героя, печально любит и ничтожного, оно есть. Мать, для которой все люди мира — маленькие, горячо любимые дети.

Максим Горький

СТАРАЯ КАРГА

Выражение *старая карга* в русском языке характеризует сварливую и злую старуху, «ведьму». В художественной литературе оно имеет ярко выраженный разговорный характер и употребляется как бранное: «Да что ты, старая карга, с ума что ли сошла?» (А. Н. Островский. Свои люди — сочтемся). Само слово *карга*, естественно, вызывает сугубо отрицательные ассоциации. Не случайно Евг. Пермяк умело «скрещивает» обороты *старая карга* и *старуха с косой* 'смерть': «Приготовил себя Далмат к последнему часу... Ждал, что вот-вот переступит порог его жизни старая карга с косой» (Далматова Фаргуната).

Подобные употребления выражения *старая карга* показывают, что слово *карга* воспринимается сейчас только в значении 'стару-

ка'. Однако это значение не исконно. Заимствованное из тюркских языков, *карга* первоначально значило 'ворона'.

В таком значении слово еще сохранилось в некоторых русских пословицах, например, *Как ни вертись ворона, а спереди карга и свади карга* (Словарь В. И. Даля). А шутливая поговорка, до сих пор бытующая под Куйбышевом, *его карга в пузыре принесла* точно соответствует старой шутке: «Как ты сюда попал? — Ворона в пузыре занесла». По данным «Словаря русских народных говоров» (вып. 13), слово *карга* в значении 'ворона' бытует в донских, ростовских, астраханских, воронежских, тамбовских, саратовских, тульских, костромских и других говорах. Уже сама зона активного распространения этого слова, примаыкающая к границам тюркоязычных народов, подтверждает мнение этимологов о его заимствовании (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Любопытно, что в некоторых говорах исходное значение слова *карга* забыто, и поэтому в переносном употреблении дается его «расшифровка». Так, недалеко от Перми в прошлом веке записана такая фраза: «Ай, ты, ворона карга! И того ты не умел сделать-то!». Как видим, здесь *карга* не имеет привычного нам переносного значения 'сварливая старуха', а скорее характеризует несообразительного и неумелого человека — разиню и 'ворону'. В вологодских говорах *каргой* также называют и нерасторопного, бесхозяйственного человека (ср. сочетания *загумённая карга* и *загумённая ворона* — бранные выражения, относимые к лентяям и праздношатающимся).

Связано ли переносное значение оборота *старая карга* 'злая старуха, ведьма' непосредственно с тюркским источником, или же оно самостоятельно развилось на русской почве? На этот вопрос отвечает тюрколог Д. С. Сетаров в работе «Тюркизмы в русских названиях птиц» («Советская тюркология», 1970, № 2). Он производит слово *карга* 'ворона' от тюркского названия черного цвета *кара́*, а значение 'злая старуха' рассматривает как результат влияния со стороны тюркских слов *карга*, *каргав* 'проклятие' и *кар(ы)-ган* 'старый (по возрасту)'.

Такое толкование не совсем верно, поскольку Д. С. Сетаров не приводит фразеологического аналога *старая карга* в тюркских языках. Получается, что семантический процесс, произошедший в них, дал свой результат только в русском языке, а это маловероятно. К тому же ассоциации с преклонным возрастом и сварливостью обычны и для исконно «русской» вороны. Последнее свойство, например, подчеркивается в пословицах *На что вороне*

большие разговоры, знай ворона свое воронье «кра» и С воронами — по-вороньи и каркать. Что же касается долгожительства, то с ним в русской традиции чаще всего связывают не ворбону, а вброна. Эти разные виды птиц являются представителями одного семейства — вброновых и потому нередко в обиходе путаются. Невольно вспоминается калмыцкая сказка о вороне и орле, рассказанная Гриневу Пугачевым в «Капитанской дочке». Правда, это воспоминание — также восточное, ибо сказка, как подчеркивает сам Пугачев, калмыцкая, а не русская. Но и в чисто русских пословицах вброну приписывается эпитет *старый*: *Старый ворон мимо не каркнет* или *Старый ворон не каркнет даром*. Подчеркивание долголетия вброна характерно и для пословиц и поговорок других славянских народов. Так, в польском языке сравнение *старый как ворон* (*stary jak kruk*) широко известно и популярно.

Представления о ворбоне и вброне как о долгожителях среди птиц сохраняются с очень давних времен. Правда, мифологическое представление об их долголетию не совсем совпадает с научными данными: по калмыцкой сказке, например, вброн живет триста лет, а орнитологи считают, что его средний возраст равен 45—50 годам.

Выражение *старая карга* известно лишь в русском, белорусском и украинском языках. Иное дело — крылатый оборот *белая ворона*, который можно по праву назвать интернациональным. Во многие европейские языки он пришел из античности. Считается, что его создатель — римский поэт-сатирик Ювенал. В одной из своих сатир он рассказывает, что иногда

Раб может выйти в цари, пленник дожждаться триумфа.
Только удачник такой редкостней белой вороны.

Крылатое выражение *белая ворона* укрепилось в русском языке весьма прочно и может обозначать теперь не только человека, резко выделяющегося какими-либо качествами из своего окружения, но и — правда, реже — нечто необычное и из ряда вон выходящее. Так, с помощью этого оборота Л. Успенский в книге «По закону буквы» характеризует употребительность буквы *Ф* в русском письме: «Одно *Ф* приходится на 33 тысячи букв. Это немногим проще, чем если бы его вовсе не оказалось. Что это за „белая ворона“, это *Ф*? Что за редкостнейший бриллиант?». Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Приваловские миллионы» обыгрывает выражение по-иному — вместо *белой вороны* он употребляет индивидуально-авторское сочетание *белый воробей*: «— Папахен тоже на ярмарке,— предупредил Веревкин, когда они подъезжали к каким-то поме-

рам.— Надо будет его разыскать. Впрочем, их с Ломтевым все знают, как белых воробьев». Здесь в художественных целях скрещены два фразеологизма — *белая ворона* и *стреляный воробей*.

Разумеется, популярность выражения *белая ворона* в русском языке во многом обусловлена активностью его литературного употребления. Немаловажна, однако, и сама яркая экспрессивность этого оборота, построенного на внутреннем парадоксе. *Белая ворона* — это нечто столь же необычное и противоестественное, как белая смола или черный хлопок; не случайно ведь турки связывают ворону-каргу именно с прилагательным *кара* 'черный'.

И тем не менее, образ «белой вороны», несмотря на намеренную парадоксальность,— не плод фантазии, а также факт реального животного мира. Возможно, речь здесь идет о вороне-альбиносе. Не исключено, впрочем, и то, что это древнее выражение имеет в виду очень старую ворону, поседевшую от долгожительства. Такие вороны были замечены, например, в Скандинавии. Видимо, вороны, «доживающие до седин»,— явление настолько редкое, что нашло отражение в поговорке. Иное дело — *старая карга* с черным или серым оперением, которой никого не удивишь.

Так два выражения, имеющие совершенно разные судьбы и повившие в русский язык различными путями, можно неожиданно сблизить в фокусе их изначального образа. В выражении *белая ворона* этот образ и в наши дни является ярким и прозрачным, как во времена Ювенала. В выражении *старая карга* он уже потускнел и забылся.

В. М. МОКИЕНКО
Рисунок С. Гавриловой

**ТРУД кормит,
безделье портит**

Русский народ издревле почитал, почитает и поныне труд: «Человек рожден на труд»; «Землю красит солнце, а человека труд»; «Без дела жить — только небо коптить»; «Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто в деле гож». Не божьим произволением, а делом рук своих жив человек: «На бога надежды — сидеть без одежды»; «Не спасет всевышний, коли сам никудышный»; «Бог-то бог, да сам не будь плох».

Настоящий человек не может жить без труда. Однако: «Бесплезный труд не послуга». В народных речениях осуждается медлительность, нерасторопность: «Ехал к обеду, а приехал в среду». Не всегда успешна и быстрая, скорая работа: «На скорую ручку — комком да в кучку»; «Наскоро делать — переделывать»; «Торопыга котомку обувает, топором подпоясывается».

Русские пословицы и поговорки различают понятия «быстрый» и «спорый». Спорая работа — не только быстрая, но и разумная, и результативная. Как говорится: «Не добра суета, а добр рассудок»; «Не спехом дело спорится, а толком». Именно неспорую скорость осуждают поговорки: «Вскачь пашню не папуг»; «Сплеча да горяча не добудешь калача»; «Прытко бегаёт, да часто падает».

Знали на Руси и поспешную работу с целью наверстать упущенное. Народная мудрость резко её осуждает: «Сначала спячка, потом раскачка, а в конце горячка». Высмеивается и бестолковая работа, приводящая к пустой трате времени. Русский народ со свойственным ему юмором создает собирательный образ горе-работ-

ника, который бороной ворота запирает; натаскав воды решетом, толчет ее в ступе и из пустого в порожнее переливает; по еловы шишки за море ездит.

По народным представлениям только труд дает человеку удовлетворение, радость, счастье: «На работе смелее — будешь жить веселее»; «Кому работа в тягость, тот не знает радость»; «Проживешь счастливо, только паши не лениво». Трудовая деятельность — это не только необходимое и важнейшее условие существования общества; это также действенное средство, укрепляющее здоровье труженика: «Человек от лени болеет, от труда здоровеет»; «Работа до поту, так и еда в охоту».

Обращает на себя внимание такой факт: в русском языке немало речений, которые прямо говорят о важнейшем значении труда и его пользе. Это и понятно: для крестьян и городского ремесленного люда, всю жизнь работавших не покладая рук, эта мысль была ясной, как день. Для подтверждения этой бесспорной истины не нужно было обращаться к высшему авторитету — народной словнице и поговорке. Зато в языке очень много суждений, порицающих бездельников, лентяев, тунеядцев. Важно отметить, что эти пословицы и поговорки выражают проверенное многовековым трудовым опытом народное убеждение не прямо, а метафорически, образно. Иначе говоря, как в любом произведении искусства, общая идея в пословице и поговорке иллюстрируется наглядным воплощением в конкретный образ. Нередко этот образ окрашен сочным юмором. Об этой особенности народной речи писал А. С. Пушкин: «...отличительная черта в паших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться». Вот примеры речений, живописно характеризующих лодырей, трутней и захребетников: «Родя спит и ходя; сидя спит, лёжа работает, а лёжа на печи, протирает кирпичи»; «У бездельника руки вися отболтались». Лентяи же выработали свои «производственные» заповеди: «В дождь избу не кроют, а в ведро и сама не каплет»; «Дело не малина, и в зиму не опадет»; «Работа не волк, в лес не убежит».

Есть методы борьбы с бездельниками? Да, есть. Вот один из них: «Лень меняют на ремень». Поговорки дают мудрый совет: «Не ленись с плужком — будешь с пирожком»; «Налегай пуще, будет каша гуще».

Праздность скуку любит. И действительно: «Скучен день до вечера, коли делать нечего»; «Забота не съела, так скука одолела»; «От нечего делать и таракан на полати лезет». От безделья, утверж-

дает поговорка, лентяю остается: «Мух бить, в лапоть звонить»; «Хоть пень колотить, лишь бы день проводить». Но и такая «деятельность» не спасение. Как же бороться со скукой? Народная мудрость предлагает нехитрое, но верное средство: «Не сиди сложа руки, так не будет и скуки»; «Нет скуки, когда заняты руки».

Давно подмечено, что безделье порождает различные пороки: «Мозоли от работы, плутовство от безделья»; «Трутни горазды на плутни»; «На безделье дурь в голову лезет».

Большое зло в работе — болтуны: «Дела на вершок, а слов с мешок»; «Складно бает, да дела не знает»; «На словах, как на гуслях, а на деле, как на балалайке».

Положительному герою русского фольклора не чужды забавы, потехи, он не прочь весело провести свой досуг: «Веселье делу не помеха». Но веселью нужно посвящать свободное от работы время: «Делу время — потехе час»; «От лишнего веселья работа тоскует»; «Придет пора — не уйдет и дуда».

Отрицательные же персонажи самоуверенно восклицают: «Что мне соха — была бы балалайка»; «За дело не мы, а поплясать — против нас не ссыска́ть». Но увлечение невинными, на первый взгляд, потехами может окончиться печально: «Иван в дуду играет, а Марья с голоду умирает».

В своих пословицах и поговорках народ воспел труд и осудил безделье: «Труд кормит, безделье портит».

В. Н. ВАКУРОВ

Рисунок В. Толстоногова

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Приветствие

Продолжаем публикацию статей
о речевом этикете.
Начало см.: 1979, №№ 4, 5

Каждый день и по нескольку раз мы с кем-нибудь здороваемся, при этом одним говорим слова приветствия, другим еще ижимаем руку, третьим лишь киваем на ходу... А сколькими способами можно поздороваться?

Здравствуй(-те), Добрый день, Добрый вечер, Доброе утро и С добрым утром, Приветствую вас, Рад(-а) вас приветствовать, Разрешите (Позвольте) вас приветствовать, Мое почтение, Привет (Приветик), а также Здорово, Салют и Доброго здоровьяца... Конечно, эти приветствия неравноценны в стилистическом отношении, а следовательно, употребляются они с разной частотой и в разных условиях общения, разными лицами и по отношению к разным адресатам. Некоторые из них вообще не могут быть рекомендованы к употреблению. Проследим «жизнь» разнообразных приветствий в нашей речи.

Бесспорно, самыми употребительными из них являются *Здравствуй* и *Здравствуйте*. Условия применения этих приветствий различны. *Здравствуй* мы говорим хорошо знакомому человеку, с которым обычно общаемся на «ты», при этом обстановка общения предполагается неофициальной, а отношения равными, дружескими. Приветствие *Здравствуйте* требует иных условий: адресат может быть либо малознакомым, либо вышестоящим (но возрасту, служебному положению); обстановка общения и взаимоотношения общающихся могут быть официальными. Таким образом, *Здравствуй* — несколько сниженное приветствие, а *Здравствуйте* — стилистически повышенное.

Обратимся к другим известным приветствиям.

Добрый день, хотя и применяется очень широко, все же оказывается «привязанным» к дневному времени. Однако это очень удобный способ поздороваться, особенно в том случае, если мы стремимся избежать обращения «ты» или «Вы». Вот как пишет об этом В. Липатов: «С Максимом он [Емельян] встретился только через три дня. „Емеля! — обрадовался Максим. — Здорово, Емеля!“ — „Добрый день!“ — буркнул Емельян, нарочно выбрав такое приветствие, чтобы не обращаться к Ковалеву ни на „вы“, ни на „ты“» (Черный Яр). Естественно, что приветствия *Доброе утро* и *Добрый вечер* мы выбираем в соответствующее время суток. После сна, и поэтому преимущественно в семейных отношениях, употребляется приветствие-поздравление *С добрым утром*.

Есть целый ряд стилистически повышенных приветствий. Их употребляют в сугубо официальной обстановке, а также некоторые представители старшего поколения: *Рад(-а) вас приветствовать*, *Разрешите (Позвольте) приветствовать вас*, *Приветствую вас*, устаревшее *Мне почтение* и др. Естественно, что эти приветствия сочетаются преимущественно с обращением на «Вы». В сатирическом произведении Г. Троепольского «Кандидат наук» читаем несколько пародированный разговор подчиненного и начальника: «Наконец пришел и Карп Степанович. Ираклий Кириянович встал и поздоровался с легким поклоном: — Доброе утро! — Приветствую вас! — покровительственно произнес Карп Степаныч».

Большая группа стилистически сниженных приветствий употребляется в неофициальной обстановке, при непринужденных отношениях общающихся, однако каждое из выражений имеет своеобразные характеристики. *Привет* — до недавнего времени это приветствие имело в толковых словарях помету «просторечное», не рекомендуемое к употреблению людьми образованными и культурными. Однако начиная с 9-го издания «Словаря русского язы-

ка» С. И. Ожегова находим иную помету — «разговорное», то есть допустимое и носителями литературного языка. Однако мы всегда помним, что *Привет* можно сказать лишь в обстановке неофициальной, при непринужденно-дружеских отношениях партнеров. Применяемая иногда уменьшительная форма *Приветик* резко снижает тон общения и поэтому не рекомендуется к широкому употреблению. Приведем несколько примеров.

«Навстречу показались две девушки, Сашины знакомые.— Саша, привет! — сказали они игриво.— Привет,— небрежно ответил Саша» (Панова. Четыре страницы одной молодой жизни); «С первым пароходом из Черноречья в Речное прикатил Санька Самошин. Ходит по улице — кум королю, в хромовых сапогах с галошами, в суконной паре.

— Привет,— говорю,— Александр Гаврилович.

— Наше вам с кисточкой,— отвечает.

— Жизнь-то как? — интересуюсь я.

— На ять,— отвечает Санька.— Разве со здешней сравнить?» (Ильин. Целый век) — ответное сниженное приветствие здесь служит автору для речевой характеристики персонажа.

Неоднозначное определение имеет приветствие *Здрбво*. Соответствующее слово имеет в словарях лишь одну стилистическую помету — «просторечное». И несмотря на это, мы постоянно слышим его в быту, встречаем в художественной литературе. Придавая речи фамильярность, это приветствие либо характеризует героев произведений как носителей просторечия, либо указывает на своеобразное «мужское братство» и поэтому наблюдается преимущественно в речи мужчин:

« — Здорово, ребята! — громко, чтобы перекричать шум и лязг металла, здороваются Максим.— Как ночевали?

К нему обертываются три чумазых лица, три пары глаз с яркими белками...— Добрый день, Максим Максимович! Хорошо ночевали! Здравствуйте! — радостно доносится в ответ» (Липатов. Черный Яр).

Не следует забывать, что приветствие *Здрбво*, *Здрбв* имеет оттенок фамильярной грубоватости. Поэтому в устах женщины оно, казалось бы, не должно звучать. Между тем в многосерийном телевизионном фильме «Голубка» героиня (роль которой исполняет такая женственная актриса, как Е. Проклова) говорит *Здрбво*. Есть и еще немало стилистически сниженных приветствий, например заимствованные *Чао*, *Хелло*: « — Володя?.. Ой, здравствуй! — Хелло! — воскликнул Володя. И сделал вид, что очень-очень удивился, и остро почувствовал свою фальшь — и это „хелло“, и награничное удивление. От этого вопросы дальше возникли очень нелепые: „Каким ветром? Откуда? Куда?“» (Шукшин. Медик Володя).

А вот приветствия, которые используют преимущественно люди старшего поколения, нередко в сельской местности: *Доброго здорювьица, Доброго здоровьичка*. «— Здравствуйте,— бесцветным голосом сказала Юливанна.— Доброго здоровьичка,— сказал дед» (Дубов. Беглец). Напомним, кстати, что обычай здороваться с незнакомыми сохранился именно в деревне. Вот примеры:

«...Я подошел.— Здравствуйте,— сказала мне девочка и варежкой отодвинула со лба челку. „Здравствуйте“ совсем не было выражением нашего знакомства, просто знак сельской вежливости. Однако произнесла она это так, словно и впрямь меня знала» (Шергова. Заколоченные дачи); «Первое время с непривычки удивлялся: идешь по селу, с тобой все здороваются. Я одного деда спросил для интереса, дескать, чего здороваешься, знаешь меня, что ли? А он мне: „А зачем мне тебя знать? Я про тебя плохого не слыхал, ты про меня тоже, стало быть, ты добрый человек, и я добрый человек. Вот и будь здоров!“» (Крон. Бессонница). Не правда ли, прекрасный обычай, возвращающий этому приветствию старое значение — пожелание здоровья.

*

Как видим, русский язык располагает богатым набором разнообразных приветствий, и наша задача — умело ими пользоваться.

Н. И. ФОРМАНОВСКАЯ

Рисунок С. Гавриловой

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

В. И. Чулков из Кинешмы пишет: «Встречал в печати слова *адаптировать* и *адоптировать*. Какое же написание является правильным?».

Правильны оба слова, они различаются значениями. Первое означает «приспособить, облегчить» (*адаптировать слух, адаптировать текст*); второе слово является юридическим термином, оно означает «усыновить» (*адоптировать ребенка*).

«ГОВОРИТЬ ПРОСТО И ЯСНО...»

«Самое трудное в агитационной работе — научиться говорить как следует».

М. И. Калинин

■ Умение «говорить как следует» перед широкой аудиторией, в ясной и доходчивой форме разъяснять идеи и политику партии — все это не приходит к пропагандисту, агитатору само собой. Высокое искусство убеждать предполагает идейную закалку оратора, глубокие знания, постоянную работу над повышением своего культурного уровня, упорные систематические занятия по овладению методикой устных выступлений, изучение законов и правил красноречия, непрестанную учебу на образцах ораторского искусства.

Весьма поучительным представляется ответ А. В. Луначарского на вопрос, в чем секрет его блистательного лекторского мастерства, его пропагандистского искусства: «Я готовился к этому всю жизнь».

■ Чрезвычайно важен творческий, инициативный подход пропагандиста, агитатора к задачам и целям политико-воспитательной работы, поиск живой и доходчивой, ясной и убедительной формы пропаганды, разъяснения трудящимся ленинских идей, политики партии. На это нацеливают документы XXV съезда КПСС, Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», выступления товарища Л. И. Брежнева.

Определяя программу агитационно-пропагандистской работы по разъяснению идей и решений XXV съезда КПСС, Л. И. Брежнев подчеркнул: «В эту работу надо вложить все свои знания, все умение убеждать, всю силу

души. Во всем этом — одна из предпосылок неуклонного проведения в жизнь решений съезда». Упомянутое Постановление ЦК КПСС требует изживать из практики политико-воспитательной работы «формализм, склонность к словесной трескотне, всякого рода пропагандистским штампам, серый, „казенный” стиль материалов, многократное механическое повторение общих истин». «Пора сделать правилом, — указывал Л. И. Брежнев в речи на XVIII съезде ВЛКСМ, — говорить с людьми простым и доходчивым языком, писать, вкладывая в каждую фразу живую мысль и чувства».

Яркие образцы органической слитности простоты, доходчивости изложения сложных политических вопросов и ясности, определенности идей, четкости политических формулировок, горячей убежденности, революционного пафоса большевистского слова находим в бесценном опыте пропагандистов и ораторов ленинской школы. Сохранились воспоминания академика И. П. Бардина об огромном воздействии на слушателей выступлений «рыцаря революции» Ф. Э. Дзержинского: люди слушали Дзержинского «с захватывающим вниманием... И весь он — высокий, худой, энергичный, пламенный, как бы собранный в нервный узел, неумолимый и прямой — овладевал сознанием и волей сидящих перед ним людей...

Правда, ясная, неотразимая правда — я это увидел и почувствовал — вот что захватило людей в зале, вот что поразило и мое сознание и сердце...».

Глубокая идейная убежденность и политическая позиция оратора вовсе не снижают важности формы устного выступления. В. И. Ленин рекомендовал «говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 14, с. 92).

■ Известно, что устное выступление, как и всякий текст, должны удовлетворять следующим требованиям: содержательность, точность формулировок по смыслу и стилистическому оформлению, ясность речи, простота, доходчивость и выразительность изложения. Все эти качества тесно взаимосвязаны.

Остановимся на ясности речи. С точки зрения литературной нормы речь выступающего может быть правиль-

ной (точно подобраны слова, фразы четкие), однако для слушателей многое остается непонятным, потому что они недостаточно ориентируются в теме беседы, лекции. Или: тема выступления близка аудитории, но нелогичное изложение, громоздкие фразы, неточное употребление слов, неоднозначное использование одних и тех же терминов, обилие слов-паразитов, вводных слов мешают слушателям вникнуть в смысл сообщаемого, понять содержание беседы, лекции, политической информации, выступления на собрании или митинге.

Ясность речи пропагандиста, агитатора, вообще оратора имеет три аспекта: содержательный; логико-композиционный; языковой, или стилистический.

Под содержательным аспектом подразумевается подготовленность аудитории к восприятию содержания беседы, лекции. При этом важно также учитывать профессиональную и политическую подготовку пропагандиста, четкость и определенность его политической линии.

Логико-композиционный аспект ясности речи предполагает, с одной стороны, логическую последовательность изложения, четкую расчлененность главного и второстепенного, с другой, — четкость композиции, мотивированность ее структуры. Эти качества речи всегда были важными показателями высокой профессиональной культуры оратора.

Практика устных выступлений, особенно тематических бесед, а также лекций, подтверждает, что аудитория положительно реагирует на предлагаемый план, в котором пропагандист выделяет вопросы обсуждаемой темы, называет порядок рассмотрения этих вопросов или перечисляет выбранные для выступления проблемы. Такой простой прием сразу определяет «канву» изложения, организует внимание слушателей, помогает им «схватить» цельность выступления. Весьма полезно в тех же целях указать на количество тезисов, выдвигаемых по ходу изложения, а в заключение особо выделить главные выводы.

При рассмотрении стилистического аспекта ясности речи учитывается довольно большой круг вопросов, связанных с языковым материалом всего текста и внутри синтаксических построений. Прежде всего это точное использование слов (в том числе терминов), фразеологических выражений в соответствии с современными литературными нормами и задачами конкретного устного выступления (в зависимости от характера аудитории, темы, обстановки и

жанра выступления). Обычно эти вопросы обсуждаются в методических брошюрах, статьях о культуре речи пропагандиста, агитатора, лектора. Реже обращают внимание на построение устных выступлений, их композицию и синтаксис.

■ Специфика публичной речи как речи устной определяет особенности ее синтаксиса по сравнению с речью письменной. На построение устной речи оказывает существенное воздействие психология восприятия звучащей речи, особенно в условиях публичного выступления. Для обеспечения ясности речи высказывание должно быть расчленено на логически обоснованные и самостоятельные в смысловом отношении интонационные отрезки.

Исследования синтаксической структуры устной речи позволяют сделать заключение относительно ориентировочного объема фразы в устном выступлении. Очевидно, не следует увлекаться ни слишком короткими, ни слишком длинными построениями. Это подтверждается и рекомендациями руководств по риторике. «Краткая фраза,— читаем у Аристотеля,— часто заставляет слушателей спотыкаться: в самом деле, когда слушатель, еще стремясь вперед к тому пределу, о котором он носит в себе представление, вдруг должен остановиться вследствие прекращения речи, он как бы спотыкается, встретив препятствие». Длинные предложения также создают излишнее интеллектуальное (и эмоциональное) напряжение аудитории при восприятии ею звучащего текста.

Античные риторики предлагали выбирать середину. Важно, чтобы мысль, заключенная в высказывании, получила законченное выражение. «Ведь наш слух ждет,— утверждает Цицерон,— чтобы мысль, облекаясь в слова, превращалась в законченное целое». Это, естественно, достигается грамматически и логически правильным построением каждого высказывания и всего текста в целом.

Не менее важно для ясности речи, чтобы законченная мысль имела четкое интонационное членение, передающее логическое и фразовое ударение, смысловые акценты и оттенки высказывания, разумеется, при точном и мотивированном употреблении слов, фразеологических единиц.

Из двух вариантов высказывания всегда предпочтительнее более краткий (при условии полноты и законченности выражения мысли). Чем короче фраза, тем короче и прямее путь высказанной мысли к слушателю.

«Сжать десять слов в два», — рекомендовал В. И. Ленин. Этот принцип работы над языком газетно-публицистических текстов полностью приложим и к устным выступлениям. В. И. Ленин требовал изгонять из партийной публицистики «длинноты и нежелательную тягучесть изложения», постоянно напоминал, что «излишние слова только ослабляют совершенно достаточное и рельефное выражение мысли» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 6, с. 215, 244, 250).

Вместе с тем слишком краткое изложение, необоснованное устранение из фразы содержательных и языковых элементов, без которых мысль становится неясной или неточной, тоже не нужно. Описанное явление, называемое иногда «ложным лаконизмом», возникает вследствие небрежности речи или торопливости оратора, стремящегося «уложиться в регламент». При этом чаще всего не учитывается привычная сочетаемость слов, допускается сокращение сложных союзов, пропуск предлога, нередко упускается из виду возможность грамматической омонимичности слов и т. д. Вот примеры: «В каждом освобожденном городе создаются народные комитеты, которые руководят деятельностью населения во всех областях» — здесь нарушено правило сочетаемости слова *область* (сфера деятельности). В таком значении при слове *область* обязательно должно быть существенительное в родительном падеже: «во всех областях жизни, хозяйства» т. п.

Конструкции типа *вели ему помочь* могут иметь два смысла: 1) вели (кому-то другому), чтобы ему помогли и 2) вели ему, чтобы он помог (кому-то). А. М. Пешковский заметил по поводу подобных построений: «Спрашивается, как же могут разные значения одного и того же словосочетания дойти до слушающего, когда говорящий не позаботился о том, чтобы выразить эти значения какими-нибудь средствами» (Русский синтаксис в научном освещении. М., 1935, с. 41).

Однако не всякое «свернутое» высказывание следует квалифицировать как «ложный лаконизм». Если такой способ выражения получил широкое распространение и стал общепонятен, то избегать его в публичной речи нецелесообразно, особенно когда мы имеем дело с проявлением активных процессов, протекающих в современном русском языке, например: *золото, серебро, бронза* вместо «золотая, серебряная, бронзовая медаль»; *библиотека на*

общественных началах вместо «библиотека, работающая на общественных началах»; *самодельный художник* вместо «художник-любитель, непрофессионал».

■ Слово пропагандиста и агитатора — не только источник политических знаний и актуальной информации. Оно несет также и важную функцию воспитания культуры речи широких трудящихся масс. В связи с этим неизмеримо возрастает общественная значимость постоянного совершенствования речевой культуры пропагандистских кадров, их умения убедительно и доходчиво, простым и ясным языком говорить с людьми, нести в массы слово ленинской правды.

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ

Ненадобно очень спешить или излишнюю протяжность употреблять, для того что от первого слова бывает слушателям невнятно, а от другого скучно.

М. В. Ломоносов

● Слог профессора должен быть увлекательный, огненный. Он должен в высочайшей степени овладеть вниманием слушателей. Если хоть один из них может предаться во время лекции посторонним мыслям, то вся вина падает на профессора: он не умел быть так занимателен, чтобы покорить своей воле даже мысли слушателей.

Н. В. Гоголь

● Красноречие есть искусство,— не целое и полное, как поэзия: в красноречии есть цель, всегда практическая, всегда определяемая временем и обстоятельствами.

В. Г. Белинский

● Чтобы овладеть формой, надо учиться великолепному русскому языку.

Я хотел бы вам посоветовать в агитации и пропаганде избегать употребления вычурных слов.

М. И. Калинин

ЖИВОЕ СЛОВО

Я. М. СВЕРДЛОВА

Ближайший соратник
В. И. Ленина, выдающийся
деятель нашей партии
и Советского государства
Яков Михайлович Свердлов
(1885—1919)
был замечательным оратором,
пропагандистом. Его статьи,
доклады, речи и документы,
относящиеся
к 1905—1919 годам,
свидетельствуют
о многогранной деятельности.
Я. М. Свердлов вел огромную
работу в период подготовки
и проведения
Великой Октябрьской
социалистической революции,
а затем в качестве
Председателя Всероссийского
Центрального Исполнительного
Комитета.

Живое слово Я. М. Свердлова воспитывало и вдохновляло слушателей. Оно было предельно точным, максимально четким и ясным. Его речь не загромождена непонятными терминами, абстрактными словами или сложными и туманными конструкциями. Он стремился быть понятным, старался объяснить мысль просто и доходчиво.

29 июля 1918 года Совнарком принял декрет о призыве рабочих Петрограда в Красную Армию. Торжественное объединенное собрание мобилизованных питерских рабочих, красноармейцев и матросов перед отправкой на фронт состоя-

лось 1 августа 1918 года. На этом собрании с блестящей речью выступил Я. М. Свердлов. Обращаясь к мобилизованным рабочим, он говорил о жертвах, которые понесло чело-

вечество в результате мировой бойни, об Октябрьской революции, о тех трудностях, которые переживает молодая Советская республика, об организации Красной Армии. Я. М. Свердлов начинает речь:

«Товарищи! Сегодня, 1 августа, день крайне знаменательный, знаменательный не только для нас, для российских граждан, он знаменателен для всего мира. 1 августа была объявлена четыре года тому назад мировая бойня, которая унесла сотни тысяч, миллионы жертв из рядов трудового народа. Каждый из вас, кто хоть сколько-нибудь сознательно относился к тем событиям, которые происходили за последние четыре года, должен вспомнить о тех миллионах жертв, которые понесло человечество во всех странах, и каждый из вас должен отдать себе ясный отчет в том, во имя чего погибли те миллионы, которые своей кровью оросили поля в самых различных местах. Брат восстал на брата, рабочие одной страны выступили против рабочих другой страны...».

Сколько страсти, боли и горечи вложил Яков Михайлович в эти слова. Напряженно-патетический стиль начала речи проникнут эмоционально-экспрессивной окраской. Он приводит слушателей в волнение, воздействует на их чувства. В дальнейшем эта напряженность речи сохраняется. Воздействие на эмоциональную и интеллектуальную сферу слушателей поддерживается путем уточнений и повторов: «Только небольшие группы, только отдельные маленькие группы среди рабочих различных стран в тот момент осмеливались поднимать свой голос против войны, только очень маленькие группы тогда осмеливались кричать: „Долой войну!“». «Шли годы — первый, второй, два с половиной года войны, и, наконец, настолько силен оказался голос рабочих масс в России, что они свергли у себя царское правительство, которое затеяло и вело эту войну» — конкретизация здесь приводит к необычайной смысловой и эмоциональной емкости. Не просто «шли годы», но «первый, второй, два с половиной»; не просто «небольшие группы», но «отдельные маленькие группы... только очень маленькие группы...». Такое уточнение позволяет представить конкретно создавшуюся ситуацию. Я. М. Свердлов ведет рассказ от более общего к частному, достигая тем самым точности в изложении мысли.

Я. М. Свердлов использует в этой речи прием синтаксического параллелизма, который заключается в одинаковом расположении сходных членов соседних предложений

или отрезков речи. Особенно часто встречается так называемая синтаксическая анафора, то есть одинаковое построение начала предложений: «Мы заключили Брестский договор, мы решили выйти из войны, из этой ужасной мировой бойни, мы решили остаться нейтральными по отношению к той и другой империалистической коалиции, мы решили у себя в России начать создавать такую страну, которая служила бы другим ярким примером, которая зажигала бы огнем сердца рабочих других стран...».

В приведенном отрывке повторяются местоимение «мы» и глагол в прошедшем времени. Этот прием создает определенный ритм речи, позволяет слушателям следить за логикой изложения и легко запомнить содержание выступления. Возникают своеобразные опорные точки в речи: *Мы знали*, как нам тяжело будет... *мы учитывали* это, но мы полагали... *мы сможем*... *Мы говорили*: теперь мы имеем полную возможность... *Мы отдавали* себе ясный отчет... и *понимали*... *Мы взяли* за работу... *Мы натолкнулись* на сопротивление... *Мы мобилизовали* все силы... *Мы занялись* этой работой... *Мы начали* строить нашу Красную Армию... *призывали* вас... и т. д.

Заключительная часть речи достигает высокого эмоционального накала: «И если сейчас мы выступаем тут перед вами, то только для того, чтобы напомнить вам о том великом значении, которое имеет Советская власть для всего международного социалистического движения, чтобы напомнить вам о том, что вы в Октябрьские дни высоко подняли знамя социалистической революции, что вы в Октябрьские дни зажгли факел, и если вы хотите, чтобы этот факел горел ярко и чтобы его огонь и пламя распространились по всему миру, берите винтовки, держите их в руках и отстаивайте до последней капли крови те завоевания, которые уже стоили вам много крови». Эта часть выступления еще более усиливает его мобилизующее значение. Особую эмоциональную окраску придает речи своеобразная синтаксическая организация и лексика. Здесь и повтор, и побудительные формы (*берите, держите, отстаивайте*), и слова, сочетания слов, эмоционально окрашенные (*великое значение, высоко подняли знамя, революция, зажгли факел, до последней капли крови*). Высокую стилистическую окраску тексту придает метафора: *рабочие зажгли факел, который горел ярко*.

Я. М. Свердлов хорошо чувствовал аудиторию и знал читателя. Совершенно в другом ключе написана его про-

пагандистская статья «Что такое рабочая партия?», где в популярной форме разъясняются основные идеи, цели и задачи Российской социал-демократической рабочей партии. Статья написана в 1905 году, впервые была напечатана в 1906 году товариществом «Знание» (Петербург) в виде брошюры. После Февральской революции была переиздана. Обратите внимание, какое у нее непринужденное начало:

«Если вы бывали когда-нибудь в большом городе, то вы, наверное, удивлялись, какие там громадные дома, сколько там товаров, да все страшно дорогих, продаются в больших магазинах, в какой роскошной одежде ходят по улицам разные барыни и господа. Удивлялись и спрашивали себя, сколько же это все денег должно стоить!».

Эта статья предназначалась для рабочих и крестьян. Отсюда и такое начало: чтобы понять основную мысль статьи, читатель должен очень хорошо представлять себе то, о чем идет речь. Я. М. Свердлов пишет о понятиях, порой недоступных представлению непосвященного. Пишет доходчиво, не упрощая проблему и не перегружая изложение материалом, который может быть труден для читателей. Популярность достигается прежде всего конкретностью и последовательностью рассказа. Каждая мысль сопровождается наглядным примером, развивается так подробно, чтобы читатель понял и запомнил ее. Приведем только один отрывок для иллюстрации:

«Да зачем вам ходить в город да на фабрики и заводы, чтобы все это увидеть? Ведь у нас в деревне делается то же самое. Вот посмотрите, сколько народу работает на поле у богатого помещика. Работники и вспахали ему землю, и посеяли хлеб, и собрали его, и смолотили целые горы золотой пшеницы, десятки тысяч пудов. Но самим-то работникам есть ли что есть?».

Разговорность стиля, отсутствие малопонятных слов, живость изложения облегчали восприятие статьи. Вот некоторые примеры использования фразеологизмов Я. М. Свердловым в этой статье: «Не приходится ли им идти куда глаза глядят, на заработки, чтобы только как-нибудь прожить на белом свете, как-нибудь прокормить и одеть и себя и семью?». Сами фразеологизмы эмоционально окрашивают текст, а их значение, весьма общее, конкретизируется: «Как же так выходит, что люди, которые работают с утра до вечера не разгибая спины..., сами едва-едва перебиваются на свете?»; «Потому что бы-

вает и так, что работы совсем нет, и тогда в самом деле хоть „ложись да помирай“...».

Слова и словосочетания, имеющие разговорную окраску, попадая в письменную книжную речь, вызывают впечатление простоты, живости, вносят разнообразные оттенки: «Капиталист кладет ему за работу какую-нибудь плату, и работник начинает работать, чтобы не умереть с голоду»; «...Они каждую минуту могут очутиться с семьей на улице без всякого заработка, и им будет грозить голодная смерть...». *Положить плату, заработок* — все это слова, бытовавшие и понятные в рабочей и крестьянской среде.

Иногда Я. М. Свердлов обращается непосредственно к читателю: «Вот посмотрите, сколько народу работает на поле у богатого помещика»; «Вы скажете, что у них ведь деньги есть... Хорошо, но где же они взяли эти деньги?»; «Посмотрим, как же это произойдет»; «Как мы видели...». Яков Михайлович предлагает читателю участвовать в анализе материала, соглашается с его мнением или опровергает его взгляды. Таким образом, идет творческая беседа автора с воображаемым читателем.

О разговорности речи свидетельствует и частица *-то*: «Но самим-то работникам есть ли что есть?»; «...Поэтому-то они [капиталисты] и могут нанимать людей». Эмоциональность речи передается не только специальным выбором слов, но и особым их размещением. Создаются добавочные смысловые и выразительные оттенки благодаря инверсии: «Конечно, на эти деньги они могут и дорогие машины покупать, и всяких управляющих и приказчиков нанимать...».

Иногда для усиления эмоциональности фразы используется повторение союза *и* или повторение усилительной частицы *ни*: «Работники и вспахали ему землю, и посеяли хлеб, и собрали его, и смолотили целые горы золотой пшеницы, десятки тысяч пудов»; «Такой-то порядок, при котором не будет ни капиталистов, ни пролетариев, ни богатых, ни бедных, а все будут одинаково работать и одинаково пользоваться плодами своего труда, и называется *социалистическим*».

Я. М. Свердлов умело вводит в повествование новые слова и термины. В то время сравнительно новыми словами были, например, *стачка, средства производства, банкротство, пролетарий*. Вот как Яков Михайлович поясняет их: «Такой порядок в хозяйстве какого-нибудь народа, при котором на одной стороне стоят богачи-капиталисты,

а на другой — рабочие-пролетарии (так зовутся рабочие, которые могут прожить на свете, только нанимаясь к кому-нибудь на работу, только продавая свою рабочую силу), такой порядок называется *капиталистическим*; «Везде незначительная кучка капиталистов имеет в своих руках *средства производства* (средствами производства называются фабрики, заводы и т. д., которые служат для производства товаров), и везде вследствие этого на капиталистов вынуждены работать пролетарии»; «Заставить же это сделать [платить большую плату.— Н. К.] они могут лучше всего, сговорившись все сразу оставить работу, или, как говорится, устроить *стачку*, забастовать, пока хозяева не согласятся платить больше»; «Он вынужден его продавать так же дешево, как и богатый, хотя тогда у него и не будет дохода. В конце концов ему не миновать *банкротства* (разорения)». Конечно, без объяснения эти слова были непонятны рабочему читателю.

Я. М. Свердлов писал и говорил свободно и непринужденно, избегая всего того, что могло бы затруднить восприятие, вызвать непонимание, снизить эмоциональное воздействие. Он «умел говорить». А это значит, по словам А. В. Луначарского, умел «высказать свои мысли с полной ясностью, выбрать те аргументы, которые особенно подходящи в данном месте или для данного лица, придать им тот эмоциональный характер, который был бы в данном случае убедителен и уместен... Человек, который умеет говорить, то есть который умеет в максимальной степени передать свои переживания ближнему, убедить его, если нужно выдвинуть аргументы или рассеять его предрассудки и заблуждения, наконец, повлиять непосредственно на весь его организм путем возбуждения в нем соответственных чувств, этот человек обладает в полной мере речью».

Н. Н. КОХТЕВ

Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности, и даже само писанье становится менее политическим.

В. И. Ленин

СРЕДИ КНИГ

СТИЛЬ ЛЕНИНСКОЙ «ИСКРЫ» И ГАЗЕТЫ «НОВАЯ ЖИЗНЬ»

Издательством Ленинградского университета в 1979 году выпущена книга К. А. Роговой «Стиль ленинской „Искры“ и газеты „Новая жизнь“» («Искра» — первая общерусская нелегальная марксистская газета — начала издаваться в декабре 1900 года за границей. «Новая жизнь» — первая легальная большевистская газета, выходившая в 1905 году в Петербурге). Книга К. А. Роговой посвящена лингвистическому анализу статей В. И. Ленина, печатавшихся в этих газетах. В целях сопоставления анализируются творческие манеры письма других сотрудников этих газет, а также стилистические особенности газет разных политических направлений того времени. Поэтому в работе содержатся материалы (многие из них впервые включены в научный оборот), выводы и обобщения, имеющие научную ценность при изучении публицистического стиля начала XX столетия. Это был период становления и формирования принципов и основ-

ных черт литературного стиля пропагандистов ленинской школы, сыгравшей вместе с ее основателем В. И. Лениным большую роль в развитии большевистской публицистики.

Анализируя язык названных газет, автор подчеркивает важность исторических условий, в которых написаны разбираемые тексты. И в этом отношении книга К. А. Роговой представляет интерес как исследование одного из наименее изученных периодов в истории русского литературного языка.

Книга состоит из «Введения», двух разделов — «Ленинская „Искра“» и «Новая жизнь», кратко «Заключения». В конце книги дан подробный «Указатель литературы».

Основную задачу К. А. Рогова видит в исследовании ленинского публицистического стиля. Обращение к статьям В. И. Ленина при изучении стилистики первых партийных газет вполне закономерно. Публицистика В. И. Ленина определяла идейно-политический уровень и литературное «лицо» этих газет, наступательный, действенный характер партийной агитации и пропаганды. При анализе стиля газетных статей В. И. Ленина, автор подчеркивает, что «подход к тексту как к целому поз-

воляет теснее связать лингвистический анализ произведения с его содержательной стороной» (с. 15). Именно этот принцип исследования — от анализа содержания к анализу языка произведения — последовательно проведен в книге.

В разделе «Ленинская „Искра“» рассматриваются статьи В. И. Ленина (около пятидесяти). По содержательно-жанровому принципу автор делит их на агитационные и пропагандистские, особо отмечая полемические (как разновидность последних). На основе анализа текста конкретных статей устанавливаются тематические разновидности каждого из жанров, принципы композиционного построения этих статей и определенные закономерности в использовании синтаксических средств (см. выводы на с. 51—53).

В главе «Стилистические особенности политических статей в „Искре“» дан сравнительный анализ работ В. И. Ленина и Г. В. Плеханова, других сотрудников газеты. Такое сопоставление, с одной стороны, дает возможность автору подчеркнуть особенности стиля В. И. Ленина, с другой, — помогает читателю лучше понять ленинские принципы построения политических выступлений.

В разделе «Новая жизнь» автор изучает стилистические и композиционные особенности статей В. И. Ленина, опубликованных в газете. Во второй главе этого раздела «Некоторые черты стилей политических выступлений В. В. Воровского, А. В. Луначарского, М. С. Ольминского» представлена характеристика стиля ранних работ публицистов складывающейся в те годы ленинской школы. Автор изучает то общее, что сближает их стиль со стилем ленинских статей, и выясняет принципы, которые разрабатывались в процессе становления большевистской публицистики. Третья глава «Газетное окружение „Новой жизни“» знакомит читателя с газетами буржуазного направления — «Гражданин», «Новое время», «Русское слово».

Книга К. А. Роговой открывает новую страницу в научном изучении публицистического наследия В. И. Ленина, в разработке стилистических проблем мастерства публицистов ленинской школы. Она будет весьма полезна пропагандистам, агитаторам, лекторам, особенно в связи с Постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ

О НОРМАХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Русский литературный язык наших дней является живой связующей нитью поколений. Он впитал в себя все лучшее, здоровое из народной речи, стал не только средством межнационального общения народов Советского Союза, но и по праву занял место в числе мировых языков. Наш литературный язык воплощает мировоззрение русского народа, отражая, как в зеркале, достижения его национального духа и культуры. Литературным языком называют исторически сложившуюся высшую (образцовую, обработанную) форму национального языка, обладающую богатым лексическим фондом, упорядоченной грамматической структурой и развитой системой стилей.

Литературному языку присущи особые свойства. Это, во-первых, наличие определенных норм (правил) словоупотребления, ударения, произношения и т. д., соблюдение которых имеет общеобязательный характер независимо от социальной, профессиональной и территориальной принадлежности носителей данного языка; во-вторых, стремление к устойчивости, к сохранению общелитературного наследия и литературно-книжных традиций; в-третьих, приспособленность не только для обозначения всей суммы знаний, накопленной человечеством, но и для осуществления отвлеченного, логического мышления; и наконец, стилистическое богатство, которое заключается в обилии синонимических средств, что позволяет достигать наиболее эффективного выражения мысли в различных речевых ситуациях.

Особое значение для формирования правильной, литературной речи имеет соблюдение норм, отражающих объективные закономер-

ности языковой системы и одобряемых современным обществом. Важно при этом заметить, что проблема культуры речи не являлась бы столь сложной и острой, если бы языковые нормы были неизменны, постоянны. Однако наш язык находится в вечном развитии и обновлении. От поколения к поколению изменяются и языковые нормы. Во времена Пушкина, например, произносили: *библиотека, музыка, кладбище, засуха, филолог, психолог*. Помните в романе «Евгений Онегин»: «Вошел. Полна народу зала; Музыка уж греметь устала...». Или там же:

Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище...

Заметьте — рифмуется: *жилище — кладбище*. Причем это не поэтическая вольность: такова была норма ударения в XIX веке. Еще сравнительно недавно, в начале XX века, говорили: *варит, дружит, пбезды*, а мы говорим теперь: *в́арит, др́ужит, поезд́а*. Постепенно отмирают одни правила употребления слов и появляются другие, которые первое время кажутся странными и неприемлемыми.

История науки знает множество случаев, когда новообразования, которые оценивались сначала как факторы, разрушительные для языка, в действительности часто оказывались весьма благотворными и получали впоследствии всеобщее признание и одобрение. Примечательна в этом отношении судьба слова *открытка*. Оно впервые появилось на рубеже XIX—XX веков и было весьма недружелюбно встречено блюстителями чистоты языка, считавшими единственно правильным словосочетание *открытое письмо*. Но время взяло свое, и теперь слово *открытка* употребляют все.

Важно отметить еще и то, что для развития языка и его норм не характерны резкие скачки, крутая ломка сложившихся речевых навыков. Язык в целом (если не считать лексических новообразований) изменяется медленно, постепенно. Для существенных, ощутимых сдвигов, как правило, недостаточно жизни одного поколения.

Обычно при развитии языка старая и новая нормы как бы временно сосуществуют, конкурируют друг с другом. Так появляется неизбежная и насильственно неустраняемая (хотя и не всегда желательная) в а р и а н т н о с т ь нормы. Именно поэтому чаще всего и возникают колебания и сомнения. Сотрудники Института русско-

го языка АН СССР ежедневно отвечают на десятки вопросов такого, примерно, рода: как правильно — *догово́р* или *дбговор*, *премиро́вать* или *преми́ровать*, *индѹстрия* или *индустри́я*, *металлѹргия* или *металлурги́я*, *же́льч* или *желчь*, *инстру́кторы* или *инструктора́*, *в отпу́ске* или *в отпуску́*, *вершить судьбы* или *вершить судьба́ми*?

Устанавливая норму, лингвисты следуют не своему вкусу или личному мнению, а опираются на объективные данные: письменные источники разных жанров, закономерности развития литературного языка, статистические сведения, записи устной речи, результаты опроса, учет общественного мнения и многое другое. Главную роль среди них, пожалуй, играет картотека цитат (самая крупная словарная картотека — около шести миллионов карточек — находится в Ленинграде), в которой представлены образцы словоупотребления у писателей и поэтов XIX—XX веков.

Дело в том, что нормы литературного языка обнаруживаются в первую очередь в его более устойчивой письменной основе. Социальные преобразования последних десятилетий (всеобщая грамотность, рост культурно-образовательного уровня и влияния книги, распространение средств массовой информации и т. д.) еще более укрепили приоритет письменной основы русского литературного языка.

Неверно было бы, однако, представлять себе письменную основу норм литературного языка только в виде свода орфографических правил, то есть сводить нормализацию нашей речи лишь к требованиям правописания. Соблюдение орфографических норм весьма важно, обязательно, но далеко не исчерпывает понятия «правильность речи». Ориентация норм литературного языка на письменную основу рассматривается в науке как опора на литературно-книжные традиции, укрепляющие преемственность речевых навыков.

Необходимым признаком грамотной речи является правильная постановка ударения. Между тем даже от образованных людей нередко можно услышать: *килбметр*, *квартал*, *каучук*, *заголовок*. Согласно литературной норме, следует говорить: *киломе́тр*, *кварта́л*, *каучу́к*, *заголо́вок*. Особенно часто встречаются ошибки в ударении у страдательных причастий. Нередко мы слышим: *засе́ленный*, *привезе́нный*, *прове́денный* (собрание *прове́дено*). Следует говорить: *заселе́нный*, *привезе́нный*, *проведе́нный* (собрание *проведе́н*). Правда, некоторые из указанных ошибочных ударений весьма распространены. Однако одни лишь количественные показатели еще недостаточны для признания прав литературной нормы.

Известно, что некоторые необычные для общелитературного языка ударения встречаются в профессиональной речи. Так, горняки предпочитают говорить *дббыча*, военные моряки — *компа́с* и *ра-*

пбрт, у физиков принято ударение *атбмный*, у математиков — *комплéкс*, у медиков — *агонíя*, у летчиков — *шáсси* и т. п. Однако такие акцентные варианты допустимы лишь в узкопрофессиональной среде и являются ошибочными с точки зрения общих норм литературного языка. Конечно, нормы ударения не остаются неизменными. Было время, когда образованные люди говорили *климáт*, *профíль* (а не *клíмат*, *прбфиль*, как теперь). Еще недавно, например, ударение *дбговор* считалось грубейшей ошибкой, единственно правильным признавалось традиционное ударение *договбр*. Новейшие словари русского языка признали ударение *дбговор* допустимым, но сниженным (разговорным) вариантом современной литературной нормы. Таким образом, предпочтительным остается традиционное ударение *договбр*.

Чрезвычайно важно владеть нормами литературного произношения. В первую очередь следует освободиться от пережиточных диалектных особенностей. Даже среди интеллигенции еще встречается произношение: *плбтит*, *заплбтит*, *уплбченный*. Согласно норме, в этих случаях произносится гласный *а*: *плáтит*, *заплáтит*, *уплáченный*. Отмечено также ненормативное твердое произношение губных согласных, типа: *сем*, *восем*, *семдесят* и т. п., тогда как *м* в этих словах нужно произносить мягко: *семь*, *восемь*, *семьдесят*.

Нередко наблюдается искусственное, манерное произношение твердых согласных перед *е* в заимствованных, но уже освоенных русским языком словах: *тэкт*, *тэрмин*, *конкрэтно*; в указанных словах сейчас рекомендуется мягкое произношение согласных: *текст*, *термин*, *конкретно*. Впрочем, некоторые другие иноязычные слова произносятся пока что с твердым согласным: *интэграл*, *апартэйд*, *кашнэ* и др. Поэтому, чтобы не ошибиться в произношении, следует востоянно обращаться к новейшим орфоэпическим справочникам.

Как уже отмечалось, русский литературный язык обладает богатейшим лексическим фондом. Но любым богатством нужно пользоваться умело и нерасточительно. Неточное знание смысла слова или утрата «чувства соразмерности исообразности» при сочетании слов ведут к нарушению лексических и стилистических норм. Особенно необходимо уместное применение слова в присущем ему лексическом значении. Часто смешивают слова, близкие по звучанию, но не совпадающие по смыслу (языковеды называют такие пары слов *паронимами*). Так, в одном из сочинений абитуриентов встретилась фраза: «У Павла Власова рождается *гордыня*...». Здесь следовало бы употребить слово *гордость*, которое имеет значение:

чувство собственного достоинства, самоуважения. Слово же *гордыня* не подходит для характеристики Павла Власова, оно означает: чрезмерно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим; высокомерие, заносчивость. Уместное применение слова *гордыня* мы находим в поэме Лермонтова «Демон»: «На сердце, полное гордыни, Я наложил печать мою...».

Не только в устной, но и в письменной речи наблюдаются ошибки в сочетании слов. Можно услышать такие фразы: «родилась новая традиция» или «завести хорошую традицию». Но ведь слово *традиция* означает то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих. Традицией можно назвать лишь уже установившийся ранее обычай, но не только что совершенное действие. Поэтому *традицию* можно *беречь, оберегать, хранить, сохранять, укреплять, поддерживать*, ей можно следовать, но традиция не может внезапно родиться и ее нельзя в один прием завести.

Или вот другой пример. В письменной речи иногда встречаются такие конструкции: *увеличить уровень, уровень увеличился* или *уменьшился* и т. п. Но ведь слово *уровень* сочетается с глаголами *повышаться* или *понижаться*, а не *увеличиваться* или *уменьшаться*.

Нарушение норм сочетаемости слов весьма типично. Пишут, например: «одержать первенство» вместо *завоевать первенство* или *одержать победу*, «предпринимать усилия» вместо *прилагать усилия* и даже... «уповать на лаврах» вместо *почивать на лаврах*.

Распространенной ошибкой как письменной, так и устной речи является употребление тавтологических сочетаний, в которых определение или зависимое слово повторяет признак, уже содержащийся в главном слове. Вот несколько типичных примеров ошибочных словосочетаний: «моя автобиография», «мемориальный памятник», «главная суть» (как будто бывает второстепенная суть!), «преднамеренная провокация», «промышленная индустрия» и т. п. Эти избыточные словосочетания не соответствуют нормам литературного словоупотребления.

Следует разумно и умеренно пользоваться иноязычными словами, не привлекать их без надобности. Стремление всегда и везде выражаться внушительно и наукообразно — вредная мода. Многих справедливо возмущает неоправданное употребление иноязычных слов, имеющих соответствия в русском языке, таких, как: *доминировать, утрировать, превалировать* и т. п. Не к месту часто применяются слова *параметры, коллизия, индифферентно* и др. Говорят: «параметры воротника», когда проще и правильнее сказать: *размеры воротника*. Еще недавно спортивные комментаторы правильно говорили: *внести поправки в таблицу чемпионата*, теперь же все чаще вносят *коррективы* или даже *коррекциии!*

Борьба с модным словесным балластом является важным звеном пропаганды и укрепления русского языка как мирового языка нашего времени. Злоупотребление научной и профессиональной лексикой, броскими и эффектными словечками не украшает и не упрощает нашу речь. Чем выше уровень общей культуры, тем меньше претензий на оригинальность. Простота, ясность и точность — вот черты подлинно литературного языка.

Теперь несколько слов о грамматике. Бесспорно, что правильность речи в значительной мере определяется знанием и соблюдением грамматических норм. Еще М. В. Ломоносов писал: «Тупа оратория, коспозычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики» (Российская грамматика, с. 392). Применение грамматических вариантов (что как раз и вызывает наибольшие трудности) нередко связано с их смысловыми или стилистическими различиями. Форму *лагери* следует употреблять, когда речь идет о политических группировках, а *лагеря* — при обозначении учреждений для летнего отдыха детей или временных стоянок: *пионерские, туристские лагеря*. В прямом значении говорят *тормозá* (*нажать на тормоза*), *двигает* (*он двигает шкаф*), в переносном — *тбрмозы* (*тормозы общественного развития*), *движет* (*им движет самолюбие*). В официальной и публичной речи (тем более в письменной) следует придерживаться традиционных форм: *инструкторы, слесари, в отпуске, в цехе* и т. п., но в обиходном общении, в непринужденной обстановке речи допустимы и варианты *инструкторá, слесаря́, в отпуску́, в цеху́* и т. п.

Динамичный темп современной жизни, бурное развитие науки и техники ведут к возникновению новых слов и значений. Существенные сдвиги происходят и в нормах словоупотребления. В современном литературном языке причудливо совмещаются старое и новое, устойчивое и недолговечное, полезное и излишнее (а бывает и вредное). Эта сложная система разнородных элементов находится в состоянии непрерывного развития и изменения. Ориентироваться в этом колеблющемся океане слов — нелегкое дело. И конечно, лучшими помощниками и путеводителями для всех нас служат современные толковые словари, нормативные справочники разных типов, в которых каждому слову дается исчерпывающая характеристика, указываются значение, ударение, грамматические формы, стилистическая окраска слова, приводятся типичные сочетания и примеры-цитаты из художественной литературы.

В заключение следует подчеркнуть, что освоение норм литературного языка — это длительная и постоянная работа. Сейчас каждому из нас недостаточно быть хранителем культурной языковой традиции. Необходимо тем или иным образом участвовать в борьбе за совершенствование языка. Успех этой работы в значительной мере зависит от уровня общей культуры, расширения гуманитарных знаний и филологического кругозора.

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ
Ленинград

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

К. Т. Попов из Донецка спрашивает: «Различаются ли между собой слова *аналогический* и *аналогичный*?».

Данные слова различаются значениями. *Аналогический* — «основанный на аналогии» (*аналогический метод*); *аналогичный* — «сходный, подобный» (*аналогичный случай*).

Т. П. Морозова из Воронежа пишет: «В разных сборниках восточных сказок встречаются слова *халиф* и *калиф*. Какое из них ошибочное?».

Можно употреблять и то, и другое слово. Ошибки в этом нет.

Н. Т. Зуева из Подольска (Московская обл.) спрашивает: «Как следует писать в родительном падеже множественного числа слово *баклажаны*: *баклажан* или *баклажанов*?».

Следует писать *баклажанов*. Форма *баклажан* (р. п. мн. ч.) — разговорная.

ИТР И НОВОЕ В ХУДОЖЕСТ- ВЕННОЙ РЕЧИ

В современной русской прозе хорошо известны языковые выразительные средства, широко распространенные в классической беллетристике прошлого столетия: метафоризация, обыгрывание полисемии (многозначности слова), омонимии, паронимии, синонимии и антонимии, создание индивидуально-авторских неологизмов, а также игра на «внутренней форме» слов. Постоянный рост профессиональной и терминологической лексики в результате развития и распространения научно-технических знаний, повышение престижа науки и техники, увеличение количества людей, которые являются носителями специальных знаний, — всё это способствует более широкому использованию традиционных в литературе языковых средств экспрессии.

Объектами переносных употреблений были слова, обозначающие детали пейзажа (леса, реки и т. п.), стихийные проявления природы (волны, гром) и др. В современной же прозе все чаще олицетворяются произведения рук человека — автомобили, корабли и другие машины. Приведем замечание К. Паустовского о метафоричности речи М. Лоскутова: «Прочтите в его книге эпизод с грузовой машиной. Она стоит на обочине дороги, мотор у нее работает вхолостую, и кажется, что машина трясется от злости... Проезжие, думая, что у него неполадки с мотором, останавливаются и предлагают помочь. Но шофер мрачно отказывается и говорит: — Ничего. Она постоит, постоит и пойдет. Это она характер показывает» (Михаил Лоскутов).

У К. Паустовского нередки и примеры, в которых технические средства вовлекаются в сферу человеческих отношений: «...обер-

кондуктор... прикладывал ко рту свисток и залиvisto свистел. Паровоз не отвечал, все так же отдуваясь. Тогда обер-кондуктор лениво шел к паровозу и снова свистел. Паровоз не откликнулся. Только на третий или четвертый свисток он, наконец, огрызнулся коротким недовольным гудком и медленно трогался» (Далекие годы).

В каламбурной игре, связанной с полисемией, омонимией и паронимией, писатели все чаще прибегают к социально-экономическим и научно-техническим терминам: «Когда чиновники говорят о положении фабрично-заводского дела, о *положении* рабочих, вы все знаете, что это — *положение* во гроб» (М. Горький. Леонид Красин); «...Аппарат, повернувшись в воздухе, как ключ в скважине, вокруг своей оси, несется дальше в пространстве. Это уже второй *переворот*, не октябрьский, не февральский, а просто *переворот* самолета в воздухе» (М. Кольцов. Мертвая петля).

Возникают экспрессивные неологизмы, отражающие новый уровень человеческих знаний и современной действительности. Это окказиональные слова, созданные разными способами словообразования, характерными для русского языка, и как бы отражающие современную профессиональную лексику и терминологию: *радиосолдат* (Нагибин. Радиосолдат), *гнездостроительство* (Нагибин. Страницы жизни Трубникова), *Межоблкормлошбюро* (Тропольский. Кандидат наук), *Горпромбазгорпошив* (Бондарев. Родственники).

Следует указать и на такой прием, как обыгрывание «внутренней формы» слов: «Между прочим, наименование этих полицейских — „городовых“ москвичи шутливо относили к нечистой силе, считая, что в *лесу* есть *леший*, в *воде* — *водяной*, в *доме* — *домовой*, в *городе* — *городовой*» (Телешов. Москва прежде); «Передо мной стоял небритый хилый юноша в очках. Он ждал понуро и молча. Когда очередь дошла до него, то на вопрос офицера о профессии он ответил: — Я *гидрограф*. — *Граф*? — переспросил офицер, откинулся на стуле и с нескрываемым удовольствием посмотрел на юношу. — Редкая птица! Были у меня дворяне и даже бароны, но графов не было. — Я не граф, я гидрограф. — Молчать! — спокойно сказал офицер. — Все мы графы. Знаем мы этих графов и этих гидро-графов» (Паустовский. Начало неведомого века).

В художественных текстах распространен также прием использования окказиональных значений, возникающих в результате переосмысления слов, намеренного или нечаянного (по незнанию).

«Вот, говорит, как нас тут, фронтовиков, поболе соберется, мы этим начальникам живехонько фортификацию сообразим... Так и говорит: фортификацию.— Ишь ты! Это, значит, как же? — А так, говорит: были — и нету!» (Г. Марков. Сибирь) — здесь ошибочность употребления одним из героев слова *фортификация*, возможно, объясняется некоторым сходством с более известным в то время словом *экспроприация*. Кроме характеристики персонажей по степени их образованности, этот прием нередко служит и созданию комического эффекта. В «Поднятой целине» М. Шолохова, в речи деда Щукаря, читавшего словарь и не разобравшего без очков объяснений к заглавным словам: «*Адаптер* — означает: пустяковый человек, вообще сволочь, и больше ничего. *Акварель* — это хорошая девка, так я соображаю».

Особый случай предположительно окказионального значения слова *фольклор* находим у М. Пришвина; в период послевоенной разрухи магическое действие мало кому тогда известного слова помогло ему провезти свои вещи: «В Москве я выпросил у Луначарского мандат на соби́рание фольклора и на тюке, в котором были зашиты все запрещенные вещи, написал красным карандашом: фольклор, продукт не нормированный. Слово *фольклор* действовало так же решительно» (Охота за счастьем).

Новая лексика, возникающая в языке в результате развития науки и техники, таким образом, вовлекается в художественное использование, расширяя возможности издавна употребляемых в литературе языковых средств выразительности.

●

В художественных произведениях применяются также новые способы создания языковых выразительных средств. Назовем некоторые из них, характерные почти исключительно для советской литературы. Первый прием, который может быть назван окказиональным управлением, проявляется в том, что в словосочетании при сохранении его структуры заменяются зависимые слова: «Я всю жизнь куда-то шел. Ничего, думал, *приду*. Куда? *В Париж? В Венецию? В Краков?* Нет, *в закат*» (Ю. Олеша. Ни дня без строчки). Рассматриваемые словоупотребления наблюдаются в произведениях М. Горького, Л. Соболева, Ю. Тынянова, К. Паустовского, С. Дангулова, С. Залыгина, Ю. Нагибина и некоторых других советских писателей, особенно часто у А. Малышкина. В литературе прошло-

го столетия можно указать на пример у А. Герцена: «Другой брат совсем не жил, он служил жизнь, как священники служат обедню» (Былое и думы).

Новый в советской прозе и прием парцелляции (интонационного расчленения предложения на слова), служащий прежде всего для выражения эмоций: «— Докладывают, что бьют немцев, они падают. А часть тех, что ушли, возвратились обратно к насыпи. Ничего. Побьем. Всех.— Он произносит эти три слова отдельно, через точки» (Симонов. Незадолго до тишины); «Идея! — издали закричал Тулин.— Есть идея! Падай мне в ноги, так и быть помилую! Я! Беру! Зачисляю! К! Себе! В! Группу! Вот!» (Гранин. Иду на грозу) — здесь парцеллированы и предлоги; «Что? Это голос Меженина? Он стрелял из орудия? Зачем? Княжко? Андрей? Неужели Андрей? Неужели он? Неужели это случилось? Это залегшая пехота? Перлин? Здесь? После самоходок? Сегодня? Сейчас? После того, как выбросили флаг о сдаче? Стреляли из мансарды? Ранен? Убит? В бою с мальчишками? Какие мальчишки? Кто-то кричал в доме! Зачем он пошел? Перлин? Что кричит Перлин? Что с расчетом? Где расчет? Где снаряды? Снаряды! Снаряды! Разгромить, уничтожить, сжечь этот дом! И туда, к Андрею, к Андрею! Я знаю, что он не убит! Нет, очередь в упор! В грудь или в голову? Снаряды! Снаряды!» (Бондарев. Берег).

У Ю. Тынянова парцелляция служит для передачи глубокого раздумья:

«Спокойствие.

Будущее неясно.

Но.

Но нужна дружба с русскими. И он действительно прекрасный человек, Грибоедов. К тому же он молод» (Смерть Вазир-Мухтара) — здесь выделяются отдельные слова в абзацы, употребляются и союзы, представляющие собой даже своеобразные «абзацные фразы», которые повторяются в началах последующих абзацев.

Прием парцелляции, пришедший в прозу, как и многие другие языковые выразительные средства, из поэзии, также преимущественно современной, в русской дореволюционной прозе не обнаружен (о парцелляции в фельетонах М. Кольцова см.: «Русская речь», 1979, № 5).

Наконец, еще один прием — обновление сочетаемости слов с фразеологически связанными значениями. В мемуарах И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь»: «Говорят: глубокая ночь, глубокая

осень; вспоминая 1943 год, мне хочется сказать: *глубокая война*. Мир уже забылся и еще не мерещился — яркая экспрессивность слова *глубокий* (достигший полноты своего проявления, высшего предела) в соединении со словом *война*. Несомненная «рассудочность» этого приема естественно связывает его с прозаической, а не собственно поэтической речью. Например, *вселенский расстрел* (Паустовский. Начало неведомого века); *совершать счастье* (Симонов. Солдатами не рождаются); *сильные уши* (Воронин. Гантиади).

Подобные словоупотребления часто совпадают с приемом метафоризации, особенно часты они у К. Паустовского: «над морем *всходил беззвучный полдень*» (Морская прививка); «синими взрывами *разверзались зарницы*» (Кара-Бугаз); ураган «зарождался вблизи, *в пучине* неописуемо страшной и душной ночи» (Черное море); встречаются у М. Кольцова, И. Ильфа и Е. Петрова, В. Кожевникова, В. Ардова и некоторых других советских авторов. Примерно из пятидесяти обнаруженных в русской прозе случаев использования этого приема лишь несколько, к тому же экспрессивно значительно менее яркие, относятся к дореволюционной литературе. У Л. Толстого: «Унывать, беспокоиться и интриговать могли только в главной квартире, а в *глубокой армии* и не спрашивали себя, куда, зачем идут» (Война и мир); единичные примеры есть у Ф. Достоевского, А. Чехова и А. Куприна.

Материал русской художественной прозы XIX—XX веков, в том числе и произведений последнего десятилетия, позволяет утверждать, что развитие науки и техники способствует прежде всего расширению круга экспрессивно используемых слов, а также употреблению новых слов профессионально-технического характера. Новые же приемы создания языковых художественных образов, характерные преимущественно для советской русской прозы, — результат творческих поисков писателей, использующих неисчерпаемые ресурсы языка.

В. П. КОВАЛЕВ
Херсон

ОТ ТЕРМИНА —

В наш язык постоянно входят термины — слова и словосочетания из профессиональной сферы употребления. Эта статья расскажет об особенностях преобразования термина, лежащего в основе развития фразеологизма (устойчивого сочетания слов, обладающего переносным значением). Употребляются подобные выражения, как правило, тогда, когда мы хотим сильнее выразить свою мысль, показать эмоциональное отношение к тому, о чем говорим. Например, некоторые технические термины из области сопротивления материалов обладают образностью: *усталость металла, запас устойчивости, запас прочности*.

Внутренняя форма таких словосочетаний отражает признаки, на основе которых возникают сами термины. Один из этих признаков может быть основой при развитии переносного значения, ведущего к образованию фразеологизма. Так, терминологическое словосочетание *запас прочности* расширяет сферу употребления, как бы «прикладывая» свое значение к другим предметам: «Важно отметить, что фрукты приобретают в камере *запас прочности*, — после хранения они еще 8—10 дней сохраняют свежесть и аромат» («Правда», 20 февраля 1976). Проследим на примерах, как формируется переносное значение.

«Коллективы предприятий хотят работать по напряженному плану, но они хотят также иметь и определенный *запас прочности*, который гарантировал бы выполнение государственных планов» («Журналист», 1976, № 2) — фразеологизм получил значение «гарантия»; «Зная его лишь по газетным и научным публикациям, представляешь себе маститого ученого... А он, оказывается, совсем молодой. И молод его эксперимент. Откуда же такой *запас прочности*, столь быстрый взлет человека и дела?» («Правда», 12 декабря 1975) — здесь значение фразеологизма — «большие возможности, мастерство».

Словосочетание *строительный материал* также развивает переносное значение на основе главного для содержания термина признака. Отсюда и близость между термином и фразеологизмом, однако фразеологизм более абстрактен, его сочетаемость шире: «Разумеется, я ни на минуту не забываю, что язык — *строительный материал* для создания прекрасного, помню о том, чего ждут от своих писателей советские люди» («Известия», 23 октября 1976) — «то, что служит основой при создании чего-либо, самое важное».

Восходят к разным терминологическим системам и не соотно-

К ФРАЗЕОЛОГИЗМУ

ются между собой выражения *высший пилотаж* и *высшая математика*. Развитие же переносного значения позволяет говорить об их сближении, но уже на уровне фразеологическом: «Все это — своего рода *высшая математика* речевой деятельности, которой необходимо обучать даже носителей данного языка» (А. А. Леонтьев. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному); «А вообще не всякий судоводитель может работать в портфлоте. Здесь особый дар нужен... *Высший пилотаж*, можно сказать» («Смена», 4 января 1976). На основе внешнего и отчасти внутреннего сходства различных терминов при фразеологизации происходит их сближение.

Сочетание *безвоздушное пространство* при переносном употреблении образует фразеологизм с отрицанием — *не в безвоздушном пространстве*, то есть «при воздействии жизненных обстоятельств»: «Человек живет *не в безвоздушном пространстве*, а в коллективе, в обществе. Для нормального же функционирования любого общества необходимо, чтобы каждый уважал права и законные интересы других лиц» («Новое время», 1977, № 29). В основе переноса лежит признак «отсутствие воздействия атмосферы», являющийся лишь одним из существенных для терминологического значения.

Смысловое изменение может идти и в другом направлении, при использовании элемента «отсутствие воздуха». Именно на таком переносе основано окказиональное выражение *бездушное пространство* — «условия, в которых невыносимо жить психологически»: «Через пять минут после встречи люди кажутся мне давно знакомыми, и я могу с ними свободно разговаривать. Но это не всегда понимают они. И вот я одна. Одинока. Как еще можно выразить тот вакуум, нет, *бездушное пространство*, вокруг меня» («Комсомольская правда», 16 февраля 1978).

Термин *кривое зеркало* развивает переносное значение с отрицательной эмоциональной оценкой и образует фразеологизм *в кривом зеркале* (искаженно, извращенно). Этот признак — несущественный для термина, так как его специальное значение — оптические характеристики, относящиеся к увеличению или уменьшению изображаемого объекта. Искажение же — лишь итог зрительного, чисто бытового восприятия данного явления. Значение фразеологизма соотносится с содержанием термина опосредованно; в этом сыграло большую роль распространение кривых зеркал в качестве

аттракционов: «Человек первый раз приезжает в город — тут и зверинец с невиданными зверями, да еще карусель, да еще аттракцион кривых зеркал» (Айтматов. Ранние журавли). Происходит перемещение смыслового центра — признак «искажение» становится основным. Терминологическое значение уступает место прежде всего внешним, доступным (в данном случае — глазу) явлениям. Значение фразеологизма *в кривом зеркале*, таким образом, формируется на основе побочного признака.

Физический термин *центробежная сила* получает устойчивое переносное значение, позволяющее говорить об образовании фразеологизма в значении «тенденции, препятствующие объединению, сплоченности»: «Процесс капиталистической интеграции в Западной Европе протекает крайне болезненно и противоречиво, на него постоянно оказывают тормозящее влияние присущие капитализму *центробежные силы*» («Международная жизнь», 1976, № 6). Антонимичное словосочетание *центростремительная сила* получает переносное значение при употреблении вместе с выражением *центробежная сила*: «Стригунову казалось, что он знает законы, определяющие жизнь коллектива... Задача руководителя — развить силы центростремительные и беспощадно пресечь центробежные... Центробежные опасные силы — все излишнее самостоятельное, непокорное, самолюбивое» («Литературная газета», 1977, № 21). В основе фразеологизмов *центробежная сила* и *центростремительная сила* лежат основные признаки, существенные для терминов.

Представляют интерес случаи, когда при образовании фразеологизмов смешиваются разные источники. Например, математический термин *острый угол* (угол меньше 90 градусов) внешне совпадает с выражением, в основе которого лежит признак «суживающийся к концу». Параллельно существует фразеологизм *острые углы* (проблема, конфликт): «Проверку доверили ведомственной комиссии, и она обошла многие острые углы» («Известия», 4 июня 1976); Заголовок: «Мяч с острыми углами» («Футбол — хоккей», 1978, № 24). В основе фразеологизма лежит представление об остром угле как о предмете, который может уколоть, поранить, обо что можно ушибиться и т. д.

В прессе встречается рубрика «Под острым углом» (см., например, «Известия», 25 июля 1976) — перенос здесь также опирается на бытовую ассоциацию «режущий, колющий», словосочетание означает «принципиальный, критический подход к какому-либо делу, непримиримость к недостаткам». Но сама падежная форма *под острым углом* отражает пространственные представления. Так соединяются переносное значение бытового словосочетания и синтаксическая форма терминологического выражения. В результате омонимичности исходных выражений значение фразеологизма *под острым углом* совмещает различные источники.

К. П. СИДОРЕНКО

КУПИЛ ПАЛЬТО —

ОДНО

ИЛИ

НЕСКОЛЬКО?

Грамматическое
и реальное
число

Большинство русских существительных обозначает либо один предмет, либо несколько, то есть более чем один: *дом — дома, день — дни, дорога — дороги*. Однако некоторые существительные называют предметы, не подлежащие счету. Это названия веществ, материалов (*молоко, сливки, тес, дрова, духи*); собирательные существительные (*студенчество, листва, обувь, джунгли, финансы, деньги*); существительные со значением действий или состояний (*паника, хлопоты*); названия игр (*казаки-разбойники, пряталки, футбол, реэби*); собственные наименования (*Черемушки, Бирюлево, Сочи, Таллин*).

В русском языке немало существительных, которые обозначают предметы, подлежащие счету, но не выражающие значение количества предметов формально. Можно выделить две группы таких существительных: 1) изменяемые: *сани, брюки, ворота, ножницы*; и 2) неизменяемые, то есть не изменяющиеся по падежам и числам: *пальто, такси, кенгуру* и т. д. Так, в предложениях *Подъехали сани, Заскрипели ворота, Купил пальто, Увидел такси* нельзя ответить на вопрос, о каком количестве предметов — саней, ворот, пальто или такси — идет речь. Ответ может быть получен только с привлечением более широкого контекста, который помогает понять, что куплено, например, одно пальто. В случае неединичности предметов должно быть специальное указание: *купил два или три пальто*. Языковой контекст также может указывать на количество. «Подъехали сани и из них выскочил красноармеец» — конечно, сани были одни: выскочить из многих саней один красноармеец не мог. «Подъехали сани, и из них выскочила рота солдат» — видимо, саней было много, так как рота солдат в одних санях не поместилась бы. А в предложении «Подъехали сани, и из них выскочили красноармейцы» — количество саней остается неясным, поскольку слово *красноармейцы* может

обозначать и двух человек (тогда разумнее всего предполагать одни сани) и сотню (значит, сани были не одни).

Таким образом, с точки зрения реального противопоставления предметов по количеству существительные могут быть разделены на две группы: несчетные (*молоко, сливки, бегодня, хлопоты, регби, футбол*) и счетные. В свою очередь счетные имеют следующие значения: единичности (называют один предмет): *дом, корова, поле, день*; множественности (более чем один предмет): *дома, коровы, поля, дни*; количество предметов неясно: *ворота, сани, такси, пальто, кенгуру*.

Вместе с тем каждое существительное, независимо от количества обозначаемых им предметов, принадлежит к грамматическому числу: единственному или множественному. И то и другое число имеет свою систему окончаний существительных и согласованных с ними слов: *Течет вкусное молоко* и *Текут вкусные сливки*. Неизменяемые существительные характеризуются единственным или множественным числом согласуемых слов: *Подъехало свободное такси* и *Подъехали свободные такси*; *Висит новое пальто* и *Висят новые пальто* и т. п.

С точки зрения числа как грамматического признака все формы существительных могут быть распределены по следующим группам: 1) имеющие значение единственного числа (*молоко, бегодня, футбол, молодежь, дом, корова, листва, студенчество, поле, день*); 2) множественного числа (*сливки, хлопоты, опилки, дома, дни*); 3) значения обоих чисел (*такси, пальто, кенгуру*).

Таким образом, если мы говорим о каком-либо существительном, что оно единственного числа, то это не значит, что оно обозначает один предмет. Точно так же один предмет не обязательно должен быть назван существительным единственного числа. Например, *коровы*: грамматическое и реальное число — множественное; *сани*: грамматическое число — множественное, реальное — неясно; *молоко*: грамматическое — единственное, вопрос о реальном числе не имеет смысла; *хлопоты*: грамматическое — множественное, вопрос о реальном числе не имеет смысла.

Итак, грамматическое значение числа у существительного может не совпадать с реальным количеством предметов, названных этим существительным. Однако возможны и такие случаи, когда и грамматическое и реальное числа совпадают, но в определенных условиях формы единственного и множественного числа употребляются не в своем прямом значении. Например, *рыба* — единственное число, обозначает один предмет. Однако в предложении «Здесь рыба водится» слово *рыба* употреблено примерно в том же значении, что и в предложении «Здесь рыбы водятся», то есть реальное число — множественное.

Во множественном грамматическом числе могут выступать даже несчетные существительные: *чай распиваете; по Лондонам и Парижам разъезжаете*. В разговорной речи иногда множественное число получает значение единственного: «У нас гости: Саша приехал» или «У тебя родственники есть: к брату обратись».

Таким образом, под влиянием контекста реальное единственное и множественное числа переосмысляются.

По мнению некоторых исследователей, замена форм одного числа формами другого числа в русском языке может передаваться значение определенности-неопределенности. Как известно, эта категория существует во многих европейских языках и выражается с помощью артикля, а в русском языке она отсутствует. Единственное число существительных может получать значение множества неопределенных предметов, а множественное число указывать на то, что предмет неопределен, неизвестен. «Здесь рыба водится» и «Здесь *какие-то* рыбы водятся» — перед существительным *рыбы* вставлено слово *какие-то*. Следовательно, в зависимости от контекста может нарушаться связь между грамматическим и реальным числом, а также возникать новый элемент смысла, связанный с определенностью-неопределенностью.

Противопоставление единственного и множественного числа формально выражается по-разному. Счетные существительные могут, например, иметь разные основы в единственном и множественном числе: *человек — люди, ребенок — дети*. В русском языке известны также факты, когда формально слова противопоставлены по числу, а в действительности представлены иные значения — действие и его результат: *посадка деревьев и молодые посадки, начался посев и посеvy зазеленели*; вещество и виды вещества: *вино и вина* (крепленое, сухое, шипучее), *вода и воды* (фруктовая, минеральная, газированная); качество предмета и сам предмет, обладающий этим качеством: *емкость бака и все емкости заняты*. Есть в русском языке и случаи, когда многозначному слову единственного числа соответствуют несколько слов множественного числа, каждое со своим значением: *зуб — зубы* (у человека или животного) и *зубья* (у инструмента); *лист — листы* (бумаги) и *листья* (на дереве).

Таким образом, между грамматическим значением числа и обозначением одного или более чем одного предмета существуют весьма сложные и противоречивые отношения.

И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ

В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

В соответствии с основными направлениями исследовательской деятельности Института русского языка АН СССР в его структуре представлены 14 подразделений — 12 секторов и 2 группы. Среди них секторы: современного русского языка, культуры русской речи, грамматики и истории русского литературного языка, литературного языка и стилистики, структурных методов изучения языка и лингвистической поэтики, «Словаря языка В. И. Ленина», изучения русского языка как средства межнационального общения, этимологии и ономастики, сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков, истории русского языка и диалектологии, лингвистического источниковедения и исследования памятников языка, словарный (находится в Ленинграде); группы: «Словаря русского языка XI—XVII вв.» и экспериментально-фонетических исследований.

В этом году коллектив сотрудников работает по 58 темам. Одни из них намечено выполнить в течение ряда лет, другие завершатся в 1980 г., последнем году десятой пятилетки.

С 1980 года план Института пополняется шестью новыми темами. Намечается подготовить к концу 1985 года словарь-справочник «Новые слова и значения в русском языке последних десятилетий» (руководитель Н. З. Котелова). В этом ценном справочном пособии должны быть отражены происшедшие в 50—70-х годах нашего века изменения в словарном составе и фразеологии. Этот обширный по своему объему (до 120 авторских листов) словарь охватит не только неологизмы — новые слова и словосочетания, вошедшие или входящие в наш язык, но и покажет изменения

в значениях слов и стилистические сдвиги — переход слов из одного стилистического разряда в другой. Иллюстративный материал привлекается главным образом из прессы указанных десятилетий. Проблематике этого словаря посвящаются статьи планируемого сборника «Новые слова и словари новых слов» (руководитель Н. З. Котелова).

Многих любителей русского языка заинтересует «Стилистический словарь (понятия и термины)» (автор В. В. Одинцов). В этом справочном пособии будут охарактеризованы в отдельных словарных статьях важнейшие понятия, используемые при стилистическом анализе текстов, описаны разнообразные стилистические средства и композиционно-речевые приемы. Работа над словарем рассчитана на пять лет.

Составителями «Этимологического словаря славянских языков» готовится очередной том ежегодника «Этимология. 1980» (ответственный редактор член-корр. АН СССР О. Н. Трубачев). В книгу войдут новейшие исследования в области русской, славянской и индоевропейской этимологии. Диалектным различиям русского языка будут посвящены статьи планового сборника «Диалектография русского языка» (руководитель член-корр. АН СССР Р. И. Аванесов), над которым работает авторский коллектив «Диалектологического атласа русского языка». Ряд специальных вопросов будет рассмотрен в монографии Ж. Ж. Варбот «Праславянская морфонология, словообразование и этимология».

В специализированном совете при Институте защищены диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Л. И. Скворцовым и В. П. Григорьевым.

В диссертации Л. И. Скворцова «Теоретические основы культуры речи» анализируется широкий круг проблем речевой культуры: структура литературных норм, динамика их развития, иноязычные заимствования и их нормативная оценка, развитие литературного языка в эпоху научно-технической революции, терминология и терминотворчество, роль языка художественной литературы в стабилизации, развитии и распространении литературных норм, задачи нормативных словарей и их структура, языковая политика и лингвистическое просвещение, анализ и критика явлений пуризма и антинормализаторства.

Сложные и остродискуссионные вопросы исследованы в диссертации В. П. Григорьева «Поэтика слова (на материале русской советской поэзии)»: место лингвистической поэтики среди других филологических дисциплин и ее задачи, основные понятия лингвистической поэтики, поэтический язык в его отношении с литературным языком и языком художественной литературы, структура и функции слова в художественной речи.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СЕМЬЕ БРАТСКИХ НАРОДОВ

Ни одно государство мира не может сравниться с СССР ни по числу наций и народностей, проживающих на его территории, ни по числу функционирующих в нем языков.

В Советском Союзе насчитывается около 130 языков, они распространены в 15 союзных, 20 автономных республиках, 8 автономных областях и 10 автономных округах.

Но ни числом народностей или языков гордятся советские люди, а тем, что живут они в дружной многонациональной семье, где каждый народ, большой и малый, является равноправным, где существует свободное развитие языков всех народов, между которыми нет и не может быть антагонистических отношений.

«Мы хотим *добровольного* союза наций,— писал Владимир Ильич Ленин,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, с. 43).

Такой союз наций, союз равноправных народов был создан благодаря воплощению в жизнь ленинской национальной политики, и это является величайшим завоеванием нашей социалистической эпохи.

«За годы социалистического строительства,— отмечал Л. И. Брежнев,— в нашей стране возникла **новая историческая общность людей — советский народ**. В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества» (Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду КПСС).

В этих новых условиях развитого социалистического общества неизмеримо возрастает роль русского языка — языка межнационального общения и единения трудящихся, интенсивного формирования национально-русского двуязычия, которое имеет широкие перспективы развития.

Свободное владение русским языком стало жизненной потребностью всех советских людей. И это не случайно. Экономика СССР представляет собой единый народно-хозяйственный комплекс, органически включающий в себя экономику всех союзных республик и экономических районов страны. На основе специализации экономики союзных республик и их кооперирования растет экономическая мощь нашей многонациональной страны. Советские школы, вузы, народно-хозяйственные предприятия и учреждения, колхозы и совхозы, крупные промышленные стройки и, наконец, Советская Армия и Военно-Морской Флот интернациональны. Рука об руку трудятся на благо Родины представители разных национальностей: русский и украинец, белорус и казах, грузин и азербайджанец, латыш и эстонец. Общение, в самом широком смысле слова (и производственное, и научное, и культурное), между советскими людьми — представителями различных национальностей — было бы крайне затруднительно без общего межнационального языка — русского. Знание русского языка как средства межнационального общения выступает сегодня мощным объединяющим фактором братской семьи советских народов. Оно имеет идеологическое, экономическое и культурно-историческое значение. Общность марксистско-ленинской идеологии в борьбе советских людей за построение коммунизма, общность нашей социалистической экономики и культуры — все это говорит об исторической необходимости для каждого советского гражданина знать русский язык, всеми силами способствовать распространению гармонического национально-русского двуязычия.

«В многонациональном социалистическом государстве, — отмечал Ш. Рашидов, — двуязычие способствует сближению наций, национальных культур, их взаимному обогащению и взаимовлиянию, пополнению и расширению лексического запаса каждого из языков, участвующих в общем и едином процессе... Ныне каждый житель национальной республики ощущает настоятельную потребность быстрее усвоить все то ценное, что привнесли и привносят в культуру различные народы. Национальные культуры перестали жить замкнутой, изолированной жизнью. Более того, само их развитие возможно лишь на основе взаимосвязи и взаимодействия. И русский язык является орудием этой взаимосвязи, этого взаимодействия, он цементирует советскую культуру» (Ш. Рашидов. Язык братства и дружбы народов. — «Коммунист», 1976, № 3, с. 21).

За последние годы к проблеме «Русский язык как средство межнационального общения» приковано внимание широкой общественности страны, представителей многих областей науки.

Большие задачи поставлены перед учителями и методистами национальных школ: совершенствование программ и учебников

русского языка, повышение эффективности преподавания русского языка в национальной школе, решение сложных кадровых вопросов.

Ученые-лингвисты призваны описать основы и характер взаимодействия и взаимовлияния русской и других национальных языковых систем на различных уровнях, исследовать лингвистический аспект функционирования русского языка как средства межнационального общения, изучить различные процессы, возникающие при формировании и развитии национально-русского двуязычия. Русский язык для русского человека и для представителя другой национальности — это разноаспектный объект изучения. Перед русистами стоит задача — выделить то главное и необходимое в грамматическом строе русского языка, те грамматические категории, которые в первую очередь нуждаются в усвоении национальными учащимися и студентами. Практически это воплощается в создании Нормативной грамматики русского языка для нерусских (об этом см.: В. В. Иванов. Наука о русском языке и русский язык в национальной школе. — «Русская речь», 1977, № 4). Предстоит также в ближайшем будущем создать ряд пособий и справочников по отдельным грамматическим категориям, вопросам фонетики, морфологии и синтаксиса с учетом типологического родства или расхождений русского и национальных языков — представителей того или иного языкового региона страны.

Лингвисты призваны оказать научно-методическую помощь национальной школе и вузам, выступить истинными пропагандистами русского языка, всеми мерами способствовать его распространению.

В советском языкознании накоплен достаточный опыт изучения национально-русского двуязычия. Практическое воплощение получил социальный аспект его исследования. Имеется много фундаментальных работ, в которых нашло отражение теоретическое и экспериментальное изучение двуязычия (и многоязычия) на материале языков народов СССР. В них анализируется языковая ситуация в советских республиках, освещается функционирование русского языка в роли языка межнационального общения, рассматривается взаимодействие и взаимовлияние языков народов СССР в советскую эпоху, в частности, взаимодействие русского и национальных языков на различных языковых ярусах, разрабатываются лингвистические основы обучения русскому языку в национальных республиках (см. раздел Аннотированная библиография в кн.: «Русский язык как средство межнационального общения». Институт русского языка АН СССР, М., 1977).

Нуждаются в дальнейшей разработке понятия общественных функций русского языка как средства межнационального общения,

сфер употребления русского языка в национальной среде, понятие функционального стиля и т. п. Здесь много противоречивых суждений и разноплановых поисков. Так, например, в некоторых случаях под функцией понимают употребление языка в качестве языка государственной переписки, науки и т. п., в других — функция рассматривается с точки зрения использования отдельных языковых элементов в поэтической речи, в художественной прозе. Однако социальные функции языка (то есть его способность и назначение обслуживать в качестве средства общения различные социальные коллективы) и языковые (речевые) функции отдельных языковых элементов (лексических и грамматических единиц), проявляющиеся в специфическом использовании их (или возможности их использования) в отдельных функциональных стилях (жанрах) — это явления разнопорядковые, и их необходимо строго разграничивать.

Рассматривая общественные функции русского языка, ученые неизбежно сталкиваются с проблемами функциональной стилистики, с вопросами разновидности речи, оформляемой стилистически по-разному — в зависимости от целей и задач общения. Требуют дальнейшего исследования вопросы взаимоотношений общественных функций и функциональных стилей русского языка, вопросы нормативности русской речи в национальной среде. И это лишь один аспект широкой и очень интересной проблемы культуры русской речи в условиях двуязычия.

Иногда высказывается мнение, что русский язык как средство межнационального общения — язык, отличный от общелитературного русского нормированного языка, что объем его лексических единиц, фразеологических возможностей сужен. Существуют даже различные минимумы: лексический, фразеологический, грамматический и т. д.

Со всей определенностью следует отметить, что русский язык выступает в качестве языка межнационального общения в своей общелитературной форме (устные и письменные разновидности), со всеми своими достоинствами и богатствами. По самой своей сути добровольное избрание одного из языков в качестве средства межнационального общения предполагает, что этот язык должен быть в равной степени понятен каждому в общении между лицами различных национальностей. Это возможно лишь при наличии четко кодифицированных норм литературного языка, что способствует распространению его в качестве средства межнационального общения. Пропаганда литературной нормы русского языка должна осуществляться наряду с настойчивой борьбой за соблюдение норм родного национального языка, ибо отсутствие или недостаточная стандартизация литературного национального язы-

на значительно ослабляет позиции этого языка, что противоречит принципам гармонического двуязычия.

Усвоению единых литературных форм родного и русского языка как средства межнационального общения способствуют нормативные пособия, справочники нормативного характера, популярные издания по культуре речи.

СССР — крупнейшее в мире государство по территории. Разнообразны природные условия, география советских республик, у каждого народа Советской страны своя история, своя культура. Билингвизм обязательно подразумевает знание культуры, истории, национальных особенностей, традиций народов — носителей языков. В своей речи в городе Алма-Ате при вручении ордена Дружбы народов Казахской ССР 15 августа 1973 года Л. И. Брежнев отмечал: «Говоря о новой исторической общности людей, мы вовсе не имеем в виду, что у нас уже исчезают национальные различия или, тем более, произошло слияние наций. Все нации и народности, населяющие Советский Союз, сохраняют свои особенности, черты национального характера, язык, свои лучшие традиции. Они располагают всеми возможностями добиться еще большего расцвета своей национальной культуры». В наш век радио и телевидения, широкой сети киноветчания советский школьник имеет достаточное представление о просторах Родины, о нациях и народностях, населяющих нашу страну. Однако обо всем этом следует подумать в учебно-методическом плане, в частности при изучении русского языка в национальной школе. В учебниках по русскому языку все еще встречаются случайные тексты, порой отсутствуют литературные показательные образцы, комментарии культуроведческого содержания. С другой стороны, необходимо шире знакомить русского школьника с жизнью и культурой народов других национальностей, населяющих нашу Родину.

«Функционирование русского языка в национальных республиках, его преподавание в национальной школе,— отмечал член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин,— это огромный комплекс вопросов: экономических, политических, культурных, педагогических и иных, решить которые до конца, в соответствии с принципами ленинской национальной политики, можно только сообща, при самом активном участии всех общественных организаций и широких слоев населения, не последняя роль в этом деле принадлежит и советским языковедам» (Ф. П. Филин. Актуальные проблемы изучения русского языка и его преподавание в национальной школе.— Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. М., 1976, с. 63).

В. А. ИВАНОВА, В. М. ПАНЬКИЕ

Семинар «Принципы и методы билингвистических исследований»

Летом 1979 года в городе Карачаевске Карачаево-Черкесской автономной области РСФСР проходил научно-теоретический семинар «Принципы и методы билингвистических исследований». Цель семинара — обсуждение некоторых вопросов теории и методики проведения билингвистических исследований. В работе семинара приняли участие крупные ученые из РСФСР, Белоруссии, Литвы, Молдавии, Грузии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Чечено-Ингушетии, Даге-

стана, Карачаево-Черкессии и других союзных и автономных республик и областей нашей страны.

В своем вступительном слове председатель семинара доктор филологических наук, профессор Ю. Д. Дешериев обратился к краткой истории вопроса: проблемой билингвизма — в педагогическом и психологическом аспектах — стали заниматься еще в 30-е годы. Во второй половине 50-х годов научным советом «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» было положено начало изучению национально-русского двуязычия в качестве одной из важнейших проблем развития языковой жизни советского общества. За последние 10-15 лет, как отметил Ю. Д. Дешериев, была проведена значительная работа и в области теории, и в области научно-популярного освещения вопросов, связанных с исследованием и практическим применением национально-русского и других типов двуязычия.

Объектом исследования в докладе доктора филологических наук М. А. Хабичева был карачаево-русский билингвизм, его возникновение и распространение, соотношение

степени владения русским языком и социальных характеристик носителей билингвизма, значение двуязычия для хозяйственной и культурной жизни области.

Участники семинара, приехавшие из союзных и автономных республик, ознакомили слушателей с развитием и функционированием национально-русского двуязычия в различных республиках, с той работой, которая ведется по данной проблематике в республиканских научно-исследовательских учреждениях.

В докладах освещались такие вопросы, как теоретические и методологические основы изучения различных типов двуязычия, условия возникновения и развития двуязычия, формирование общего и лексического фонда языков народов СССР в условиях двуязычия, проблема функционирования русского языка в условиях национально-русского билингвизма, процессы взаимодействия национальных и русского языков на фонетическом, морфологическом, синтаксическом, семантическом и стилистическом уровнях, закономерности фонетического и грамматического освоения русского языка, способы преодоления интерференции на всех уровнях языка.

В разработке перечисленных аспектов проблемы билингвизма большую роль играют комплексные — социологические и социолингвистические — исследования, при которых используются разнообразные методические приемы (описание, анкетирование, интервьюирование, статистический анализ, сопоставление и т. д.).

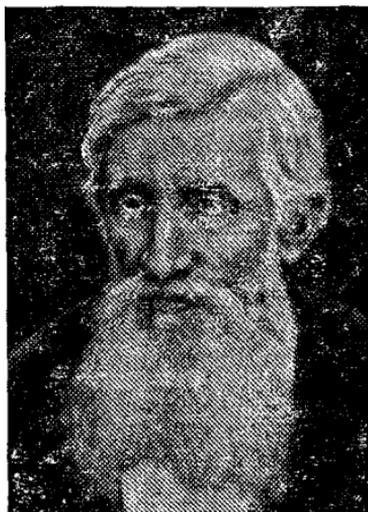
Билингвистические исследования и изучение русского языка как языка межнационального общения имеют важное теоретическое, идеологическое, практическое значение в жизни нашего многонационального и многоязычного государства.

Советское языкознание накопило значительный опыт в данной области, который может быть использован как в языковом строительстве в СССР, так и за рубежом. Однако, как отмечалось в докладах, огромная социальная значимость такого явления, как двуязычие, диктует настоятельную необходимость в комплексных усилиях как лингвистов, так и других ученых в данной области.

Н. Г. КОЛЕСНИК

*100 лет
со дня смерти*

**ИЗМАИЛ
ИВАНОВИЧ
СРЕЗНЕВСКИЙ
1812—1880**

И. И. Срезневский — выдающийся русский филолог, славист и русист, крупнейший знаток старославянской и древнерусской письменности, замечательный лексикограф, фольклорист и этнограф, один из видных отечественных педагогов и методистов. Он родился 13 июня 1812 года в Ярославле в семье профессора словесности древних языков и русского красноречия Демидовского училища (лицей). Мальчику было два месяца, когда родители переехали в Харьков (туда перевели по службе отца). Вскоре отец скончался, и все заботы по воспитанию детей дали на мать, с которой Измаила связывала глубокая дружба и истинная любовь.

После окончания пансиона в 1826 году Срезневский поступает на этико-политическое отделение философского факультета Харьковского университета. Будучи человеком энергичным, мастерски владея устным и письменным словом, Срезневский в высшей степени серьезно относился к занятиям. Со степенью кандидата (т. е. с защитой дипломной работы) он заканчивает университет и поступает на службу. В 1837 году защищает магистерскую диссертацию «О сущности и содержании теории в науках политических» и становится профессором Харьковского университета по кафедре политической экономии и статистики.

Со времени поступления в университет у Срезневского зарождается интерес к украинскому фольклору. В особенности его при-

влекали исторические песни, повествующие об истории Украины и Запорожской Сечи. Фольклорный сборник Срезневского «Запорожская старина», две первых части которого в шести выпусках появились в 1833—1838 годах, сыграл выдающуюся роль в изучении украинского языка и развитии украинской литературы. Он явился поводом для знакомства Срезневского с Н. В. Гоголем и другими деятелями культуры, науки и просвещения. Срезневский тогда писал, что украинский язык «есть язык, а не наречие русского или польского, как доказывали некоторые; и многие уверены, что этот язык есть один из богатейших языков славянских...» (Письмо к проф. И. М. Снегиреву.— «Ученые записки Московского университета», 1834, ч. 6, с. 135).

В 1835 году в русских университетах были учреждены кафедры истории и литературы славянских наречий, но специалистов не было. Тогда решили посылать молодых одаренных людей в заграничные командировки для ознакомления с языками, литературой и историей западных и южных славян. Срезневский поехал в Берлин, где он слушал лекции одного из основоположников сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппа. Затем отправился в Прагу — центр тогдашнего славяноведения. Его путешествие по славянским странам длилось около трех лет, с 1839 по 1842 год. Срезневский овладел большей частью славянских языков, собрал обширные диалектологические, культурно-исторические и этнографические материалы. По словам И. В. Ягича, Срезневский «мог сказать без преувеличения, возвратившись домой, что он знает хорошо почти весь славянский мир, что он набрался впечатлений на всю жизнь..., что он исполнил возложенную на него задачу в высшей степени удовлетворительно» (И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, с. 329).

Возвратившись в Харьков, И. И. Срезневский продолжал читать лекции по славистике в университете. Успех его лекций был громадный. Студенты всех факультетов толпами собирались слушать красноречивого профессора. Новость предмета, обширные познания лектора, основанные на личных наблюдениях, живость изложения, иллюстрации из сочинений А. Пушкина, А. Мицкевича, Я. Коллара — все это вызывало живой интерес слушателей и редко встречалось на университетской кафедре.

В 1846 году Срезневский защищает докторскую диссертацию «Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям», за которую он первым в России получил степень доктора славяно-русской филологии. В январе 1847 года Срезневский поехал в научную командировку в Петербург. Вскоре он был утвержден профессором Петербургского университета по кафедре славяноведения. Пере-

ехав в столицу, ученый уже 28 января 1847 года прочел первую лекцию «О пользе изучения славянской филологии». Различные славяноведческие дисциплины он вел долгие годы как в университете, так и в Главном педагогическом институте.

Филологическую подготовку у Срезневского получили Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев. Его учениками была целая плеяда выдающихся ученых и педагогов второй половины XIX века: В. И. Ламанский, М. И. Сухомлинов, Н. С. Тихонравов, А. Н. Пыпин, Петр и Николай Лавровские, В. Я. Стоюнин, А. С. Будилович, В. В. Макушев, Р. Ф. Брандт, Т. Д. Флоринский, Л. Н. Майков, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Котляревский, О. Ф. Миллер и др.

После переезда в Петербург перед Срезневским, уже известным славистическими работами, встала задача практического применения его обширных знаний в области славянского сравнительно-исторического языкознания. Вместе с тем он хорошо понимал, что удобнее всего изложить свои взгляды на материале родного языка. Это значительно оживит интерес к истории русского языка как со стороны ученых, так и со стороны широкой общественности, позволит выдвинуть программу научного изучения отечественного языка. Именно поэтому 8 февраля 1849 года на годичном торжественном собрании Петербургского университета Срезневский выступил с речью, скромно названной «Мысли об истории русского языка». Речь Срезневского имела большой успех, вызвала оживленный обмен мнениями, и ее текст за два года был опубликован трижды, что не имело прецедента в истории русской филологии. Через 60 лет А. А. Шахматов так охарактеризовал значение этой речи:

«...Срезневский в названном сочинении дал образец сравнительно-исторического изучения славянских языков, ввел в это изучение русский язык и таким образом определил тот главный фундамент, на котором должно строиться здание исторической грамматики русского языка, столько широко и блестяще проектированного Буслаевым; мы видим перед собой в этом труде отлично дисциплинированного ученого; ему не только ясно высокое качество сосредоточившегося научного материала, его не только занимает конечная цель научного строительства — это опытный работник, умелой рукой приступающий к самому строительству» (А. А. Шахматов. Курс истории русского языка. 1908—1909 учебный год. Ч. 1, с. 449).

Характеризуя роль языка в жизни народа, Срезневский убедительно обосновывает тезис о тесных связях языка с деятельностью народа. Он отмечает объективность существования языка, устанавливает закономерность его развития и возможность позна-

ния этих закономерностей. Ученый выдвигает при этом следующие проблемы: характер древнерусского языка и его специфические особенности; обзор изменений русского языка от древности до современного состояния; диалектные особенности русского языка; отношение русского языка к другим славянским языкам; история книжного (литературного) языка и его отношение к народному русскому языку, а также соотношение истории русского языка с историей литературы. Охарактеризовав эти проблемы с позиций достижений науки своего времени, Срезневский вместе с тем поставил множество злободневных вопросов русского языкознания и предложил программу его дальнейшей разработки.

Сам Срезневский в последующие годы своей деятельности сосредоточился на публикации и обработке лингвистических материалов для истории русского языка и создании словаря древнерусского языка. Необходимо отметить, что он значительно обогатил науку и подготовил базу для построения истории русского и старославянского языков. Ни один русский языковед не сделал в этой области столько, сколько смог сделать Срезневский. В 1849 году ученый был избран адъюнктом Второго отделения (русский язык и словесность) Академии наук, в 1854 году — академиком, а затем председателем этого отделения. В 1852—1863 годах появилось десять томов «Известий» АН по отделению русского языка и словесности под редакцией И. И. Срезневского. Это издание представляет собой выдающееся явление в русской и вообще славянской науке своего времени. Срезневский был одним из первых наших диалектологов и инициаторов лингвистической географии. При его большом участии подготовлен «Опыт областного великорусского словаря» и последующее «Дополнение».

Срезневскому принадлежит честь открытия для науки таких важных памятников старославянской письменности, как «Саввина книга», «Листки Ундольского», «Киевские глаголические отрывки». Уделяя пристальное внимание изучению глаголических памятников, Срезневский больше всего занимался обследованием, изучением и изданием памятников кириллического письма. Назовем некоторые работы ученого: «Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.)»; хронологический справочник «Древние памятники письма и языка юго-западных славян (IX—XII вв.)»; «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках», выходявшие в течение многих лет; «Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы». В 1868 году выходят «Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка». Достаточно сказать, что в этом издании содержатся 33 памятни-

ка XI—XIV веков, из которых только четыре были известны прежде.

И. И. Срезневский на строго научную основу поставил палеографию. В течение 15 лет (1865—1880) он читал этот курс в Петербургском университете и отдельные его части печатал в «Журнале министерства народного просвещения». Посмертно труд вышел отдельной книгой: «Славяно-русская палеография XI—XIV вв.» (1885).

Наряду с палеографическим и лингвистическим анализом древнерусских и старославянских памятников Срезневский все время собирал картотеку древнерусского словаря. После смерти ученого (в феврале 1880 года) эта картотека при непосредственном участии дочери Ольги Измаиловны и сына Всеволода Измаиловича издана в виде «Материалов для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1890—1911; фотомеханическое переиздание — 1958).

Срезневский писал об источниках своего словаря: «Данные, вошедшие в мой словарь, извлечены из всех памятников нашей древности, дошедших до нас в подлиннике или в списках. Собственно русские памятники, насколько они мне известны,— летописи, грамоты, уставы, послания, слова, сказания, жития святых, записи и написи,— собраны мною для словаря все без исключения. Памятники славяно-русской церковной письменности также исследованы мною в словарном отношении, но еще не все. Памятники непрочитанные я продолжаю изучать одни за другими и постоянно увеличиваю мой запас». Всего в «Материалах» содержится более 130 тысяч словоупотреблений.

Наибольшее внимание составитель обращал на две категории слов: 1) слова, выражающие народный быт; 2) слова, выражающие отвлеченные или научные понятия и представления. Срезневский при тогдашнем уровне знаний стремился отделить русизмы от старославянских лексических элементов. Слова в «Материалах» расположены в алфавитном порядке. Внутри каждого значения в хронологическом порядке приводятся примеры употребления того или иного слова по памятникам. Читатель может судить по приводимым примерам о времени появления и использования того или иного слова.

«Материалы» Срезневского — важнейшее достижение отечественного языкознания, до сих пор остаются наиболее полным словарем древнерусской письменности. В них в научный оборот были введены лексические богатства, извлеченные из 2700 древнерусских и старославянских письменных памятников. «Материалы» Срезневского не утратят своего значения даже тогда, когда будут подго-

товлены и изданы более полные и совершенные словари древнерусского языка.

И. И. Срезневский интересовался также проблемами преподавания русского языка. По мнению ученого, подготовка учащихся по всем предметам должна основываться на прочном знании родного языка. Принципы сознательности, постепенности, систематичности, активности и доступности, связанные с методом наблюдения, которые отстаивал Срезневский, в значительной мере повлияли на взгляды К. Д. Ушинского и В. П. Шереметевского.

Архив И. И. Срезневского содержит сотни снимков и калек с древних и средневековых рукописей разных славянских народов, ценные лингвистические материалы, связанные с изучением памятников.

Н. А. КОНДРАШОВ

Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно...

Н. В. Гоголь

●

...Главный характер нашего языка состоит в чрезвычайной легкости, с которой все выражается на нем — отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, «жизни мышья беготня», крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть.

А. И. Герцен

К 100-летию
со дня рождения

ЛЕВ
ВЛАДИМИРОВИЧ
ЩЕРБА
1880—1944

В марте 1980 года исполняется 100 лет со дня рождения академика Льва Владимировича Щербы, чье имя широко известно в нашей стране и за рубежом. Его работы в разных областях языкознания обогатили науку и до сих пор являются плодотворным источником для лингвистов.

Окончив в 1903 году историко-филологический факультет Петербургского университета, Л. В. Щерба остается (по желанию своего учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ) при кафедре сравнительной грамматики и санскрита. Готовясь к сдаче магистерских экзаменов, он одновременно преподает русский язык в I кадетском корпусе и читает лекции по грамматике русского языка в учительском институте. В автобиографии Лев Владимирович писал, что желание стать преподавателем русского языка и литературы было его заветной мечтой с юношеских лет. В течение всей жизни он не оставляет этой любимой работы.

После сдачи магистерских экзаменов Л. В. Щерба был послан университетом за границу. За годы командировки он знакомится в Париже с экспериментальными методами анализа речи, занимается исследованием английского, французского, русского произношения и многими другими вопросами. С 1909 года Л. В. Щерба — приват-доцент Петербургского университета и хранитель кабинета экспериментальной фонетики (ныне лаборатория имени Л. В. Щербы в Ленинградском университете); в 1916 году его избирают профессором университета.

После Великой Октябрьской социалистической революции Лев Владимирович, человек прогрессивных взглядов и активной гражд-

данской позиции (он участвовал и в революционных событиях 1905 года), работает особенно плодотворно как ученый, педагог, организатор научной работы и университетского преподавания в новых социальных условиях. Трудно перечислить все обязанности Льва Владимировича: работа в Институте языка и мышления АН СССР, перевод письменности народов СССР на русский алфавит, редактирование школьного учебника по грамматике русского языка, участие в Правительственной комиссии по разработке орфографии и пунктуации, работа над нормативной академической Грамматикой, руководство Лингвистическим обществом и Диалектологической комиссией АН СССР и т. д.

С 1923 по 1928 год под редакцией Л. В. Щербы вышли четыре выпуска сборника «Русская речь». В предисловии к первому выпуску сообщалось, что сборник «адресуется не только к лингвистам, но и ко всем тем читателям из широких слоев образованного общества, в которых жива любовь к слову, как к выразительному средству». В качестве авторов в этом сборнике выступали такие известные ученые, как Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. П. Обнорский и другие.

В первые годы Великой Отечественной войны Л. В. Щерба живет в Кировской области, куда были эвакуированы из Москвы учреждения Наркомпроса. Лев Владимирович — старший научный сотрудник кабинета русского языка и консультант кабинета иностранных языков Института школ, сотрудник Института дефектологии и консультант Центрального методического кабинета политико-просветительной работы. Летом 1943 года ученый переезжает в Москву, где снова включается в обычную для него активную научную, педагогическую и организационную деятельность.

В сентябре 1943 года Л. В. Щерба избирается академиком АН СССР (членом-корреспондентом которой он был с 1924 г.), а в марте 1944 года — действительным членом созданной в это время Академии педагогических наук.

Среди широкого круга интересов ученого исследования в области фонетики и фонологии занимают особое место. Л. В. Щерба — создатель целого научного направления, основатель фонологической школы. Для него как продолжателя идей И. А. Бодуэна де Куртене были особенно важны такие свойства звуковых единиц (фонем), которые определяются их связью с морфологической организацией языка, не исключаяющей, однако, определенной их самостоятельности. Глубокая научная теория Л. В. Щербы базировалась на пре-
красном знании фонетического материала; ученый не боялся экс-

периментальной работы, считал обязательным соединение фонологии как науки о социальной функции звуковых единиц с фонетикой — наукой о материальных свойствах этих единиц. Л. В. Щерба создал также основы лингвистического анализа интонации.

Общелингвистические идеи Л. В. Щербы были подчинены самому главному — стремлению описать и понять роль человека, пользующегося данным языком, в формировании и изменении свойств языка.

Имя Л. В. Щербы тесно связано и с успехами лексикографии. Он является создателем русско-французского словаря, который был образцом для двуязычных словарей. Работа над словарями различного рода позволила ему создать общую теорию лексикографии, сохранившую полностью свое значение и в наши дни.

Плодотворные идеи Л. В. Щербы в области методики преподавания иностранных языков широко известны. Как и в других случаях, его практические рекомендации основываются на глубоком теоретическом анализе основных понятий, таких, как двуязычие, язык и языковой материал, пассивная и активная грамматика.

Л. В. Щерба много занимался тем, что теперь называют «прикладным языкознанием». Его связь со специалистами по нарушениям речи и слуха, по акустике речи положила начало многолетнему содружеству лингвистов-фонетистов и специалистов в области исследования нелингвистических аспектов речи.

Трудно назвать область современного языкознания, где идеи Л. В. Щербы не играли бы важной роли. Эта актуальность наследия великого ученого определяется тем, что он никогда не стремился создать какую-либо жесткую схему описания того или иного явления, но допускал возможность разных его толкований, он при этом внимательно изучал и те мнения, которые не совпадали с его собственными. Однако терпимость и доброжелательность не исключали требовательности и принципиальности в научных и других делах, а в человеческом облике Льва Владимировича было столько привлекательного, что об этом вспоминают все знавшие его.

Можно без преувеличения сказать, что Л. В. Щерба — гордость нашей отечественной науки.

Л. В. БОНДАРКО
Ленинград

ДРЕВНЕ- РУССКИЕ КНЯЖЕСКИЕ ЖИТИЯ

В начале XI века Русь вела упорную борьбу с Византией за утверждение своей политической и религиозной независимости. С этой целью по инициативе Ярослава Мудрого в 1051 году митрополичью кафедру в Киеве занял не посланник византийского патриарха, а назначенный князем русский митрополит Иларий. Ярослав добивался у Византии канонизации (причисления к лику «святых») княгини Ольги, князя Владимира, своих братьев Бориса и Глеба, убитых в междоусобной борьбе Святополком. Византийская церковь согласилась только на канонизацию убитых братьев. После канонизации необходимо было составить житие, в котором бы прославлялся подвиг Бориса и Глеба. С этой целью в конце XI века на основе летописного сказания 1015 года неизвестным автором было написано «Сказание о Борисе и Глебе» — первое оригинальное произведение русской агиографии (описание жизни и подвигов «святого»).

Жанровая система оригинальной русской литературы XI—XII веков создавалась под непосредственным влиянием византийской. Русь XI века была знакома с канонической формой византийских житий. Русскому читателю были хорошо известны жития Антония Великого, Саввы Освященного, Николая Мирликийского, Алексея — «человека божия». Однако то историческое событие, о котором хотел поведать автор «Сказания о Борисе и Глебе» своим со-

временникам, не могло быть изложено в канонической форме византийской аггиографии. Создавая «Сказание», автор преследовал цель не столько прославить христианский подвиг братьев-мучеников, их смирение и покорность, сколько провести очень важную политическую идею того времени — идею родового старшинства, верности старшему в роде, осудить братоубийственные распри, мешающие государственному единству Руси. Автор «Сказания» нашел новую жанровую форму — *княжеское житие*. Княжеские жития не имеют прямого соответствия с византийской литературой и генетически восходят к жанру княжеского панегирика (*панегирик* — ораторская речь хвалебного содержания), представленного в летописи. Они существенно отличаются от аггиографии прежде всего сознательной установкой на историчность, своеобразием конфликта. Таковы «Сказание о Борисе и Глебе», «Сказание об убиении Андрея Боголюбского», «Повесть об убиении в Орде Михаила Тверского».

К отличие от литературы нового времени стиль в средневековых литературах во многом определялся предметом повествования, жанром произведения. В древнерусской литературе понятия *летописный стиль*, *агиографический стиль*, *стиль воинской повести* отражают устойчивую нормативную связь жанра и стиля.

В средневековых литературах обычно заглавие произведения указывало на предмет повествования, который требовал своего стилизового воплощения. Само название «Сказание и страсть (страдание) и похвала святому мученику Бориса и Глеба» указывает на три аспекта повествования, каждый из которых выдержан в присущей ему стилистической традиции: *сказание* — в исторической, *страсть* — в аггиографической (житийной), *похвала* — в риторико-панегирической.

Стиль исторического повествования наиболее отчетливо сказался в начале произведения, где автор обращается к князю Владимиру Крестителю: «Сице убо бысть малым преже сих лет, сущю самодержцью вьсеи Русьтеи земли Володимиру, сыну Святославлю, вьнуку же Игореву; сь убо Володимер имейше сынов 12, третий Святополк, иже и убийство се зьлое изобрете». Рассказывая о битве Ярослава Мудрого со Святополком, автор использует выражения, типичные для описания воинского боя: «И *покрыша поле летьское множеством вои* (воинов), и *сступишася* всходящю солнцю, и *бысть сеча зла отинудь* (очень). И *сступишася* трижды, и *бишася* через *день* весь».

В аггиографическом стиле выдержана та часть повествования, где речь идет о прославлении подвига братьев. Ведущим принци-

пом воплощения идеала в «Сказании» является монолог. Он служит и важным средством «психологической» характеристики, однако «психологизм» в средневековой литературе носит иной характер, нежели в новой литературе. Древнерусский автор не объясняет пока поступков героя его характером, ибо характер в литературе этого времени еще не открыт. Автор наделяет своих героев теми добродетелями, которые согласно средневековому этикету должны быть им присущи. В силу этого психологизм, с которым мы сталкиваемся в древнерусской литературе, носит ситуативный характер, служит средством раскрытия идеальных качеств человека. В «Сказании» монологи чаще всего даны в форме плачей. Таков монолог-плач Бориса, узнавшего о смерти отца: «Увы мне, свете очию моею, сияние и заре лица моего, бръздо уности (бразда юности) моее, наказание недоразумия моего! Увы мне, отче и господине мой! К кому прибегну? К кому възрю? Къгде ли насыщюся таковааго благааго учения и казания разума твоего? Увы мне, увy мне! Како заиде свете мой, не сушу мя ту (когда меня не было там)!».

В монологе-плаче Бориса использованы традиции церковной литературы (риторические вопросы и восклицания), отражена образность народных и книжных плачей, придающая ему лирическую проникновенность и задушевность и позволяющая глубже выразить чувство скорби и боли.

Глубоким драматизмом проникнут плач-обращение Глеба к своим убийцам. «Не пожьнете мене, от жития не съзрела (не созревшего)! Не пожьнете класа, не уже съзревъша, но млеко безлюбия носяща! Не порежете лозы, не до коньца въздрастьша, а плод имуща!» Группа метафорических выражений, использованная в этом плаче, станет впоследствии весьма популярной в житийной литературе.

 тиль «Сказания» отличается риторической украшенностью, которая станет особенно характерна для последующей агиографии. Автор часто использует сравнения, причем они достаточно просты и традиционны: повар заколол Глеба, «яко агня (ягненка) безлюбива», слезы текут у Глеба, «яко река», Борис украшен, «акы цвет цветыи в уности своей», подвиг братьев равен подвигу Дмитрия Солунского, а чудес, творимых ими, «паче (более) песка морскааго».

Особой задушевностью, проникновенностью и лиризмом отличается авторская похвала Борису и Глебу, которой заканчивается «Сказание». Она выдержана в стиле торжественного ораторского красноречия, насыщена традиционными библейскими сравнениями,

риторическими вопросами и восклицаниями. «Как похвалити не съем (не знаю) и что рещи недоумею (и что сказать не знаю) и не възмогу... Цесаря ли князя проглашаю ваю (вас)? По истине вы цесаря цесарем и князя князем, ибо ваю пособием и защищением князи наши противу вѣстающая държавно побежаютъ и ваю помощию хвалятся».

Несколько позже в русской литературе возникает иной тип, где героем является защитник рубежей Руси, мудрый правитель, устроитель городов и храмов. Таковы «Житие и мужество Александра Невского», «Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича», «Житие Довмонта Псковского». В них сохраняется традиционная для данного типа житий конфликтная ситуация, всегда мотивированная исторической эпохой. В то же время эти произведения более, нежели «Сказание», связаны с канонам агиографии. В них воссоздается полная биография героя с момента рождения до смерти, хотя главное внимание авторы обращают на исторические подвиги, снискавшие им славу в Русской земле. Образцом такого княжеского жития является «Житие Александра Невского», выдающегося государственного деятеля и полководца древней Руси, одержавшего победу над шведами на Неве и над немцами на льду Чудского озера. Александр изображается здесь как бы в двух планах. С одной стороны, он выступает как мудрый князь, мужественный и храбрый полководец; с другой — как воин, защищающий православную веру. Вот почему обычное житийное повествование приобретает здесь черты воинской повести и светской биографии.

Небольшое вступление к житию написано в традиционной агиографической манере; автор говорит здесь о себе как о «ничтожном, многогрешном и маломыслящем» человеке, взявшем на себя труд рассказать потомкам о подвигах Александра. Следуя канону, автор говорит о родителях героя. «Этот князь Александр по божьей воле родился от ...человеколюбивого и, более того, кроткого князя великого Ярослава и от матери Феодосии». Затем автор дает описание внешности Александра: «Ростом он был выше других людей, и голос его — как труба в народе, лицо же его, как лицо Иосифа, ...сила его была частью силы Самсона. И дал ему бог премудрость Соломона, а храбрость его — как у римского царя Веспасиана». Такого рода портретная характеристика, показывающая человека через сопоставление с библейскими персонажами, становится одним из принципов изображения Александра Невского. О его победе над шведами автор говорит традиционной фразой, встречающейся во

многих воинских повестях: «И была сеча велика, и перебил их Александр бесчисленное множество, а самому королю возложил печать на лицо своим острым копьём». В традиционной стилистической манере воинских повестей передается и битва с немецкими рыцарями на льду Чудского озера. «Была же тогда суббота. Когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была злая сеча, и раздавался такой треск от ломающихся копий и звон от мечей, будто замерзшее озеро двинулось, и не было видно льда, ибо он покрылся кровью».

В спокойной эпической манере заканчивает автор рассказ о «ледовом побоище»: «И возвратился князь Александр с победою славною. И шло многое множество пленных в войске его, вели бо-сыми возле коней тех, кто называл себя „божии рыцари“».

Отличительной особенностью «Жития Александра Невского» является эмоционально-взволнованный характер повествования. Таковы обращения к псковичам и авторский монолог-плач о смерти Александра: «О, горе тебе, бедный человек! Как сможешь ты описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не разорвется сердце твое от скорби!».

Княжеские жития занимают видное место в жанровой системе древнерусской литературы. Возникшие на славянской почве, они отличаются от византийских житий своеобразным типом героя, особыми способами организации сюжета и композиции, конфликтом, который всегда раскрывается как борьба за политическую идею или с внешними врагами. Повествование княжеских житий всегда ориентировано на историческую действительность.

В. А. ГРИХИН

РАЗРЯДНЫЕ КНИГИ

История русского языка XV—XVII веков имеет немало белых пятен. Особенно слабо изучались скорописные памятники, чтение которых часто сопряжено с большими трудностями (*скоропись* — быстрое слитное рукописное письмо в средневековых рукописях). К числу памятников, знакомых историкам, но не исследованных лингвистами, относятся разрядные книги. Это книги записей распоряжений русского правительства о ежегодных назначениях на военную, гражданскую и придворную службу. Они охватывают период XV—XVII веков и содержат богатый материал по военной истории и сведения о внешней политике России и ее государственном управлении. Разрядные книги составлялись за несколько прошедших десятилетий. В них, помимо записей-назначений, включались разнообразные документы: донесения о ходе и результатах военных действий, челобитные, судебные решения, копии царских грамот и т. д. Списки этих книг сохранились в большом количестве: по подсчетам В. И. Буганова, до нас дошло их около 300, общим объемом более 80 тысяч рукописных листов. Подлинники, к сожалению, не сохранились (или пока не обнаружены). Обилие списков объясняется тем, что они служили документами, очень важными при местнических спорах,

с их помощью бояре и другие знатные лица доказывали свое право на определенное место по службе, свое преимущество перед другими.

Разрядные книги являются памятниками деловой письменности. Поскольку время их составления захватывает начальный период образования национального языка, они проливают некоторый свет на процесс его становления.

Наиболее интересным представляется лексический материал разрядных книг. Почти половину их словаря составляют собственные имена — главным образом, имена людей и географические названия. В книгах четко выступают различия в наименовании людей в зависимости от их социального положения. Князья, бояре и другие знатные лица обычно именуются по имени, отчеству и фамилии, а менее знатные — без отчества: «А велел государь быть у наряду воеводе Михаилу Михайлову сыну Салтыкову да дяку Филипу Голенищеву» (здесь и в других примерах особенности графики разрядных книг не сохраняются). В челобитных просители униженно называют себя уменьшительными именами: *Юшко, Богдашко, Микишка*, — что было в то время общей нормой. В книгах получила отражение вариативность в образовании отчеств: «Того же лета государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси послал в Острахань на год боярина и воеводу князь Федор Михайловича Троекурова да воевод князь Петра князь Иванова сына Хворостинина князь Василья князь Васильева сына Тюфякина». В этом примере отчество выражено двумя разными способами, одинаково характерными для этих памятников. В книгах немало примеров употребления старых, некалендарных, имен. Среди лиц незнатного происхождения упоминаются *Крюк, Угеш, Дружина, Гневаш, Нечай, Рудак, Невежа, Нелюб, Хрипун, Меньшой* и т. д. Прозвища иногда входили в состав полного имени: Григорей *Щука* Федоровичь Колычов, Иван *Гусь* Гагарин, Григорей *Чюдо* Ивановичь Мещанинов Морозов, Иван *Шемьяка* Васильевич Пронской, князь Иван *Чюлок* князь Михайлов сын Засекин. Прозвище вместо имени употребляли, в частности, при выражении презрительного отношения к лицу. Например, в челобитной автор князя Щенятева называет *Щеней*.

Значительную часть словаря книг составляет терминологическая лексика. Период образования национального государства был связан с существенными изменениями в жизни общества, в частности, с перестройкой аппарата управления, преобразованиями в области судопроизводства, военного дела и т. д. Все это отражалось в терминологии, проявляясь в первую очередь в изменении семан-

тики уже существующих слов. Например, наименования *окольничий*, *дворецкий*, *конюший*, *стряпчий*, *ловчий*, *сокольничий*, *стольник* неоднократно изменяли свои значения. В древнерусском языке так назывались слуги князя: *окольничий* — самый близкий из слуг, везде его сопровождавший (от наречия *около*); *дворецкий* — управляющий дворцом князя; *конюший* — главный конюх; *стряпчими* назывались разные слуги князя (повара, портные, ремесленники и т. д.); *ловчий* — охотник, рыболов; *сокольничий* — старший во время соколиной охоты; *стольники* прислуживали князю за столом. К XVI веку, то есть ко времени, наиболее полно отраженному в разрядных книгах, значения этих слов меняются. В этот период Московским государством управлял великий князь, его придворные слуги были люди знатные и богатые, они возглавляли определенные области обширного хозяйства, обеспечивавшего жизнь великокняжеской семьи и огромного штата придворных. Эти должности были почетными и желанными для многих провинциальных князей, так как приносили большой доход.

Так постепенно создавались условия для появления у названных слов нового значения — «почетное звание». Особенно распространенным становится оно во время царствования Ивана Грозного, что было связано с приближением ко двору и возвышением многих незнатных лиц, для которых подобные звания превращались в своеобразные титулы. Для некоторых слов новое значение стало вполне самостоятельным, никак не связанным с выполнением старинных обязанностей. Так, например, *окольничий* — звание стало вторым по важности в государстве после боярского, оно жаловалось («сказывалось») в торжественной обстановке, само появление нового окольничего было фактом значительным, достойным записи в разрядной книге: «Августа в 6 день сказали *окольничество* Дмитрею Ивановичю Веляминову а у скаски стоял поместной избы дьяк Елизарей Вылузгин сказывал розрядной дьяк Сапуя Аврамов». Звание *стольника* также перестало быть связанным со службой за столом. В остальных случаях значения 'должность' и 'звание' остались связанными между собой. Существительные *конюший*, *стряпчий*, *ловчий* и *сокольничий* в конце XVI века становятся названиями государственных должностей. А еще позднее слова *дворецкий*, *стряпчий*, *ловчий* получают особые значения, в которых употребляются вплоть до XX века.

Представленные в книгах наименования лица дают материал для наблюдений над семантикой и таких общеизвестных слов, как например, *воевода* и *дьяк*, и таких «редких», как *рында* (оруженосец царя), *подрында* (помощник рынды), *бараша* (шатерничий). По книгам можно судить об одинаково принятом в деловой письменности XVI—XVII веков употреблении слова *голова* (в значении

‘должностное лицо, начальник’) как существительного мужского и женского рода: *осадная голова* и *осадный голова*. Представлены и названия лиц по их социальной принадлежности, по месту жительства и этническим признакам, названия церковных чинов.

Обращает на себя внимание детализация некоторых обозначений родства. В местнических челобитных наименования *сын*, *внук*, *брат*, *дядя* часто определяются порядковыми числительными, конкретизирующими семантику этих слов: «...а Ивана государь Шереметева мне лзе быт болше потому что отец ево Василей Шереметев на Коломне менши был деда моего Андрея Микитича Бутурлина а я государь у деда своего *первой внук* а Иван у отца своего *пятой сын*». Кроме того, здесь не только существительное *брат*, но и *дядя* может иметь при себе определения *большой* и *меньшой*: «а князь Петр государь Охлябинин князю Ивану Хворостинишу *дядя большой*». Эта особенность связана с тем, что в местнических спорах для определения положения, которое человек должен был занять на служебной лестнице, учитывались знатность и положение всех его многочисленных родственников. В обычных условиях не было необходимости в таком точном определении родственных отношений, поэтому в повседневном общении выражения вроде *пятый брат* или *большой дядя* не употреблялись.

Уже многое известно о военной лексике XV—XVII веков, но разрядные книги помогают узнать и нечто новое. Мы знаем, например, что тяжелым стенобитным пушкам давались особые названия, по далеко не все из них нам знакомы. И вот в разрядных книгах в рассказе об осаде Полоцка встречается несколько таких «имен»: «Государь царь и великий князь велел наряд большой поставить из-за Двины пушку *Карпуну* да *Орел* да *Медведь* и иные пищали»; «...поставить против Великих ворот пушку *Кашпирову*, да *Степанову* да *Павлин*». В основном им даются названия животных, но пушки Степанова и Кашпирова названы по именам мастеров, их сделавших.

При анализе лексики, специфической для разрядных записей, обращает на себя внимание обилие устойчивых выражений и даже целых формул, которые повторяются для сообщения определенной информации в сходных ситуациях. Цель назначения в какой-либо город воевод формулируется так — *беречь государевы дела*: «Государь отпустил брата своего князя Володимера Андреевича к Москве и велел ему на Москве *беречь своего государева дела*». Среди выражений такого типа можно назвать следующие: *отпустить под люди* (для коман-

дования войском), *быть по вестям* (выступить в поход после получения известия о нападении), *прислать с сеунчом* (с известием о победе), *не взять списков детей боярских* (отказаться командовать полком), *смотреть в столы* (наблюдать за порядком подачи блюд во время торжественного обеда у царя). Эти выражения позволяют коротко передать известное и писцам и читателям содержание. Их состав допускает синонимические замены слов. Связь между компонентами того или иного оборота, как правило, свободная, но семантика (смысл) каждого слова может быть ясна только из контекста. Употребление традиционных выражений и формул не является, конечно, специфической чертой разрядных книг, оно свойственно всем видам деловых текстов.

Язык разрядных книг в определенной степени приближается к разговорному. Он почти не испытывал влияния старославянского языка, слова и формы которого встречаются здесь крайне редко. Старославянизмы употреблялись писцами окказионально. Лишь иногда составитель книги использовал определенные слова для создания торжественного стиля: «И тогда государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии самодержцу брат ево князь Володимер Андреевич и все бояре и воеводы здоревали радуемся государь царь православный божию благодатию победил супостаты своя».

Близость к разговорной речи особенно проявляется в языке челобитных и некоторых других документов, входящих в состав разрядных книг. Цель челобитной — убедить царя в том, что жалобник имеет право на более почетное место на службе, поэтому автор применял разнообразные средства экспрессии: это и фразеологизмы, и приемы, характерные для фольклора, и слова с уменьшительными суффиксами и т. д. «И княз Иван Ноготков сказал бояром и дьяку яз господине княз Иван князю Ивану Курлятеву *ровен глаз в глаз*» — трудно сказать, что перед нами: существовавший в XVI веке фразеологизм или авторское образное выражение. Этот пример покажется еще более интересным, если вспомнить, что существительное *глаз* стало употребляться в качестве синонима слова *око* только в XVI веке.

В разрядных книгах нашли отражение многие грамматические явления, характерные для старорусской деловой письменности. В их текстах, естественно, можно найти далеко не все формы и синтаксические конструкции, зато большинство имеющихся языковых явлений представлено в значительном количестве. «*Марта 25 числа* случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие» — так начинается повесть Н. В. Гоголя «Нос». Сравним: «*И лета 7036-го сентября* в 4 день пришла к великому князю

весть» — подобную запись часто можно встретить в разрядных книгах. Здесь при обозначении даты обычно употреблялись два существительных в родительном падеже. Эта традиция была настолько сильна, что если писец не имел данных о месяце, к которому относятся события, он строил конструкцию, используя два синонима: «Лета 7113 году...». Вот откуда появилась у Гоголя фраза — «Марта 25 числа...».

С корописные тексты XVI—XVII веков не имеют знаков препинания, поэтому выделение в них сложных предложений весьма затруднительно. Обычно разрядная запись за год представляет собой сложное синтаксическое целое — цепь простых предложений, соединенных сочинительными союзами (гораздо реже встречаются случаи подчинительной и бессоюзной связи), иногда такая цепь может быть очень велика по размерам. Часто и однородные члены соединяются сочинительными союзами. Приведем для примера хотя бы часть такой записи: «И ко князю Андрею писано *чтоб* списки взял был по росписи *и* воеводы опять замешкались *а* х Кеси не пошли *и* царь и великий князь прислал к ним кручинясь с Москвы посолского дьяка Андрея Щолкалова *а* из слободы послал дворенина Данила Борисовича Салтыкова *а* велел им ехати х Кеси и промышляти своим делом мимо воевод *и* оне по государеву указу х Кеси пошли *и* у Кеси стояли пят день *и* по городу били *и* выбили стену *и* в те поры собралис неметцкие люди *и* литовские многие *и* пришли на великого князя воевод под город *и* воевод великого князя побили *и* детей боярских иных живых поймали *и* наряд взяли...».

Даже такой небольшой пример показывает, как интересно в этих памятниках разговорные черты переплетаются с приемами собственно делового стиля.

История языка... Как важна для ее изучения любая запись — от цепочки букв, бегущей по стенке сосуда, до многостраничной книги. А сколько еще находок, важных, удивительных, ожидает исследователей тех многочисленных рукописей, к которым не прикасалась пока рука языковеда.

А. Ю. МАЗИЛОВА

Рисунок В. Толстоногова

Отчества у русских, а еще шире — у восточных славян существовали не во все времена. Наименования лиц по отцу появились только тогда, когда общество ощутило потребность в них. Когда же и как это случилось?

Заглянем в древнерусские памятники письменности. Нам обязательно встретятся слова, образованные при помощи суффикса *-ичь*. Суффикс *-ичь* одинаково мог сочетаться с названиями мужчин и женщин. Например: *братичь* — сын брата, *господиничь* — сын господина, *княжичь* — сын князя; *мамичь* — сын мамы — кормилицы, *мачешичь* — сын мачехи, *тетичь* — сын тетки. Если же суффикс *-ичь* присоединялся к наименованиям животных, то в результате возникали названия детенышей этих животных: *голубичь*, *львичь*, *соколичь*. Следовательно, в те древние времена суффикс *-ичь* имел значение не отчества, как сейчас, а детскости, невзрослости. В XVI веке в русском языке появился суффикс *-ёнок* (*онок*), который вытеснил в названиях детенышей суффикс *-ичь*. Стали говорить не *львичь*, а *львенок*, не *соколичь*, а *соколенок*.

Однако старый суффикс не исчез из языка. Еще ранее в сочетании с именами он стал использоваться для образования отчеств.

Правда, это случилось не сразу. Как свидетельствуют первые письменные памятники на Руси, при назывании сына по отцу суффикс *-ичь* истари мог присоединяться к собственным именам: *Сварожичь* — сын Сварога (олицетворение огня у древних славян). Но *Сварожичь* еще было нарицательным именем, как *братичь*, *княжичь*. В древнейших летописных записях (XI—XII века) встречаются и такие сочетания, как *Игорь Ярославичь*, *Василко Ростиславичь*, где формы с *-ичь*, возможно, еще тоже не были отчествами в полном смысле слова. Сочетания типа *Игорь Ярославичь*, *Василко Ростиславичь*, относящиеся к летописным записям XI—XII веков, могли еще буквально означать «Игорь сын Ярослава», «Василко сын Ростислава», а образования на *-ичь* выступать в них в качестве нарицательных слов, подобных существительному *Сварожичь*. Лишь постепенно они стали употребляться как имена собственные — отчества. Трудно назвать конкретное время, когда это произошло.

Образования по новой модели ведут свое начало в языке устного народного творчества и имеют шутливый характер. Первым таким производным, отмеченным в словарях, является *Горынич* — сказочный мифический персонаж (Словарь Академии Российской, 1806 г.). Оно употребляется в устойчивом сочетании *Змей Горынич*, а образовано от имени собственного *Горыня*, которое встречается в старинных сказках. Другой пример — *Котич* — взят из детской песенки:

Я тебе ли *Котичу*
За работу заплачу!

В «Недельке», приложении для детей к журналу «Неделя», были помещены такие стихотворные строки:

Но черный как ночь Котофей
Котофейч
Мяукнул: «Шумилкин Борис
Тимофейч!»

Первые древнерусские образования на *-ович*, *-евич* также не были отчествами: *поповичь*, *королевичь*, *царевичь*. Они возникли как именованья детей, производящими словами при этом были *поп*, *король*, *царь*. И в старорусском языке (XV—XVII вв.) продолжали появляться подобные образования от нарицательных существительных при помощи суффикса *-ович*: *братовичь*, *дядьковичь*, *смердовичь*, *цесаревичь*. Однако они были сравнительно редки. Чаще всего слова на *-ович* (*-евич*) в древне- и старорусском языке создавались от личных имен или прозвищ: *Иванъ Халдеевичь* (1146 г.), *Дорогомиловичь Иванъ* (1272 г.) и т. д. Первоначально, когда только появился суффикс *-ович*, такие образования, как и производные типа *Ярославичь*, *Ростиславичь*, возможно, не были отчествами. Они мог-

ли иметь буквальный смысл — 'сын такого-то'. Даже порядок собственных имен в некоторых случаях говорит об этом: *Дорогомилевичъ Иванъ* означало «Дорогомилев сын Иван», *Полуторановичъ Анфимъ* — «Полуторанов сын Анфим». Лишь в старорусском языке собственные имена с суффиксом *-овичъ*, *-евичъ* окончательно закрепились как собственно отчества.

В Московской Руси отчества на *-вич* приобрели окраску выскости. Московские великие князья (а впоследствии цари) *вичили* только себя и своих родственников, а также лиц, пользовавшихся их особой милостью. Даже к иностранным именам (фамилиям) лиц, живущих за пределами Руси, в знак почета в московских документах прибавляли суффикс *-ович*. Сравните соответственно литовские имена и русские отчества: *Радзивил* — *Радзивилович*, *Довгерд* — *Довгердович*. В то же время гетману Хмельницкому из московских приказов шли неоднократные замечания, что он «непристойно величается», приписывая «вич» к своему имени в письмах.

С конца XVI века отчества с «вичем» рассматривались как чрезвычайная государева награда. Сам государь предписывал, кого писать с «вичем». Так, соответствующее разрешение от Петра I получил в 1697 году князь Яков Федорович Долгорукий, а в 1700 году именитый человек Григорий Строганов. При Екатерине II круг лиц, которые имели право писаться с «вичем», был формально расширен, но по существу оставался ограниченным — в него входили лица только первых пяти классов.

В средние же века действовал любопытный способ образования отчеств (и фамилий), который можно назвать «усечением». Суть его заключалась в том, что в отчествах (фамилиях) на *-ович* конечное *ич* усекалось, если эти отчества относились к лицам, которые не входили в круг избраннейших. Например, после вхождения Великого Новгорода в состав Московского княжества усекались полные отчества новгородцев с желанием принизить «великих мужей» новгородских. То же было с отчествами и псковской знати: боярские фамилии *Стройловичи*, *Казачковичи*, *Дойниковичи* под влиянием Москвы изменились в *Стройловых*, *Казачковых*, *Дойниковых*.

Только в XIX веке отчества на *-ович* получили возможность иметь все граждане России. Суффикс *-ович* стал избираться именами, оканчивающимися на согласный (*Федор-Федорович*, *Евсей-Евсеевич*), в то время как *-ич* — именами на гласный *-а* (*-я*) (*Лука — Лукич*, *Илья — Ильич*) — и на *-слав* (*Вячеслав — Вячеславич*). Видимо, в прошлом веке, если не ранее, возникли новые модели с суффиксами *-ович* (*-евич*), который стал сочетаться с несобственными названиями людей. Например: «Да уже песенка ваша

спета Буржуй *Буржуевич*» (А. Эртель. Волконская барышня); «Супруг ея князь — *княжевич*... занимался охотой» (А. Афанасьев. Сказки). А вот примеры из народной речи, записанной в прошлом веке: «Сами крестьянки... (в песнях) либо вставляли вымышленные имена, либо говорили „Незнай *Незнаевич*“ и „Незная *Незнаевна*“ вместо имен жениха и невесты»; «Ах, ты Быстрый Терек ты *Горыньевич*» (из песни); «А вы, батюшка, *чеевич*? Я-с, родимый, Микитин Пизюковых».

Такие образования можно встретить в шутливой речи и в наше время: «Ганичев прочистил горло и закончил вдруг совсем просто: «Но-но! Веселее, Иван *Батькович*» (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета); «Мазило *Мазилович* — вот ты кто» (И. Шамякин. Снежные зимы); «Дальше шла записка: Жил Василий свет *Отцович*, По прозванию — Десница» (В. Кочетов. Секретарь обкома).

Поэт Е. Евтушенко образовал шутливое отчество даже от нарицательного существительного:

Компромисс *Компромиссович*
Шепчет мне изнутри:
«Ну не надо капризничать.
Строчку чуть измени».

Компромисс Компромиссович

Вспомним, хотя и шутливые, подобию отчеств с суффиксом *-ич* и у животных: *Горынич*, *Котич*. Еще больше их стало появляться с суффиксом *-ович* (*-евич*), причем уже в прошлом веке: «Ай да Кит *Китович*! славно! Долг свой выплатил исправно» (П. Ершов. Конек-горбунок); «Как налетит Комар *Комарович*, как вопьется носом прямо в черный медвежий нос» (Д. Мамин-Сибиряк. Аленушкины сказки); «Кот *Котонаевич*» (собственно сын Котоня — А. Афанасьев. Сказки); «Минут десять мы ползали по колючему малиннику у дровяного сарая в надежде, что паткнемся на Ежа *Ежовича*» (Ф. Абрамов. Деревянные кони); «Гораздо чаще, после того как поплавок бойко и решительно дернется вниз, трепещет на крючке ошестинившаяся желтоватая с коричневыми крапинками рыбка, которую рыбаки ласково зовут то „генералом“, то „хозяйном“, то „комендантом“, то „главным“, то „домоуправом“, то „братишкой“, то „авторитетом“, а то и по имени отчеству Ершом *Ершовичем*» (В. Солоухин. Владимирские проселки).

Ф. Абрамов в одном из рассказов пишет: «Из всего зверья, перебивавшего у Олены Даниловны за ее долгую жизнь, больше всего она любила, как я уже сказал, Василия *Ивановича*. И кто же, вы думаете, этот Василий *Иванович*? Оказывается, кот. Да еще такой кот, который не откликался, пока его не называли по имени-отчеству»,

В. И. МАКСИМОВ,
А. Л. МАКСИМОВА

АРЕНЫ
ОЛИМПИАДЫ-
80

МЫТИЩИ

В дни Олимпиады-80 в этом подмосковном городе, на обновленном и расширенном стрельбище «Динамо» будут проходить соревнования по стрелковому спорту.

Не одну сотню лет насчитывает история подмосковного города Мытищи, в котором старина причудливо переплетается с современностью.

Издавна большое значение для Москвы имел водный путь по реке Яузе в бассейн Клязьмы. Там, где сейчас расположен город Мытищи,— при впадении в Яузу небольшой речки Работни — начинался волок из реки Москвы в реку Клязьму. Около восьми километров лодки волочили по суше на специальных катках и затем спускали на воду поблизости от современного села Городище.

Видимо, у впадения р. Работни в Яузу и находился *Яузский мыт*. Свидетельством этому является село *Яузское Мытище*, упоминающееся в документах XV века. *Мытом* в старину называлась специально устроенная застава для сбора пошлины с тех, кто пользовался волоком. Это место имело и другие наименования — *мытня*, *мытница*. Для охраны Яузского мыта и волока был построен городок, то есть небольшое укрепление. На его месте впоследствии выросло село Городище.

Роль водных путей, а особенно волоков в условиях тогдашнего бездорожья, болотистой подмосковной почвы и беспокойного проезда по лесным дорогам была особенно велика. Волок представлял собой большое удобство, но за пользование им требовалось уплатить значительную пошлину, которая называлась *мыт* или *мыто*. Яузский волок был особенно важен, так как благодаря ему суда значительно сокращали свой путь из Оки в Волгу и обратно. Кроме того, вместо относительно опасного плавания по Оке в районе Мецеры суда плыли по густозаселенному и более благоприятному для судоходства водному пути Московского княжества.

По ряду памятников письменности известно, что уже во второй половине XIV века на Яузе существовало несколько запруд и были мельницы. Следовательно, к этому времени судоходство по Яузе прекратилось. К тому же в начале XIV века Московские князья отобрали у рязанских князей город Коломну и стали пользоваться для перехода из р. Москвы в р. Клязьму более удобным путем через реку Нерскую, в устье которой находился Усерский мыт.

После того, как появился более удобный (всего около одного километра длиной) волок из реки Нерской в Ушну, Яузский волок и мыт прекратили свое существование. Мыт стал называться словом *мытище*. В XV веке на его месте появилось село Яузское Мытище. Суффикс *-ище* в древнерусском языке имел значение 'место, где что-либо было, существовало'. *Городище* — место, где был город, то есть укрепление, крепость; *селище* — место, где было село (селение вообще); *мытище* — место, где был мыт. Слово *мытище* в этом значении зафиксировано в ряде памятников. Так, в одной из грамот Ивана Грозного, устанавливающей границы земельных владений, говорится, что межа между землями идет «рекою Истою вверхъ... да къ мытищу».

Форма единственного числа *Мытище* в процессе исторического развития названия превратилась в форму множественного числа — *Мытищи*, часто встречающуюся в русских названиях сел и городов.

Непосредственным предшественником города Мытищи стало село Большие Мытищи, выросшее из села Яузское Мытище. В XVIII веке Большие Мытищи было «кабинетным селом» императрицы Елизаветы Петровны. В нем она отдыхала по пути на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Местность славилась хорошей водой и большим количеством колодцев. Именно поэтому здесь происходили знаменитые чаепития богомольцев, а также столванье-пированье людей, специально приезжавших сюда из Москвы отдохнуть и погулять. Чаепитие в Мытищах запечатлено на известной картине художника В. Г. Перова, которая так и называется:

«Чаепитие в Мытищах». До середины нашего столетия существовал и другой населенный пункт — Малые Мытищи, затем вошедший в состав города. Всего лишь пятьдесят лет тому назад в справочнике-путеводителе «Дачи и окрестности Москвы» сообщалось: «Деревня Малые Мытищи находится в нескольких минутах ходьбы от станции Лось. Местность безлесная с мелким кустарником. Протекает речка Ичка, приток Яузы. Малые Мытищи — типичная подмосковная деревня с двумя рядами крестьянских изб».

Мытищи сыграли большую роль в истории Москвы не только как ближайший пригород, где появилось много фабрик и заводов, большой транспортный узел. Мытищи стали одним из живительных источников, напоивших Москву водой.

К концу XVIII века потребность Москвы в хорошей воде нагнала настолько, что императрица Екатерина II была вынуждена дать указание об изыскании достаточно богатых источников годной для питья воды. «Москва доброй воды для употребления не имеет, москворецкая вода мутна и нечиста», — говорилось в царском указе.

«Комиссия строения производимых в Московской столице водяных работ» наиболее подходящей для снабжения Москвы признала мытищинскую воду. На расстоянии километра от села Большие Мытищи находилось несколько ключей, вода которых отличалась прозрачностью, чистотой и хорошим вкусом. Один из ручьев с ключевой водой носил название *Громового*, поскольку по преданию он был «открыт» ударом молнии.

Работы начались в 1778 году, а уже в 1780-м мытищинские ключи давали Москве по трем акведукам — Мытищинскому, Ичковскому и Ростокинскому (последний сохранился до наших дней) — ежедневно 330 тысяч ведер прозрачной и вкусной воды. Во второй половине XIX века мытищинский водопровод был расширен. Мытищинская вода была таким благом, что поэт Николай Языков написал шуточное стихотворение «На громовые колодцы в Мытищах»:

Отобедав сытной пищей,
Град Москва, водою нищий,
Знойной жаждой был томим:
Боги сжалились над ним:
Над долиной, где Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдруг удар громовой тучи
Грянул в дол — и ключ кипучий
Покатился. Пей, Москва!

В Москве, у Крестовской заставы, где стояли водонапорные башни и проходили трубы Мытищинского водопровода, в XIX веке были проложены улицы, получившие название *1-й* и *3-й Мытищинских*, а также *Мытищинский проезд*.

Мытищинский водопровод просуществовал полтора века. Он уступил место новой системе водоснабжения города Москвы, разработанной уже советскими специалистами.

Именно в советское время коренным образом изменились и сами Мытищи. До Великого Октября в Мытищах (включая село Большие Мытищи, пристанционный и заводской поселки) проживало всего семь тысяч человек. Сейчас население Мытищ превышает 150 тысяч человек.

В город Мытищи были преобразованы в 1925 году. Как это часто бывало в Подмосковье, разрастаясь, город включал в себя близлежащие населенные пункты. Их названия становились нередко внутригородскими наименованиями микрорайонов, улиц, площадей (так, например, название *Рупасовской улицы* в Мытищах напоминает о некогда существовавшем селе Рупасово, которое стало частью города). В 1932 году в городскую черту Мытищ были включены населенные пункты *Шарапово*, *Рупасово*, *Заречная Слободка*, *Леонидовка*, *Перловка*, *Дружба*, *Тайнинка*, *Тайнинские выселки*.

Неподалеку от г. Мытищи расположено старинное село Тайнинское (оно являлось владением московских государей). Село упоминается в документах с 1410 года, с того времени, когда принадлежало внуку Ивана Калиты — князю Владимиру Храброму, участнику Куликовской битвы. Тайнинское хорошо известно в истории русской архитектуры своим замечательным пятиглавым собором, построенным в 1675—1677 годах при царе Алексее Михайловиче у слияния рек Стебельки и Яузы.

Мытищи — один из крупнейших индустриальных центров Московской области. Здесь расположены машиностроительный, приборостроительный, электромеханический заводы, завод художественного литья и другие предприятия.

*Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ*

Рисунок В. Комарова

Парусная регата Олимпиады-80 состоится в Таллине. Столица Эстонии является основным местом проведения крупных гонок под парусом в Советском Союзе. Традиция эта восходит к 1948 году, когда в Таллине собрались лучшие яхтсмены страны, чтобы выявить чемпионов СССР. А первая международная Балтийская регата в Таллине была проведена в 1961 году. Летом 1980 года город примет лучших спортсменов мира, гостей из союзных республик и из-за границы. Это большое спортивное событие совпадает с празднованием 40-й годовщины образования Эстонской ССР.

Две недели Таллин будет в центре внимания всего мира. А знаете ли вы, что Таллин в течение веков назывался по-разному? Впервые упомянул название города арабский географ Абу-Абдаллах-Мохамед аль Идриси в 1154 году, составлявший карту известных в ту пору частей света. Он отметил на ней и Таллин, носивший имя *Колывань*. В пояснительном тексте было написано: «К городам Астланды [Эстонии] относится и Колуван (Колывань), маленький город наподобие большой крепости, жители коего земледельцы...». Колывань упоминается и в древнерусских памятниках, например, в Суздальской летописи 1223 года: «прииде князь Ярославъ отъ брата в Новгородъ съ всею областію и поиде к Колываню». *Колываню* называли Таллин в русских источниках и в XVII—XVIII веках.

Произошло старинное название *Колывань*, видимо, от мужского имени *Калева* (*Кольва*). По мнению крупного эстонского лингвиста П. Аристе имя *Калыва* первоначально означало 'сильный человек, сильное животное'. Оно символизировало силу и мужество его носителя. Поэтому именем *Колуван* (*Калывань*), видимо, и было названо хорошо укрепленное городище с сильными и мужественными жителями.

Столица Эстонии имела и другие названия. В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского при описании борьбы ливов и эстов с датчанами в 1219 году упоминается название *Lyndanise*. Имя это ученые считают древнешведским и связывают с встречающейся в русских былинах формой *Леденец* (*Лиденес*). Вторая часть названия *Lyndanise* — шведское слово *päs* 'мыс'. Первой же частью, как считает эстонский географ Л. Тийк, видимо, является шведско-датское образование *Linde* 'привал, прикрытие'. По мнению Л. Тийка *Lyndanise* было известным местом остановки (например, во время бури) и для повгородских мореплавателей, которые придали скандинавскому топониму форму *Леденец* (*Лиденес*).

Широко известным в свое время было немецкое название Таллина *Ревал*, по-русски — *Ревель*. В диалекте эстонских шведов название Таллина имеет форму *Räval* (*Рявал*) и, опираясь на это, можно предположить, что в эстонском языке существовал топоним *Rävälä* (*Рявяля*). В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского так называется окрестность Таллина. Таким образом, город имя *Ревель* мог получить от названия наименования окрестности. Первоначальное значение названия не совсем ясно. Так П. Аристе считает, что *Rävälä* (*Рявяля*) происходит от древнего мужского имени *Rävä* (*Рявя*). Существуют и другие этимологии, например: название города происходит от шведского слова *revel* 'риф, отмель'.

И наконец о наименовании *Таллин*. В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского городище Таллин называется *castrum Danorum* 'городище датчан'. Новое название *Taanilinn* 'датский город' возникло после 1219 года, когда древнее эстонское городище было захвачено датчанами.

Звуковое развитие данного топонима по мнению эстонского лингвиста А. Сааресте могло происходить следующим образом: *Tanilinna* → *Tanilinna* → *Talilinna* (звук *n* преобразовался в *l*) → *Talinna* → *Tallinn*. На происхождение названия столицы Эстонии от *Taanilinn* 'датский город' указывает и тот факт, что в финских и

карельских народных песнях Таллин упоминается в форме *Tanikaan linna*, а в латышских народных песнях — *Dānu pils*, что и означает 'датский город'.

Местом олимпийской регаты является район Таллина *Пирита*, здесь находятся современный парусно-спортивный центр и олимпийская деревня.

Название *Пирита* происходит от скандинавского имени *Virgitta*. Жившая в XIV веке шведка Биргитта после смерти мужа стала монахиней и основала монастырский орден. Одному из монастырей этого ордена дали ее имя. В течение веков чужое скандинавское имя *Биргитта* преобразовалось в *Пирита*.

Я. Э. СИММ

Рисунок В. Комарова

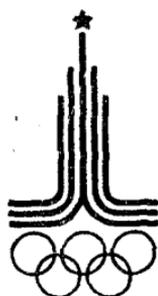
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

И. Ю. Пирожкова из Тольятти спрашивает: «Что означает слово *уик-энд*?».

Уик-эндом в Англии, США и других странах называется отдых с субботы до понедельника.

И. Л. Иванов из Тулы пишет: «Как-то по радио слышал, что ленинградскими спортсменами сделаны *дрегстеры*. Откуда это слово, что оно означает?».

Дрегстер — английское слово. Им называют разновидность гоночного автомобиля для скоростных заездов на четверть мили (402,336 м) со стартом с места. Дрегстеры используются и в рекордных заездах на 500 и 1000 метров. Эти спортивные машины имеют довольно-таки своеобразный вид: длинное легкое шасси, очень большие и широкие задние шины, передние колеса велосипедные. Да и проходят дистанцию они также своеобразно: на задних колесах, передние — чуть приподняты. Лучшие дрегстеры покрывают четверть мили за шесть с небольшим секунд.

ОЛИМПИЙ-
СКИЕ
ВИДЫ
СПОРТА

Соревнования по баскетболу на XXII Олимпийских играх состоятся в Москве. Они, несомненно, привлекут внимание миллионов болельщиков в нашей стране и за рубежом.

Где же и когда возник баскетбол? Как образовалась его терминология?

Историки спорта считают, что игрой, напоминающей баскетбол, увлекались еще индейцы из племен инков, майя и ацтеков более 2500 лет назад. Они называли ее *пок-так-пок*. В конце XIX века появилась игра, получившая название *баскетбол*. Придумал ее в 1891 году преподаватель физического воспитания из американского колледжа в г. Спрингфелде штата Массачусетс доктор Нейсмит. Он прикрепил к ограждению балюстрады, шедшей вокруг зала, две корзины из-под фруктов и предложил учащимся забрасывать в них мяч. Когда Нейсмита спросили: как называется эта игра? Он ответил: мяч-корзина (по-английски *ball-basket*) или лучше — корзина-мяч (*basket-ball*).

Известно, что в некоторых учебных заведениях Петербурга и Москвы в баскетбол уже играли в 1903 году. А в 1909 году петербургские спортсмены из общества «Маяк» провели баскетбольный

турнир с участием шести команд и первый международный матч с американской командой.

Широкое развитие баскетбол, как и другие виды спорта, получает после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1921 году в Петрограде, в 1922 году — в Москве создаются баскетбольные лиги, устанавливаются отечественные правила игры. Баскетбол входит в программу школ по физической культуре и включается в программу Уральской, Среднеазиатской и других олимпиад. В 1923 году во время первого Всесоюзного праздника по «физкульту» проводится розыгрыш первенства СССР по баскетболу.

В 20-х годах слова *баскетбол*, *баскетболист*, *баскетболистка* начинают довольно часто употребляться в печати. В спортивной хронике тех лет читаем: «Приезд весной в Москву вятских баскетболистов, у которых можно было кое-чему поучиться, прошел как-то незаметно, что можно объяснить лишь недавним появлением этой игры» («Физическая культура», 1922, № 6—7); «Баскетболистки РКИМА победили Мотовилиху 60 : 3 и сборную Перми 36 : 21» («Известия физической культуры», № 18). О новой игре упоминается в произведениях художественной литературы. Так, например, в рассказе известного русского писателя В. Вересаева «Исанка», опубликованном в 1928 году в журнале «Новый мир», читаем: «Были две сыгравшиеся за месяц баскетбольные женские команды... Исанка была центровым игроком и капитаном юбочниц: одна партия была в юбках, другая в шароварах».

Баскетбольную терминологию той поры составляют такие термины, как *центральной игрок*, *держат мяч*, *ведение мяча*, *блокировать противника*, *держат игрока*, *персональная ошибка*, *мяч мертв*, *вбрасывание мяча в корзину*, *время прочь*, *блокада*, *мертвый мяч*, *вне границ* (ср. современный термин *вне игры*), *кольцевая доска* (ср. современный термин *баскетбольный щит*), *передача*, *играть по мячу* и т. п.

Когда же слово *баскетбол* вошло в словари? Одним из первых его ввел в свой «Энциклопедический словарь по физической культуре» (1928) Б. М. Чесноков. Первое время это слово писалось через дефис (*баскет-бол*, *баскет-болл*) и имело ударение на каждой части. В 1935 году *баскетбол*, *баскетболист*, *баскетболистка*, *баскетбольный* появляются в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Здесь уже слово *баскетбол* пишется слитно, но имеет два ударения — на первом и на последнем слогах.

В состав русской баскетбольной лексики входят исконно русские слова и выражения, свойственные различным подвижным играм (*нападающий*, *защитник*, *добивание*, *быстрый прорыв*, *центральной игрок*, *поле*, *площадка*, *бросать*, *ловить*, *бросок*, *ловля*, *обыг-*

рать, подножка, удерживание и т. п.), иноязычные заимствования (*пас* — англ. pass 'передача', *прессинг* — англ. pressing 'давление', *дриблинг* — англ. dribbling 'ведение'), семантически преобразованные термины ряда специальных областей, главным образом, военного дела (*атака, защита, атаковать, наступать, наступление, оборона, снайпер, обстреливать, блокировать, блокировка* и т. п.).

Исключительно русские и заимствованные слова послужили источником образования новых специальных словосочетаний: *баскетбольная команда, низкий пас, пас двумя руками от груди, боковой пас с поворотом, штрафной бросок, активная зона* и т. п.

В терминологии баскетбола иноязычные по происхождению слова нередко употребляются наряду с их русскими кальками: *дриблинг — ведение, пас — передача, фол — ошибка* и т. п. Слово *пас* пришло в отечественную спортивную терминологию из английского языка в начале 20-х годов. Некоторое время оно писалось *пасс*. В руководствах по баскетболу, изданных в то время, читаем: *низкий пасс одной рукой, высокий пасс двумя руками, боковой пасс с поворотом* и т. п. В дальнейшем *пас* вытесняется словом *передача*, которое в 40—50-е годы употребляется особенно часто. *Пас* как термин возрождается в конце 50-х годов. В современной баскетбольной терминологии он является интернациональным и конкурирует с русским термином *передача*.

Появлению новых терминов способствует новая тактика игры. В 60-х годах в отечественную терминологию входит интернациональный спортивный термин *прессинг* (англ. pressing от to press — 'нажимать, давить'). В современном баскетболе в силу особой тактики ведения игры со словом *прессинг* было образовано новое словосочетание *зонный прессинг* — 'активная форма защиты в пределах зоны': «На вооружении армейских спортсменов и зонная защита, и прессинг, и зонный прессинг» — читаем мы в справочнике-календаре «Баскетбол-79».

Для непосвященных многое в специальной лексике баскетбола будет непонятным. Например, в 30-е годы *штрафником* называли баскетболиста, умеющего точно выполнять *штрафные броски*. В современном баскетболе *штрафные броски* выполняет каждый игрок, поэтому слово *штрафник* в специальном значении вышло из употребления. Термин *заслон* обозначает особый тактический прием, избавляющий на некоторое время игрока от опеки игрока-соперника; *опекать* — это следить за действиями игрока противника, не давая ему возможности получать мяч от партнера по команде; *центрровой игрок* или *центр* — это самый высокий игрок в команде, в задачу которого входит борьба за верхние мячи в центре, под щитом соперника и своим щитом. В баскетбольном жаргоне известны такие слова, как *поливать* 'бросать мяч по кольцу', *кикать* 'тре-

нируясь, играть в баскетбол⁷ и т. д. В 50-х годах в речи баскетболистов можно было услышать сокращенное *basket* с ударением на первом или на втором слоге.

Слово баскетбол, образованное в конце XIX века стало интернациональным. Несмотря на те или иные языковые особенности, мы узнаем название этой увлекательной игры, произнесенное на разных языках. В одних странах, наряду с интернациональным термином, употребляется его калька, в других — для названия этой игры образовано свое слово. Так, например, баскетбол в Испании называют *baloncésto* (*balon* — мяч, *césto* — корзина), в Италии — *pallacanestro* (*palla* — мяч, *canestro* — корзина), в Дании — *kúrvebold* (*kúrve* — корзина, *bold* — мяч), в Польше — *koszykówka* (*koszyk* — корзина).

Слово *баскетбол* за время своего существования прошло интересный путь. Изменилось первоначальное его написание, установилось единое произношение. Были образованы производные от него. Для новой игры была создана и новая терминология, обогатившая общую терминологию спорта и словарный состав языка.

В. Н. СЕРГЕЕВ

Рисунок В. Комарова

Вышел в свет «Энциклопедический словарь юного спортсмена» (М., «Педагогика», 1979).

Его выпуск приурочен к XXII Олимпийским играм в Москве. Читатели найдут в нем обширную информацию о современном состоянии физической культуры и спорта в СССР и за рубежом, об основных видах спорта, о детских спортивных играх на призы ЦК ВЛКСМ «Золотая шайба» и «Кожаный мяч» и др. Словарь интересен не только любителям спорта, но и всем, кто интересуется спортивными названиями. В словаре дана их краткая расшифровка.

Издание рассчитано на читателей старшего и среднего школьного возраста, а также на массовую юношескую аудиторию.

Над просторами нашей планеты тысячелетиями господствуют ветры, оказывая огромное воздействие на жизнь человечества. Не случайно все народы на определенном этапе развития, поклоняясь силам природы, обожествляя их, верили в повелителей ветров.

Так, жители Эллады считали, что бог морей Посейдон может вызывать и укрощать бури, что злой Борей повелевает суровым северным ветром, а его брат Зефир — теплым западным. С повелителем ветров Эолом мы встречаемся в гомеровской «Одиссее». Расставаясь с Одиссеем, Эол приказал попутному ветру надувать паруса корабля героя, а в дорогу подарил ему мех, в котором были спрятаны все остальные ветры...

Аналогичная картина обожествления природных явлений наблюдалась и в славянском мире. Древние славяне поклонялись всемогущему Перуну, который, разгневавшись, мог обрушить на

землю бурю. Особо выделяли они бога ветров Стрибога. Отголоски этого сохранились в «Слове о полку Игореве», где говорится: «Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы!». В старину на Руси верили, что среди многих ветров четыре являются главными, они сидят по углам земли и подчиняются вихревому атаману.

Уже в древности ветры отдельных направлений получали собственные наименования, естественно, в разных языках и на разных территориях свои. Однако некоторые из них оказались очень популярными и перешагнули языковые и государственные границы. Так, названия ветров *мистраль*, *сирокко*, *левант*, *бунент* и другие, широко распространенные в странах Средиземноморского бассейна, «залетели» и в нашу страну, они хорошо известны рыбакам и морякам азовско-черноморской акватории (см.: Б. Л. Богородский. Итальянские названия ветров на Черном море. Калинин, 1977).

В различных местах нашей Родины издавна сложились свои системы наименований ветров, наиболее полные и четкие — по берегам морей, крупных рек и озер.

Рассмотрим названия ветров, бытующие на озере Селигер, расположенном на границе Новгородской и Калининской областей. Здесь с давних времен, в связи с развитием рыболовства, сформировался богатый своеобразный словарь, включающий общенародные и диалектные наименования. В результате ряда недавних поездок на озеро и бесед с местными рыбаками удалось собрать более пятидесяти названий. Кроме того, еще около десятка слов, не известных в настоящее время на Селигере, обнаружено в дореволюционных источниках.

Принцип наименования ветров главных направлений прост и достаточно прозрачен. Наряду с литературными названиями (северный ветер, южный, восточный и западный) среди рыбаков распространены и такие, которые полностью совпадают с названиями основных сторон света: *север*, *запад*, *восток* (*восток*) и *юг*. Такая система, кстати, отмечена и на побережье Белого моря (см.: В. Я. Дерягин. Откуда дует ветер? — «Русская речь», 1967, № 2).

Как правило, для одного и того же ветра имеется несколько названий. Например, для северного — *северик*, *северяк*, *северняк*, *сэвра*, *сйвер*, *сйверка*, *сиверок*, *сиверочек*, *табашник*. Для западного — *мокрик* и *мокрык*, для восточного — *покойник* («Пойдут холода, если покойник дует» — народная примета, записана у жителей Осташковского района), для южного — *полуденный*, *полудний*, *полднёвый*, *полуден*, *полуденник*, *полудник*. Интересно, что из всех

перечисленных названий ветров только *сиверок* вошел в состав местной поговорки: «Если дует *сиверок* — полезай на *наволók* (то есть на отмель)».

Промежуточный между четырьмя основными ветрами (их зовут на Селигере «чистыми ветрами») называется *полуветер* или *межнёц*, *межнёц*. Слова *межняк*, *меженик*, *межнёц* отмечены также для названия юго-западного ветра. В «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» 1856 года приведены *межнец* и *межник* — «противный ветер на Селигере».

От названий времен года образованы: *вёшник* — весенний ветер, *осёшник* — юго-западный, *зимник* и *зимняк* — юго-восточный или восточный. Ветер, приносящий дождь и сырость (обычно дующий с юго-запада или запада), называют *мокрик*, *мокрёк*, *мокрёбок*, *мокроглазик*. Любопытны два образных названия, отмеченных в нескольких соседних деревнях, — *женатый ветер* (стихающий на ночь) и *холостой ветер* (дующий постоянно днем и ночью несколько суток).

Попутный ветер называют *пбветер*, *пбветерь*, *пбветерь*; встречный — *лововик*, *лововёй*, *встрёчник*, *протівень*, *протівка*, *протівник*; боковой — *боковик*, *поперёчник*; дующий вдоль озера — *долёвик*, *долёвёй*, *долёвётый*, *продольный*.

Интересно, что отдельные наименования ветров сохраняются на Селигере на протяжении столетий. Так, *сёвер*, *полуден*, *всток*, *запад*, *зимняк* и *мокрик* отражены как селигерские в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (1863—1866). Некоторые слова зафиксированы даже раньше, например в «Опыте областного великорусского словаря» 1852 года и «Дополнении» к нему 1856 года: *северик*, *полудник*, *межнёц*, *протівник* и другие. Как осташковские *зимняк* и *мокрик* отмечены уже в «Трудах общества любителей российской словесности» 1820 года. Вполне возможно, что, отмеченные словарями XIX века, эти слова появились значительно раньше.

Естественно, за столь длительное время некоторые из них изменили своё значение и форму или совсем вышли из употребления. Например, современным жителям Приселигерья не известны такие слова, отмеченные в дореволюционной литературе как осташковские, — *теплик* (южный ветер), *холодик* (северный ветер), *крестовый запад* (северо-восточный ветер). Не зафиксированы пока в живой речи современных селигерских рыбаков однокорневые более древние образования: *пбдник*, *пбднице* (южный ветер), *озимник* (северо-восточный ветер), *пбветрица* (попутный ветер) и другие. Изменились значения у терминов *межнёц* (северо-восточный ветер) и *снежняк* (северо-западный ветер).

Следует добавить, что имеется еще ряд слов, сохранившихся на Селигере, а также и на других водоемах страны с древнейших времен до наших дней. Например, в древнерусских памятниках письменности отражены слова *поветерье* — с XI века, *северик* — с XVI века, *север, восток, запад, шелоник* — с начала XVII века.

Особенно интересна история последнего слова. Его удалось записать от рыбаков самого северного Полновского плёса. Причем термин *шелбник (шалбник)* рыбаки сейчас не употребляют, но слышали от стариков, которые так называли юго-западный ветер. В работе академика Я. К. Грота («Филологические разыскания». СПб., 1873) встретилось замечание о том, что словом *шелонник* называли на Селигере северный ветер.

Обращение к словарям и специальной литературе помогло определить, что *шелбник* и его варианты (*шалбнник, шолбник, шалбйбник, салбник, шелбйбник* и подобные) широко известны в народных говорах русского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Благодаря разысканиям лингвистов удалось установить, что название связано с новгородской рекой Шелонью и распространено древними новгородцами и севернорусами на значительной территории, изменив, правда, несколько форму и значение в разных диалектах (см.: С. Е. Мельников. Шелоник.— «Русская речь», 1977, № 5).

Лингвогеографическое рассмотрение всех собранных ветровых наименований показало, что, несмотря на известную специфичность селигерского словаря, многие названия ветров известны рыбакам и ряда других водоемов. Большая близость наблюдается с лексикой рыбаков Северо-Запада РСФСР, особенно псковско-новгородской: *долевйк, зимняк, меженец, мокряк, северик, полудник, протйвник* и другие.

Эта общность метеорологической лексики может быть объяснена, с одной стороны, близостью розы ветров данных регионов, с другой — давними экономическими связями рыбаков многих северо-западных бассейнов. Установлено, в частности, что «осташи» (жители г. Осташкова и других селигерских селений) до революции систематически промышленно ловили рыбу на Ильмене, Псковском, Чудском озерах и других отдаленных акваториях, даже на Финском заливе и восточном берегу Балтийского моря. Все это не могло не сказаться на некоторой близости словарных запасов рыбаков.

Так обращение к селигерским наименованиям ветров помогло приподнять завесу над интереснейшим культурно-экономическим прошлым данного района, нашедшим отражение в языке местных жителей.

Н. Ю. МЕРКУЛОВ
Рисунок В. Толстоногова

КАК НАЗЫВАЛИСЬ

В 1786 году в Петербурге вышло «Описание растений Российского государства» академика П. С. Палласа, в котором говорилось: «Повсюду, где обитают человеки и где есть животные, там растут и прозябения [растения]. Они составляют наибольшую часть нашей пищи; ими кормится толикое множество нам полезных и необходимо нужных животных; им одолжены мы приятными напитками, жилищем, топлением и одеянием; они ободряют наши чувства своим благовонием и увеселяют взор наш своими многоразличными цветами и видами; они украшают наши поля и сады своею пестротой; они чистят и возобновляют воздух; они с древнейших времен производят собою в недрах земных различные ископаемые вещества; из них делаем мы всякие в художествах и ремеслах орудия, получаем на строение корабельное лес, смолу и канаты, дерево на повозки, столярную и токарную работы; они снабдевают нас наиболеею частью красильных веществ и целительными средствами для излечения множества различных болезней, происходящих от образа нашей жизни, уклонившегося от естественного состояния» (П. С. Паллас. Описание растений Российского государства. Перевод В. Зуева, ч. I. СПб., 1786, с. III. Отрывок дан в современной орфографии). Как еще лучше можно сказать о значении растений в жизни людей?!

Следует отметить, что леса занимают треть территории нашей страны и в них насчитывается более 1400 видов деревьев и кустарников. Наука утверждает, что состав деревьев, особенно дикорастущих, сохраняется у нас с древнейших времен. Наименований деревьев существует очень много. Однако когда мы обращаемся к памятникам древнерусской письменности, то видим иную картину. С некоторым недоумением мы обнаруживаем сравнительно позднее появление в письменности названий большинства деревьев, а также производных от них. Возникает вопрос: с чем это связано? Разве наши предки, древодельцы и плотники, не интересовались деревьями? Разумеется, интересовались. Об этом красноречиво говорит и приведенный отрывок. Так в чем же дело? Для ответа на этот вопрос нужно вспомнить о характере и жанрах древнерусской письменности. По преимуществу это была литература, обслуживавшая нужды церкви. В XI—XII веках жития святых, например, были

ДЕРЕВЬЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ?

основным видом литературного творчества и, как свидетельствуют сохранившиеся рукописи, основной «беллетристической».

Что же касается названий деревьев, то они, как правило, не привлекали внимания книжников и просачивались в письменность довольно редко, большей частью как производные, обозначающие различные собственные имена (топонимы), или через названия религиозных праздников (например, от наименования *верба* и пр.).

По данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, картотеки «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.» и картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.» в памятниках письменности древнерусского языка XI—XIV веков встретилось около тридцати различных названий деревьев — исконных и заимствованных.

Однако это ни в коей мере не говорит о том, что наши предки не знали других деревьев. Видимо, благодаря тенденции, о которой уже говорилось, названия многих деревьев, весьма распространенных на Руси или знакомых древнерусам по названиям и основным их свойствам, не дошли до нас в письменных памятниках.

Следует отметить, что растительная терминология в русском языке по преимуществу не является общеиндоевропейской, в противоположность, например, скотоводческой (исключением здесь является, по существу, лишь *береза*).

Из наиболее древних, общеславянских наименований деревьев, являющихся одними и теми же во всех или в большинстве славянских языков, в памятниках древнерусской письменности встретились: общее название *дерево*, а также *береза*, *верба*, *вяз*, *вишня*, *дуб*, *ель*, *ива*, *липа*, *ольха*, *сосна*, *тополь*, *ясень*, *яблоня*, *клен*, *осина*, *рябина*, *черемуха*.

В роли общего термина в языке ранних памятников письменности, как и в наше время, употреблялось слово *дерево*:

«Да в деревнѣ въ Вихтерицѣ садъ, а въ немъ пятьдесятъ деревьевъ» (Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины, 7008 г., 2-я половина, с. 268).

Однако количество примеров с этим словом в русской (полногласной) форме и с данным значением невелико. Наоборот, старославянская неполногласная форма (*дрѣво*, *дрѣво*), сосуществовав-

шал с русской полногласной, документируется огромным количеством (в несколько сотен) примеров из различных памятников письменности этого периода, как переведенных, так и оригинальных, написанных на территории Руси. И во всех этих случаях слово *древо* употреблено в значениях церковно-культурных, часто ничего общего не имеющих с дендрологической терминологией: «древо животное», «древо жизни», «древо чьстное» и т. д.

Что же касается любимейшего нашего дерева — березы, которое, несомненно, было очень хорошо знакомо нашим предкам и использовалось ими с древнейших времен (вспомните хотя бы берестяные грамоты), то впервые в памятниках письменности появляется не наименование *береза*, а его производные.

В грамоте князя Всеволода Юрьеву монастырю 1136 года мы читаем: «На оусть Березьна». И. И. Срезневский поясняет: «Березьно — поток близ Новгорода». В Четвероевангелии 1144 года встречается название месяца *березоволь*, в связи с чем следует пояснить, что у славян название каждого месяца имело какое-то реальное хозяйственное значение или по крайней мере было связано с известными фактами природы.

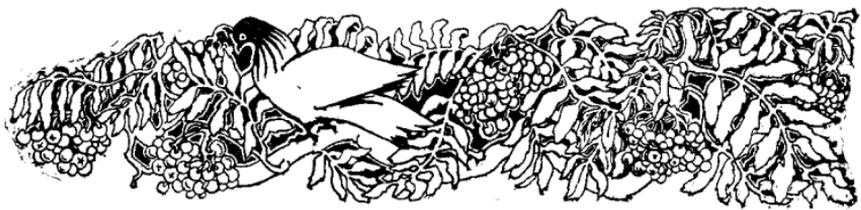
Березовол — это апрель.

Когда наступала весна, древний крестьянин шел в лес, следил, как сохнут на первом солнце подрубленные им деревья и кустарник. Когда же все достаточно просыхало, он жег их тут же, на корню, насыщая будущую пашню и готовя ее к севу. И вот наступил месяц *березовол*: зола сожженных берез кормила землю, и в землю бросалось зерно.

В Стихираре (сборнике духовных стихов) XII века мы находим словообразовательный вариант в старославянской огласовке *бръзьнь*: Мѣцъ апрѣль рекомыи бръзьнь имат днии. ѿ. (т. е. месяц, называемый апрель, имсет 30 дней). Грамота 1288 года дает топоним *Березовичи* — название села в Волынском княжестве.

Кроме того, в памятниках этого периода мы встречаем прилагательное *березовъ*:

(1128): Въ се же лѣто, лють бяше осминька ръжи по грвнѣ бяше и ядыху люди листь лицовъ короу березовоу... (в год 1128 так

было плохо, что осминка ржи была по гривне, и люди ели липов лист и кору березову), I Новгородская летопись, л. 12.

Береза, как название местности, встречается лишь в памятнике XVI века (в Никоновской летописи): «Пришедшу великому князю Дмитрею Ивановичю на мѣсто нарицаемое Березу».

Интересно отметить, что *береза* — это единственное общеиндоевропейское название дерева. Мы имеем, в сущности, то же самое название не только во всех славянских языках, но и в большинстве индоевропейских. Это — показатель большой древности слова, которое, как считают многие исследователи, восходит к тому же корню, что и *белый*. Дерево названо так по белому цвету коры.

Следует добавить, что в березовом семействе насчитывается около 120 видов, из них 40 имеют «прописку» в нашей стране (например, *береза бородавчатая*, или *белая*; *пушистая*; *плосколистная*; *ребристая*, или *желтая*; *даурская*, или *черная* и др.).

Издревле это дерево помогало человеку. Веками на Руси была в ходу берестяная посуда. Без березы не смастеришь телегу и не выедешь на ней без скрипа: колеса смазывали березовым дегтем.

Верба и производные встречаются довольно часто в памятниках церковного содержания, намного реже — в памятниках светских. Это связано с тем, что верба издавна является культовым деревом христианской религии.

Еще до принятия христианства (988 г.) ветви вербы имели у славян религиозное значение, быть может, потому, что верба первая весной оживает и дает пушистые сережки («барашки»). Ветви вербы считались целебным средством против разных недугов. В древней Литве, например, верба считалась богиней чадородия, и бедные крестьянки приносили ей молитвы и жертвы, чтобы она даровала им детей.

Название дерева *вяз* также очень древнее по происхождению. Вяз распространен по всей Европейской России и далеко заходит на север. Лыко этого дерева очень гибкое и издавна использовалось для плетения лаптей-вязовиков. Поэтому к происхождению этого слова связывают с глаголом *вязать*. В памятниках XI—XIV веков известен один случай употребления этого наименования: «Дала

есми прикупной лугъ... доломъ да по два озерца, да на вязъ да на иву» (Данная княгини черницы Марины Суздальскому Васильевскому монастырю, 1252—1253). В этом же примере мы впервые встречаемся с названием такого дерева, как *ива*.

Особенностью употребления названия *дуб* является то, что параллельно существовало два значения: дерево вообще и дуб — долголетнее лиственное дерево, приносящее желуди и обладающее крепкой древесиной. М. Фасмер полагал, что первоначальным значением слова *дуб*, вероятно, было «дерево». Он приводил для сравнения полабское название яблони (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964, с. 547). Древнейший памятник русской письменности, в котором это слово встретилось, — Изборник 1073 г.: «Не бо может доубъ добръ плода зъла творити» (Не может доброе дерево сотворить злой плод).

Что же касается общеславянского названия очень распространенного у нас дерева *ель*, то оно впервые зафиксировано в памятнике, ранний список которого относится к XIV веку: «Поверже отроча подъ елию» (Книга Бытия по рукописи Троице-Сергиевой лавры XIV века).

К общеславянскому фонду относится также и название дерева *липа*.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера отмечается: «Дерево было названо так из-за своего липкого сока». Первая фиксация — в I Новгородской летописи (XIII—XIV вв.) в том самом отрывке, где говорится о голоде великом, о том, что «...ядяху люди листь липовъ, кору березовоу...».

Давняя дружба у этого дерева с человеком. Наши предки месяц июль — верхушку лета, пору массового цветения липы — называли еще *липнем*, *липцем*, а в украинском языке название *липень* сохранилось и сейчас.

Одиннадцать видов липы растет на территории нашей страны. Нет возможности перечислить всех даров этого дерева. Это и самый ценный мед, и целебные листья, и почки... Из лыка липы, как и вяза, также плели лапти.

Первые упоминания об ольхе относятся к XV веку. В XIV веке найден лишь один случай употребления прилагательного ольша-

ный: «Вербны и олшаны вѣтви» (Книга Левить по списку XIV в. Троице-Серг. лавры).

Надо полагать, что к общеславянской эпохе относится также слово *сосна*, отсутствующее в настоящее время в южнославянских языках, но известное в старославянском. Видимо, название дереву дано по цвету коры (др.—в.—нем. *hasan* — ‘серый, блестящий’). Следует отметить, что это самое распространенное хвойное дерево на территории нашей Родины.

Сосна достаточно рано появляется в памятниках письменности (впервые — в Изборнике 1073 г.). Для названия этого дерева употреблялись и другие слова, как, например, *хвоя*, *боръ*, *пегъ*, *тиса*. Правда, *тиса*, *хвоя* и *пегъ* появляются в письменных памятниках более позднего периода — после XV века.

Нет сомнения также и в том, что наши предки очень хорошо знали такие деревья, как *вишня* и *яблоня*, и лакомились их чудесными дарами. Однако впервые мы встречаем эти названия в памятниках XIV века. А наименования *тополь*, *ясень*, *клен*, *осина*, *рябина*, *черемуха*, являющиеся также древними общеславянскими, документируются письменно лишь памятниками XV века.

Кроме общеславянских названий деревьев, о которых мы уже говорили, в памятниках XI—XIV веков обнаружилось достаточно большое количество названий, заимствованных из разных языков в разное время: *ильмъ*, *илемъ* (наименование вяза), *кедръ*, *кипарисъ*, *маслина*, *сандалъ*, *смоква* (смоки, смоковница), *церь*, *церь* (обозначение дуба), *яворъ* (*аворъ*). Как видно из сказанного, письменные памятники периода древнерусской народности (XI—XIV веков) дают нам очень мало сведений о растительном мире Руси, в частности о деревьях. Однако, несмотря на это, ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что шесть-восемь столетий тому назад в густых лесах Руси были широко распространены очень многие деревья, которые украшают наши леса и теперь, и что ботаническая лексика (как общеславянская, так и заимствованная) достаточно широко употреблялась в связи с практическими нуждами людей.

Н. В. ТАРАНОВ

Рисунки С. Гавриловой

НА ЭТОТ ВОПРОС в различных местах России ответят по-разному, хотя будут иметь в виду один и тот же предмет: большую ложку с длинной ручкой (деревянную, металлическую или пластмассовую). С древних времен существует в обиходе русского человека этот предмет домашней утвари, а вот названий у него много.

Жидкое кушанье (щи, кашу), а также воду, молоко, пиво, квас на Руси искони наливали *уполовником, половником, полойником, полоником, уполовнем, уполовней, упольником, уполовкой, ополовником, поварешкой, поваренкой, поварней, кашиком, чумичкой, черпаком, черпачком, чупизником, шибалкой* и даже *лейкой*. Конечно, разливательные ложки могли быть разной формы и величины. В этом случае в названии отражалось их назначение. Так, например, на Печоре была и *шгинная поваренка* (шти наливают), и *квасная поваренка* (квас делали), и *печная* (долгая поваренка, воду в чугуны доливали). Но вообще-то поваренкой «хоть молоко, хоть шти лей». Для названия это принципиального значения не имело.

Чем вы
разливаете
суп ?

Внутренняя форма некоторых из приведенных названий разливательной ложки сразу понятна нам. Прежде всего это касается слов, родственных глаголам *варить, черпать, лить* (*поварешка, черпачок, лейка* и т. д.). Происхождение же других названий трудно объяснить, так как образовались они либо от узкодиалектных основ, либо от исчезнувших слов общенародного языка. Так, широко распространенное в русских говорах слово *чумичка* образовано от древнерусского *чум — чумик* 'ковш — ковшик', а однокоренные слова *уполовник-половник-ополовник* и другие с общеславянским корнем *пол-* родственны древнерусским словам *упол* 'накипь на варе', *уполовить* 'снимать накипь'; церковнославянским *испол-спол* 'приспособление для черпания' и т. д.

Какие же из этих многочисленных названий наиболее широко распространены на территории России, какие являются самыми старыми, стало ли какое-либо из них литературным наименованием разливательной ложки?

Судя по диалектным материалам картотеки Словарного сектора Института языкознания АН СССР, наиболее широко распространены слова *поваренка, уполовник, половник, поварёшка*. В некоторых местах встречаются два и даже три из четырех наименований, но все же можно, хотя бы в общих чертах, провести границы их распространения. Названия *поваренка — поварешка* бытуют на севере и в Сибири, *уполовник — половник* — в основном в центральной и южной России, в Поволжье.

Уполовник (и его словообразовательные варианты *уполовня* и *упольник*) является не только одним из самых распространенных на территории России названием, но и наиболее старым. Мы встречаем его в памятниках древнерусской письменности начиная с XI века. В XVIII—XIX веках это слово входит в состав общенародного языка и становится основным обозначением соответствующего предмета. Без каких-либо ограничительных помет *уполовник* приводится в словарях русского языка XVIII—XIX веков, встречается в литературе вплоть до 30-х — 40-х годов XX века. Например: «Повара и кухарки.., заслышав звон ключей, принимались за нож, за уполовник...» (Гончаров. Обломов); «Воды она налила полный жестяной уполовник и всю ее вышила» (Лесков. Зимний день); «Кухарка... наливает уполовником в огромную миску и ставит на деревянный стол» (Репин. Далекое-близкое).

В течение XIX века любителями отечественного языка было сделано много записей диалектных слов. В определениях местных наименований разливательной ложки (в том числе *половника* и *поварешки*) наряду с описательными сочетаниями типа *разливательная, кухонная, поварская ложка, стряпной ковш, черпачок для убавки щей, чтобы не перекипали* и т. д. используется, как прави-

ло, слово *уполовник*, что лишний раз показывает, что оно в это время было общеизвестно, воспринималось как общенародный синоним диалектизмов.

Кроме слова *уполовник*, в письменных источниках XIX века встречается наименование *разливательная ложка*. Оно оказывается предпочтительнее в тех случаях, когда описывается господская столовая, например: «— Сию минуту подадут, ваше сиятельство,— сказал Степан, доставая из буфета... большую разливательную ложку» (Л. Толстой. Воскресение).

Что касается *половника* и *поварешки*, то в течение всего XIX века они воспринимаются только как сугубо местные слова и как таковые впервые зафиксированы в «Опыте областного великорусского словаря» 1852 года: *поварешка* — как костромское, псковское и тверское слово, *половник* — как вологодское, псковское, нижегородское, тульское и тамбовское.

Слово *поваренка* было включено в толковые словари уже в XVIII веке, но оно не вошло в разряд активной лексики, оставаясь какое-то время вместе с *чумичкой* в пассивном запасе общенародного языка.

В XX веке внутри рассматриваемой нами лексической группы происходят коренные изменения. *Уполовник* сначала переходит в разряд пассивных, периферийных слов, затем вместе с *поваренкой* полностью выпадает из литературного словоупотребления, снова приобретая обособленный диалектный характер. Им на смену приходит пара *половник — поварешка*. Почему первая пара уступила свое положение в литературном языке своим однокоренным смысловым дублетам? Это — закономерное и обычное явление при вхождении нескольких близких по значению диалектных терминов в общенародный язык: язык «выбирает» слова более «экономные», более «правильные», однозначные и т. п. В данном случае приставка *у-* в слове *уполовник* стала восприниматься как лишняя, поскольку забыто происхождение названия; *поваренка* же не задержалась в общенародном языке, уступив свое место слову *поварешка*, несмотря на очень широкое распространение, по-видимому, из-за своей многозначности (*поваренка* означало также 'кухня', 'поварня' и 'повариха,стряпуха').

Какое же из двух «победивших» названий является правильным для современного литературного употребления, какое из них закрепилось в языке в качестве основного обозначения данного предмета?

Для утверждения диалектизма в общенародном языке очень важное значение имеет употребление его в художественной литературе и включение в словари.

Примеры употребления в художественной литературе советского периода свидетельствуют о равной употребительности слов *поварешка* и *половник*. Одни писатели предпочитают одно название, другие — его дублет, в основном здесь сказывается место рождения, жительства пишущего. Так, например, слово *половник* мы встречаем у Горького, А. Толстого, Горбатова, Панферова, *поварешка* — у Бажова, Белова, Саянова.

Некоторые писатели употребляют оба слова. У А. Иванова, например, в романе «Тени исчезают в полдень» — *половник*, а в романе «Вечный зов» — *поварешка*. То же наблюдаем в периодической печати (в «Литературной газете» встретилось слово *половник*, в «Советской торговле» — *поварешка*).

В современных записях диалектных слов при определении соответствующего предмета у одних авторов используется слово *поварешка*, у других — *половник*.

Теперь обратимся к словарям XX века. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова приводит слова *поварешка* — *половник* — *уполовник* — *чумичка*, но характеризует их как областные. В словарях 60-х — 70-х годов, в Большом и Малом академических, а также в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слова *поварешка* — *половник* уже не рассматриваются как областные, но все же сопровождаются пометой *разг.*, то есть считаются свойственными лишь разговорно-обиходной речи.

Только в переиздании Словаря Ожегова 1972 года при слове *половник* исчезает помета *разг.* (при *поварешке* она сохраняется). Таким образом, видимо, такой необходимый предмет обихода получает, наконец, в общенародном языке свое нейтральное обозначение.

Л. И. БАЛАХОНОВА

Рисунок В. Толстоногова

В ложке Волги не переедешь.

Ложкой моря не исчерпать.

Один с сошкой, а семеро с ложкой.

Вилкой, что удой, а ложкой,
что неводом.

Кипите, щи, чтоб гости шли,

Почему вода в колодеце колодезная?

Как правило, от существительных на *-ец* типа *конец*, *перец* в современном русском языке образуются такие прилагательные, как *конечный*, *перечный* наряду с *концевой*, *перцовый*. Сходным образом от существительного *колодец* должны были бы появиться прилагательные *колодечный*, *колодецевый*. Однако в современном русском литературном языке этих слов почему-то нет, а вместо них употребляется прилагательное *колодезный* (*колодезная*). Получается определенное несоответствие — в чем же его причина?

Колодец в значении 'вырытая для воды яма, защищенная от обвалов срубом' — слово сравнительно «молодое». Задолго до его появления широко бытовало в древнерусском языке другое слово, по с тем же значением: *колодязь* (*колодезь*). Его мы встречаем в «Повести временных лет», где под 997 годом рассказывается о спасении окруженного печенегами Белгорода-Киевского (это знаменитая легенда о белгородском киселе). Послушавшись одного стар-

ца, белгородцы решили пойти на хитрость — они выкопали в земле *колодязи* (ямы-колодцы), вставили туда кадки с медом и киселем. Затем они сказали увидевшим это «чудо» печенегам, что, поскольку у них «кормля» от самой земли, осада города бесполезна. Хитрость удалась — печенеги поверили белгородцам и отступили.

Слово *колодязь* в значении 'вырытая для накопления пресной или соленой воды яма, защищенная от обвалов срубом' встречается в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова», относящихся к XIII—XIV векам: «Есть на бору колодязь солоной, тыи колодязь Федору и Лаврентью и Обросиму истыцистити» [вычистить]. В памятнике XVIII века «Флоринова экономя» читаем наставление: «А во оскудньи рѣкъ и озеръ потребно добрыя мѣста на колодези изыскивать; и получа въ оныхъ здоровую воду, немедленно копать». В этом значении *колодязь* известно по XVIII век включительно.

Слово *колодязь* употреблялось и в другом древнейшем значении — 'естественный водный источник, родник, приспособленный к практическим нуждам'. Так, например, в Архангельской летописи под 852 годом повествуется о том, что поляне были язычниками, приносившими жертвы водным богам, жившим в родниках: «[Поляне] бяху же поганиши, жряху идолом в колодязех., яко же протчи поганиши». В данном значении слово встречается в памятниках письменности по XVI век: «Называютъ... речку Руеть Саею, что течеть изъ колодязя изъ нашего изъ Куиватского погоста» (Памятники дипломатич. сношений России со Швецией).

В XVI веке у *колодязя* появляется «конкурент» — слово *колодец*, имевшее то же значение — 'вырытая для воды яма, защищенная от обвалов срубом'. Ямы-колодцы строили в XIV—XVII веках не только для добывания воды, но и для накопления концентрированного соляного раствора, выпаривая который, получали соль. В «Расходной книге Николаевского Корельского монастыря» 1581—1587 годов записано: «Щрен [железный ящик, в котором выпаривали соль] починивал на Василевском колодцы дал 7 алтын». В «Таможенных книгах Московского государства XVII века» читаем: «У тое же бани починиван колодец ветчаной, плачено колодешнику Тимошке Васильеву за работу и за лес 19 алтын 4 денги».

Исследователи предполагают, что слово *колодец* возникло в результате преобразования более древнего слова — *колодязь*. В Словаре русского языка, составленном 2-м отделением Академии наук (СПб., 1911), содержится без пояснений именно такое указание: «колодец — видоизмененное колодязь». Однако, каким путем произошло это видоизменение, остается до конца невыясненным.

Возможно, оно явилось итогом преобразования морфологического состава слова *колодязь* под влиянием фонетических процессов. Постоянно безударный гласный последнего слога по причине ослабления стал произноситься как *е*: *колодязь* превратился в *колодезь*. Данное фонетическое изменение отразилось и в орфографии слова, что зафиксировано в словарях. Непродуктивный и малоизвестный суффикс *-езь* был вытеснен более распространенным суффиксом *-ец*. Так возникла форма *колодец*. Окончательному «прояснению» слова *колодец* могло способствовать его народно-этимологическое сближение со словом *колода*: ведь оба слова имели внешне похожие корни. Результатом их морфологического сближения явилось то, что *колодец* стало осознаваться как производное суффиксальное образование от слова *колода*.

Связь слов *колода* и *колодец* подтверждается и другим немаловажным обстоятельством. Как известно, прародина славян была лесистой, камня было немного, поэтому в качестве облицовочного материала для защиты стенок водного источника от обвала или заплывания могло широко использоваться дерево — бревна-колоды. И само сооружение в виде деревянного сруба вокруг водного источника могло получить название *колодец*.

Не случайно в Толковом словаре В. И. Даля *колодезь* и *колодец* рассмотрены в одной словарной статье к слову *колода*. Важно учесть и то, что во многих современных говорах русского языка слово *колода* наряду с другими значениями известно и в значениях, связанных с водой: 'корыто, из которого поят скот; водовозная бочка'. В рязанских говорах *колодец* имеет значение 'сруб'.

Слово *колодязь*, очевидно, древневосточнославянское, поскольку известны такие формы, как др.-русск. *колодязь*, старо-укр. *колодязь*, укр. *колодязь* — 'колодец'; белор. *калодзеж*, *калодзезь* — 'источник, колодец'. Но ни в украинском, ни в белорусском языках нет слова *колодец*, поэтому его следует, вероятно, признать собственно русским образованием.

В XV—XVII веках наметилась тенденция к смешению слов *колодезь* и *колодец* — этому в значительной мере способствовало то, что оба они употреблялись в одном и том же значении — 'искусственный источник, т. е. колодец'. В результате такого смыслового сближения слово *колодезь* в этом значении постепенно становится неупотребительным. Примечательно, что в географической литературе XVIII века процесс замены одного слова другим протекал особенно активно: *колодец* полностью вытеснило свой старый синоним *колодезь* как менее четкий по значению.

Однако древнее слово *колодезь* отличалось ббльшим по сравнению с *колодец* объемом значений и имело уже к XVI веку сложившееся словообразовательное гнездо с целым рядом производных. Например: «Воды колодязные, или трубами приведенные ко источниковым водам» (Назиратель. XVI век); «А колодези и вода колодезная и прудовая... уво всѣх помѣщиков» (Отказные книги. XVII век).

Кроме того, *колодезь* по сравнению со словом *колодец* было до XVIII века более употребительным в русском языке и особенно — на южнорусской территории. Не случайно исследователи обычно указывают на наличие на русском юге многочисленных географических названий, содержащих термин *колодезь*.

Под влиянием рассмотренных факторов в русском литературном языке и появилось своеобразное несоответствие. Группа слов, производных от *колодезя*, стала соотноситься с XVIII века с *колодец*, а его возможные производные типа *колодечная*, *колодецевая* оказались неупотребительны.

В отличие от литературного языка случаи употребления производных, образованных по «правильной» модели *колодец* — *колодечная*, как *конец* — *конечная* и т. п., сохранились в отдельных говорах русского языка. На севернорусской территории известно бытование слова *колодечник* в значениях: «деревянный сруб колодца»; «человек, котоый роет колодцы». В ряде говоров Сибири встречается прилагательное *колодешная* в значении «вода из колодца»: «Ты напои меня колодешной водой, Я пришел к тебе в рубашке голубой» (Словарь русских народных говоров, вып. 14).

Таким образом, в результате смыслового и словообразовательного взаимодействия *колодезь* и *колодец* производные от «молодого» слова *колодец* не закрепились в литературном языке. В качестве соотносимых со словом *колодец* стали употребляться производные от *колодезь* (*колодязь*).

А. В. БАРАНДЕЕВ

Рисунок С. Гавриловой

Не плюй в колодец, случится воды
напиться.

В лес дрова не возят, в колодец
воды не льют.

Под лежачий камень и вода не течет.

Хлеб да вода — молодецкая еда.

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—5; 1980, № 1

Стафеев. Отчество от краткой формы Стафей из канонического мужского имени Евстафий (древнегреч. 'устойчивый, постоянный'). Фамилия документирована в Смоленске (1969 г.), в Перми (1972 г.).

Стахеев, Стахийев. Обе фамилии зафиксированы на Севере: Стахеев в селе Чарозеро Вологодской области, Стахийев — в Архангельске. Первоначально — отчество от Стахей, Стахий из канонического мужского имени Евстахий; возможна и контаминация с производной формой от имени Евстафий (см. Стафеев) вследствие отсутствия звука *ѣ* в древнерусском языке.

Стегнеев. Первоначально — отчество от краткой формы Стегней из канонического мужского имени Евстигний (древнегреч. «хороший знак» в значении 'доброе предзнаменование'), которое в русской повседневной речи превратилось в Евстигней. Обе фамилии записаны в Рязани в 1976 году.

Степунин, Степухин, Степуний. Отчества от уменьшительных форм Степуня, Степуха, Степуша — производных от канонического мужского имени Стефан (древнегреч. 'ве-

нок'). Так как древнерусский язык не имел звука *ѣ*, это имя в повседневной речи произносили как Степан. К слову *степь* эти фамилии не имеют никакого отношения (в противоположность фамилиям Стеннов, Стенняков).

Степурин. Отчество от ласкательной или ироничной формы Степура из канонического мужского имени Стефан (см. предыдущее).

Стирменов. Эту редкую фамилию записала в Архангельской области Г. Я. Симина. При Петре I на архангельские корабельные верфи были приглашены голландские мастера судостроения и судовождения. По мнению Г. Я. Симиной, голландское слово *штурман* в местной русской речи превратилось в *штурмен*, отчество от него и стало фамилией (Г. Я. Симина. Из истории русских фамилий. — Сб. «Этнография имен», М., 1974).

Стифеев. Отчество от просторечной формы Стифей из канонического мужского имени Евстафий (из древнегреч. — 'устойчивый, постоянный').

Страхов. Фамилия связана с глаголом *страхать* — 'пугать', сохранившимся в некоторых

русских говорах («Словарь русских донских говоров». Т. 3, Ростов, 1976). Личное нецерковное имя (прозвище) Страх было нередким у русских: в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова приведены: Гридя Страхов — 1498 год, московский купец Страх (конец XV в.), крестьянин Страх — 1565 год, запорожский казак Страх — 1667 год.

Стрекалов. Отчество от прозвища Стрекало из глагола *стрекать*, имевшего несколько значений: 'стремительно прыгать', 'опрометью бегать', 'шутеть, трещать'. Фамилия известна с XVII века (1677 год — воевода Матвей Стрекалов, г. Ядрин).

Стрекопытов. Одна из интереснейших фамилий. Документирована, например, в Афанасьевской волости Алексинского уезда Тульской губернии в 1917 году (Тульск. обл. арх.). Из Острокопыгов (сначала — Вострокопытов) — дворянская фамилия XVIII века, в основе которой прозвище помещика (XVII в.) Вострое Копыто (*острое* — в диалектах *вострое*). Возможное значение: 'остри копыта' (*наострить копыта* — убежать, спастись). Фамилия позже могла перейти на крестьян, принадлежавших помещикам Острокопытовым.

Стрелавин. Основа фамилии — *стрелава*, это слово нигде не отмечено, фамилия — единственное свидетельство его существования. Она зафиксирована в селе Старый Темпиков Мордовской АССР переписью 1956 года (в архиве НИИ Совета Министров Мордовской АССР). Видимо, слово *стрелава* образовано от *стрела* и мордовского слова *ава* — 'женщина, мать'.

Стренетилов. Отчество от

прозвища Стренетило. Глагол *стренетать* — 'верещать, визжать, шуметь'. Фамилия отмечена в Суерской волости на реке Тобол в Зауралье в 1897 году (Тобольский архив).

Стренетов. Отчество от прозвища или, вероятней, нецерковного мужского имени Стренет из нарицательного *стренет* — крупная степная птица типа дрофы, производящая крыльями резкий свистящий звук при полете.

Стригин. Отчество от прозвища Стрига. В основе — нарицательное *стрига* — 'остриженный коротко', другое возможное значение — 'беглый' (из диалектного глагола *стрикать* — 'быстро бегать'). Документальные свидетельства об этом имени: москвич Стрига — 1446 г., дьяк Петр Стрига — 1515 г., холоп Стрига Оптонов — 1535 г. (Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903). Фамилия нередко встречается в форме Стрыгин.

Строгальщиков. Отчество от именования отца по занятию: *строгальщик* — рабочий, занимающийся обработкой кожи. Кроме того, так иногда называли плотника, но это не могло быть постоянным названием его специальности, а следовательно не стало и основой фамилии Строгальщиков.

Строганов. Отчество от прозвища Строганый (в основе глагол *строгать*) или Строган (существительное из прилагательного *строгий*). Древний предок предпринимателей Строгановых — повгородец Спиридон Строганов — жил в середине XV века.

Строев. Вероятно, отчество от прозвища или нецерковного мужского имени Строй. В писцовых книгах бывших Новгородских земель 1495 года документированы крестьяне

Гридка Строй, Демешко Строй (в разных пятинах, следовательно, имя не было очень редким). Имя, скорее всего, связано со значением 'порядок, устроительство' (ср. Неустроев).

Строкин. Фамилия довольно ранняя. В писцовых книгах бывших новгородских земель 1495 года записан крестьянин Сенка Строкин (вероятно, это еще отчество), тогда же — московский дьяк Иван Строкин; в 1610 году — воевода Строкин в Рославле. В XVI — XVII веках канцелярских служащих народ презрительно называл канцелярская строка. Отдельно же слово строка в таком значении не выступало. Диалектологическая экспедиция Костромского педагогического института записала на западе своей области слово строки — насекомые типа овода, наносящие огромный вред скоту. Вероятно, с этим и связано прозвище, от которого возникла фамилия. Фамилия зафиксирована в Пермской и Костромской областях, в прошлом — в Лужском уезде Петербургской губернии — 1916 г. (Центральный исторический архив, Ленинград) и в Среднем Поволжье — с. Засарье Промысловской вол. Симбирской губ. — 1897 г. (Ульяновск. обл. арх.). Однако трудно решить, указывает ли это на распространение самого слова или (позже) носителей готовой фамилии.

Строков. Основа строка исключена: от существительного с окончанием -а нельзя образовать притяжательного прилагательного с суффиксом (только с -ин: Строкин). Вероятно, происхождение связано с диалектным строки (см. предыдущ.); форма единственного числа строк нигде не зафиксирована, но она вполне

подходила для прозвища («ядовитый, надоедливый»), отчество от которого и стало фамилией. Фамилия документирована с 1495 года — крестьянин Емельяно Строков (Новгородские писцовые книги. Т. 1, СПб., 1862).

Струняшев. О происхождении этой фамилии спрашивает наша читательница (г. Холмск, на Сахалине). Фамилия могла возникнуть как отчество струняшев (т. е. сын Струняша) от прозвища Струняш, в основе которого глагол струнить со значениями 'бренчать, циликать на струнном инструменте' или 'сковать, связать' (ср. приструнить). Однако струняш нигде не зафиксировано, так что предложенное толкование прозвища Струняш остается лишь предположением.

Стрюков. Фамилия, возможно, связана с жаргонным стрюк — 'удар' (В. Д. Бондалетов. Словарь условного языка арзамасских ремесленников. — Вопросы русской диалектологии, Куйбышев, 1965).

Ступин. Отчество от прозвища Ступа из диалектного ступа — 'толстый, неповоротливый' (Г. Я. Симина. Фамилия и прозвище. — «Ономастика», М., 1969).

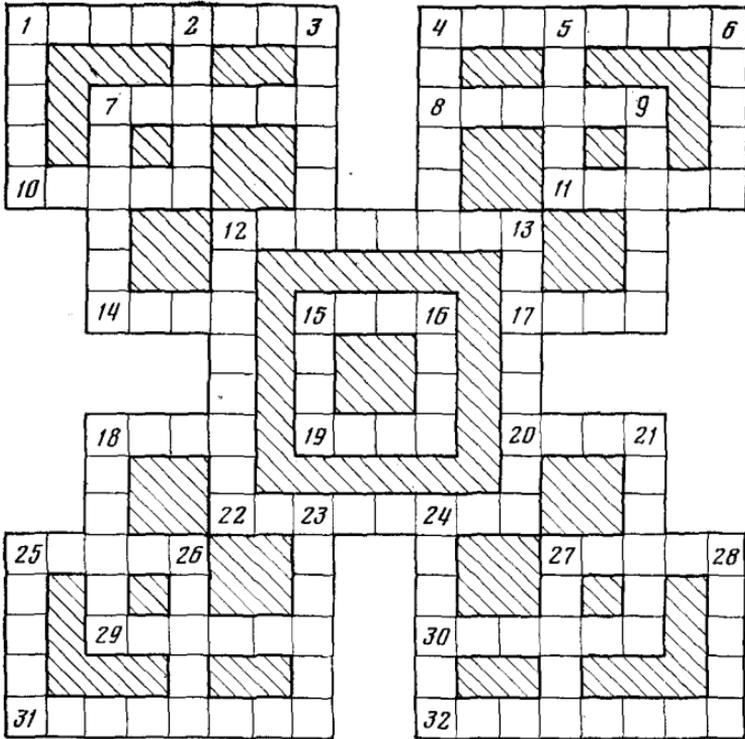
Ступишин. Отчество от производной формы Ступиша из Ступа (см. Ступин).

Субботин. Отчество от нецерковного мужского имени Субота, нередкого в XV—XVII вв. (примеры см.: Н. М. Тупиков. «Словарь древнерусских личных собственных имен». СПб., 1903). В документах большинство фамилий записано с одним б.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Стихотворение А. С. Пушкина. 4. Шутка, основанная на комическом использовании сходно звучащих, но разных по значению слов. 7. Мифический одноглазый великан. 8. Денежная единица кунноденежной системы Древней Руси. 10. Человек крепкого телосложения. 11. Старинная русская монета, упоминаемая в названии одной из пьес А. Н. Островского. 12. Название одной из глав романа Лермонтова «Герой нашего времени». 14. Краткое название внутреннего моря СССР. 15. Пьеса В. Маяковского. 17. Город в Коми АССР. 18. Бледный стекловидный минерал. 19. Условные выражения и слова, применяемые какой-нибудь обособленной или профессиональной группой, кружком. 20. Род украинской народной песни. 22. Беседа. 25. Прикрытие чего-нибудь (книжн.). 27. Крупа из проса. 29. Знан в виде короткой волнистой черточки. 30. Старинное трехмачтовое военное судно. 31. Грубая толстая льняная ткань. 32. Русский поэт XIX века.

По вертикали: 1. Повесть или роман в стихах. 2. Записанная речь. 3. Строфа песни, стихотворения. 4. Узкие стальные полозья для катания на льду. 5. Тропическое растение, разводимое как декоративное. 6. Роман И. С. Тургенева. 7. Непаханая, не подвергавшаяся еще обработке земля. 9. Медицинское учреждение. 12. Устное народное поэтическое творчество. 13. Средневековый провансальский поэт-певец. 15. Название добавочного стиха (одна, реже две-три строки) сверх установленного количества стихов. 16. Русская медная монета XV—XVI веков. 18. Слово-сочетание. 21. Выделение одного из слогов в составе слова. 23. Старинное женское имя. 24. Божество огня в Древнем Риме. 25. Избитое выражение с потускневшим лексическим значением и стертой экспрессией. 26. Сборник таблиц, географических карт и т. п. 27. Герой одной из басен Крылова, олицетворяющий безволие. 28. Роман И. А. Гончарова.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ ВОРОТНИКОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Читатель Н. М. Родионов (Москва) интересуется происхождением слова *воротниковский* (Воротниковский переулок) и обращает внимание на ударение в нем.

В названиях улиц и переулков отразилась история нашей столицы.

Еще в конце XIV века о Москве говорили: «град Москва велик и чуден и много людей в нем». Иностранные гости поражались ее богатству и красоте. В конце XV века был перестроен Кремль, и Москва по внешнему виду производила впечатление двух городов. Посол германского императора Сигизмунд Герберштейн, побывавший в русской столице в 1517 и 1526 годах, писал о Кремле: «Крепость настолько велика, что кроме обширных и великолепно выстроенных хором государевых в ней находятся хоромы митрополита, а также братьев государевых, вельмож и других весьма многих лиц, к тому ж в крепости много церквей, так что она напоминает своей обширностью вид города» (С. Герберштейн. Записки о Московских делах). Как бы вторым городом был посад со слободами, состоявший в основном из деревянных зданий. Здесь селились ремесленники и кушцы. Названия слобод часто давались по профессиональному признаку лиц, в них проживавших, — *Огородники, Котельники, Гончары, Садовники, Кожевники*.

В Москве насчитывалось около 30 военных слобод, где жили стрельцы, пушкарки, солдаты и воротники. Последние несли службу у ворот Кремля, Китай-города и Белого города (крепостная стена из белого камня, построенная в 1585—1591 годах, шла по линии Бульварного кольца). В обязанность их входило на ночь запира́ть,

а утром открывать городские ворота. Наименование лица по профессии *ворѳтники* встречается во многих письменных памятниках: «На посаде же 7 двор(ов) воротниковъ, а людей въ них тожь, а стерегутъ тѣ воротники у обѣих воротъ, да тѣ жъ воротники стерегутъ тюрьмы» — 1572 г. (Писцовые книги Московского государства); «Пришлаша съ Москвы пищальниковъ казенныхъ и воротниковъ» — 1438 г. (Псковские летописи); «Которые посадские жъ люди съ тягла вышли въ басманники... и въ воротники, и въ кузнецы и въ сторожи по приказомъ» (Переписная книга сыскных дел 1648—1649 гг.).

Существовало две слободы воротников: *Воротники* и *Новые Воротники* (последняя образовалась после переведения части населения из старой слободы за пределы Земляного города в 1658 году). Названия этих слобод и дали имена *Воротниковскому* и *Ново-воротниковскому переулкам*.

Как произносилось слово *воротниковский*? Известно, что в русском языке характер ударения производного слова зависит от характера ударения производящего. Прилагательное *воротниковский* образовано от существительного *ворѳтник*, которое также являлось производным от *ворота*. Слово *ворота* имело два ударения, об этом свидетельствуют словари. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера читаем: «ворѳта, народн. ворѳта́...» Форма *ворѳта* стала впоследствии литературной. Производное существительное *ворѳтник* также имело закрепленное ударение на втором гласном основы (церковь святого Пимена в Ворѳниках). Постоянству ударения в этом слове способствовало появление в русском языке слова *воротник* «часть одежды, пришиваемая к вороту», которое было зафиксировано памятниками русского языка в начале XVII века (см. Словарь русского языка XI—XVII вв.). В противном случае возникла бы омонимия. Но производные прилагательные *ворѳтникѳв*, *ворѳтникѳцкий* и более позднее — *ворѳтникѳвский* могли иметь колебания в ударении в связи с трехсложной структурой производящего слова. Однако, думается, что форма *ворѳтниковский* первоначально ощущалась говорящими более правильной, как показатель производности от слова *ворѳтник*.

В настоящее время значительно чаще приходится слышать другой вариант произношения — *воротникѳвский*. Этому способствует и утрата ясной смысловой связи с производящим словом *ворѳтник*, и влияние форм на *-овский*, в подавляющем большинстве имеющих суффиксальное ударение (ср. *старикѳвский*, *женѳхѳвский*, *мужикѳвский* и мн. др.).

Е. М. Алехина

Как-то в беседе с молодыми специалистами крупный ученый, получивший школьное образование еще до революции, обронил такую фразу:

— Вот так я и начал путь в науку на мирской кошт...

Большая Советская Энциклопедия (3-е изд.) определяет *кошт* как устаревшее слово в значении 'изживание, расходы, издержки' и добавляет: «В нек-рых уч. заведениях дореволюц. России учащиеся подразделялись на казеннокоштных (принятых на содержание казны) и своекоштных (обучающихся за свой счет)».

Общеславянское по распространению, слово *кошт* достаточно широко использовалось в русском языке в XVIII веке. Так, Г. Р. Державин в письме к Тихину в марте 1774 года писал: «...ежели не почтуть себѣ въ тягость мірскіе подначальства вашего люди исправить имѣющіеся у васъ четыре пушки собственною своею волею на ихъ коштъ, то я постараюсь для дѣла сего истребовать артиллериста...» (Сочинения Державина... Переписка).

Встречается *кошт* в письме В. Г. Белинского родителям (конец 1829 г.): «Решение на мою просьбу выйдет (...) и до тех пор я должен жить на своем коште»; в рассказе И. С. Тургенева «Бригадир» (1867): «Да он же их и похоронил и ограду поставил на свой кошт».

Впервые слово *кошт* было зарегистрировано в 1780 году в «Российском, с немецким и французским переводами, словаре, сочиненном Иваном Нордстетом». Однако это совсем не значит, что почти до самого конца XVIII века его не было в русском языке. Известный языковед Макс Фасмер отмечал в «Этимологическом словаре русского языка», что слово *кошт* употреблялось уже в литературных памятниках начала XVIII века. Вот цитата из «Слова на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго...» Феофана Прокоповича (1725): «Не она ли (Россия) видѣла его усматрѣвающа, собирающа и чинно располагающа полки воинства, и в немъ всю артиллерию, всю амуницию, все виды оружія, еще же и самый топ коштъ, имѣ же бы содержати воинство».

Самое раннее употребление *кошт* встречается в «Грамоте государя царя Алексея Михайловича Виленскому воеводе князю Михайле Шаховскому» (1658): «Как будетъ въ Вилнѣ требуналь, и чтобъ депутаты требунальскіе со всякаго повѣта наймовали каменницы своимъ коштомъ».

О том, что слово *кошт* долгое время входило в активную лексику живого русского языка, свидетельствуют русские диалектные словари — как старые, так и новые. Причем диапазон значений слова в русских говорах весьма широк. В одних наречиях

оно означает 'иждивение, содержание, расход, издержка', в других — 'счет, средства'.

Весьма разнообразные значения имеет в русских народных говорах и глагол *коштовать*. Так, в Толковом словаре В. И. Даля — 'стоять, цениться' (*Что коштует съездить в Питер?*), 'годиться, быть годным' (*Не коштует дуга эта*), 'отведывать на язык' (*Коштовал ли ты инбирь?*), 'угощать, потчевать на свой счет, содержать' (*Я вас коштую сегодня всех*).

Пришло слово *кошт* в русский язык из польского при посредничестве украинского и белорусского языков. Но для поляков *кошт* (*koszt*) со значением 'деньги, выданные на что-нибудь; цена, стоимость' тоже не является исконным словом. Пришло оно в старопольский язык из немецкого (через старочешское *košt* 'пропитание, содержание') не раньше XVI века со значением 'издержки, расход', а также 'средства на покрытие каких-либо издержек'.

В конце XIX века слово *кошт* в русском языке стало резко терять свою активность и вскоре перешло в разряд пассивной лексики. Будучи включенным в большой круг синонимов, таких, как *иждивение, содержание, расходы, издержки, средства, затраты, счет* и других, оно не выдержало состязания с ними и вышло из употребления. Немаловажную роль сыграло здесь и то обстоятельство, что *кошт* не стало словом-термином, поэтому многочисленные синонимы легко вытеснили его. И теперь уже немногие толковые словари регистрируют *кошт*, сопровождая его непременной пометой *устар.*

А. Т. Липатов

■ ПОЧЕМУ АВИОПОЧТА СТАЛА АВИАПОЧТОЙ?

Е. Ражев из г. Кинешмы пишет: «Читая филологическую литературу, я обратил внимание, что раньше на марках сложное слово *авиапочта* писалось через *-о-* — *авиопочта*. Почему *авиопочта* стала *авиапочтой*?».

Такое изменение в написании связано с двумя разными способами словообразования в современном русском языке — сложением основ и аббревиацией.

Сложение основ — это один из способов морфологического словообразования, при котором путем объединения двух или нескольких основ образуются сложные слова. Так появляются слова и с взаимодействующими основами. Обычно основы объединяются с помощью соединительной гласной *о*, например: *ави-о-почта* (корень

слова *ави-* заимствован из латинского языка: *avis* — птица), *идеология*, *косм-о-навтика*, *крипт-о-графия* и под.

Однако в русском языке в послереволюционный период развития более продуктивным способом образования слов стала аббревиация, то есть образование слов с помощью сокращенных элементов. В современном русском языке существует несколько типов аббревиатур: слоговой — *ком-со-мол*, звуковой — *роно*, буквенный — *ЛГУ*. Особую группу составляют сложные существительные, первой частью которых является сокращенная основа, а второй — полное слово, например: *авиасалон* (авиационный салон), *автопробег* (автомобильный пробег) и под.

Авиа — это аббревиатурная морфема (минимальная значимая часть слова). Процесс пополнения современного русского языка аббревиатурными морфемами очень интенсивен. В язык вошла многочисленная группа сложных слов с элементами: *авиа-*, *авто-*, *агро-*, *аэро-*, *библио-*, *био-*, *вело-*, *гелио-*, *гео-*, *гидро-*, *гомо-*, *графо-*, *зоо-*, *изо-*, *кази-*, *кино-*, *макро-*, *микро-*, *метео-*, *моно-*, *мульти-*, *нео-*, *палео-*, *поли-*, *псевдо-*, *радио-*, *теле-*, *термо-*, *стерео-*, *фото-*, *фоно-*, *электро-*.

В результате борьбы двух способов словообразования в современном русском языке победила аббревиация.

В. Н. Шейн

■ «С НАЧАЛА ТА Ж Я И С КОНЦА...»

В «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского в одной из сцен, описывающих разнообразные развлечения и проделки бурсаков, рассказывается о пезадачливом новичке Карасе, который был ошеломлен одной «штукой», предложенной ему второкурсником:

«— Давай, я тебе штуку покажу,— говорит он [второкурсник]...— Напиши: «я иду с мечем судья».

Карась написал.

— Читай теперь сзади наперед, от правой руки к левой.

И от правой руки к левой выходит: «я иду с мечем судья». Это очень неправилось Карасю...».

Что же это за «штука», заставившая удивиться новичка? Искушенный в бурсацких забавах старший школяр продиктовал своему товарищу известную строку из стихотворения Г. Р. Державина:

Я разуму уму заря,
Я иду с мечем судья;
С начала та ж я и с конца
И всеми чтуся за отца,

Особенность этого четверостишия заключается в том, что первые две строки можно читать как с начала, так и с конца, о чем и сообщается в последующих двух строках. Такое явление получило название *перевертыша, перевертыя, палиндрома*.

Палиндром (от греч. *palindromos* — бегу назад) представляет собой слово, фразу или стих, имеющие одинаковый смысл при чтении слева направо и справа налево.

Палиндромами могут быть отдельные слова или их формы: *ага, еле-эле, или, как, мадам, тут, цыц, боб, дед, довод, доход, заказ, кабак, комок, казак, мим, наган, око, потоп, поп, пуп, ротор, радар, ротатор, топот, тот, шалаш; Ада, Алла, Анна, Натан; вороб, выбыве, иди, ищи, лакал, летел, лил, нежен, тащат, учу*.

К палиндромам примыкают и некоторые слова-анаграммы (греч. *ана* — пере-, через + *грамма* — буква). В результате их прочтения справа налево образуются новые слова с новыми значениями. Например: *вес-сее, воз, вол, зал, город, грот, дар, лад, лес, ненец, норев, ров, сок, тираж, топор, трос, туш, шорох, шрам, рагу, ток, бук, гам, луг, огород* и др.

Анаграммы используются при составлении палиндромов-словосочетаний: *золото лоз; Олесе весело; осело колесо; ты, Саша, сыт; а ремень не мера; искать такси; а буду я у дуба; а луна канула; А роза упала на лану Азора*. Большинство таких палиндромов отличается искусственностью, и только в единичных случаях это не чувствуется при их воспроизведении (в приведенных примерах можно отметить удачные палиндромы: *Олесе весело; а ремень не мера*).

Фраз, которые могут читаться в обратном порядке, значительно больше, чем слов-перевертышей, их количество не ограничено, так как всегда имеется возможность составить или даже увидеть такой палиндром, например, *Дом мод*.

Наиболее употребительны палиндромы в поэзии. Начало появления стихотворных палиндромов в русской словесности можно отнести к XVII веку. Они были известны под названием «рачьих стихов».

Особую популярность поэтические палиндромы получают в начале XX века. В. Хлебниковым в это время на основе их была написана поэма «Разин». Несколько стихов-палиндромов можно найти у В. Брюсова:

Кот — ток.

Нос — сон.

Хорош — шорох.

Атака — заката.

Я — идиллия ... я иль Лидия?

В подобных стихотворениях на первом плане выступает не содержание, которое бывает даже трудно уловить, а форма, представляемая как словесная игра. Хотя, конечно, отдельные строчки могут нести высокую эмоциональную и смысловую нагрузку, например, финальная строка в поэме В. Хлебникова: «Мы, низари, летели Разиным».

В большинстве своем «рачы стихи», по высказываниям самих поэтов, — это всего лишь литературные опыты и поиски новых выразительных средств. У С. Кирсанова в форме палиндрома написан «Лесной перевертень». Вот строки из этого стихотворения:

Летя, дятел,
ищи пици.

Жук уж
не zelo полезен.
Личинок кончил?
Ты — сыт?
Тепло ль петь?
Ешь еще
и дуди
о лесе весело.

В. А. Григоренко

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна.

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12.12.1979. Подписано к печати 07.02.1980. Т-05210
Формат бумаги 84×108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 9,7
Бум. л. 2,5. Тираж 60000. Заказ 2580

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-05-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10